

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Филологический факультет
Кафедра теории языка и речевой коммуникации

С. Г. Шейдаева

ИСТОРИЯ СЕЛА В ФАМИЛИЯХ ЛЮДЕЙ:

Бемышевский медеплавильный завод

Лингвокраеведческий очерк

Ижевск
2012

ББК 81.411.2 – 31
УДК 811.161.1'373.2
Ш 391

*Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
УдГУ*

Рецензенты: доктор филологических наук, М.Г. Милютина,
доктор исторических наук, Н.П. Лигенко

Шейдаева С.Г.

Ш 391 История села в фамилиях людей: Бемьшевский меде-
плавильный завод. Лингвокраеведческий очерк. –
Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. –
196 с.

ISBN 978-5-4312-0103-5

На основе сопоставления региональных историко-культурных и лингвистических процессов (история заводского села и формирование его антропонимикона) делается вывод о том, что общероссийские и местные исторические события второй половины XVIII–XIX в. непосредственно влияли на содержательный и структурный состав сельских фамилий. Основными источниками послужили рукописные книги Свято-Троицкой церкви села Бемьж (Центральный государственный архив Удмуртской Республики), которые позволили выявить истоки оригинального бемьжского антропонимикона, а вместе с ним и черты русского народного характера, так ярко явленного в истории этого старинного села.

ББК 81.411.2 – 31
УДК 811.161.1'373.2

© С.Г. Шейдаева, 2012
© ФГБОУ ВПО «Удмуртский
государственный университет», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ «ЧТОБЫ ПАМЯТЬ НЕ ЗАХЛЕСТНУЛО»

Эта монография посвящена историческим процессам формирования состава фамилий старинного русского села Бемыж (ныне Кизнерского района Удмуртской Республики), которое появилось на юге Вятской губернии в середине XVIII века в период строительства медеплавильного завода и перемещения сюда людей – в основном, крепостных крестьян – с других территорий. В связи с переездом на новое место жительства и их «припиской» к заводу здесь изначально складывались условия, способствовавшие формированию и закреплению крестьянских фамилий, которые передавались затем из поколения в поколение и до наших дней несут ценную лингвокраеведческую информацию.

Всё дальше уходит в прошлое насыщенная событиями, неповторимая история села Бемыж, и только старики еще помнят что-то из рассказов родителей: «*Стоял завод у кладбища, Осокин, осокинский завод*», «*руды вырабатывали*», «*завозной народ всё был у нас*» [108]. Но у многих уже и «память захлестнуло», как сказала одна старушка. Представляется весьма важным, чтобы молодое поколение знало историю своего края, своего родного языка, понимало ценность народной культуры, которая отражена и в фамилиях прадедов. «Учитель, имеющий знания в области лингвокраеведения, способен пробудить в детях чувство принадлежности к своему народу, своему краю и его истории, интерес к родному языку» [65: 1].

Основным источником антропонимического материала для нашего исследования послужили архивные рукописные книги Свято-Троицкой церкви с. Бемыж. Мы обратились к историческим документам, чтобы понять истоки оригинального бемыжского антропонимикона, а вместе с ним и истоки народного русского характера, так ярко явленного в истории этого старинного села.

В XIX в. в Бемыже кипела бурная жизнь, со всех концов Вятской губернии, а также других регионов страны, сюда съезжались народ, здесь встречались носители разных русских говоров, различных социальных слоев и этнических культур. «Попытаемся взглянуть на мир крестьянской культуры как на остановленное время, самостоятельную ценность, а не преддверие нашего дня. Это был гигантский, полнокровный, бурлящий мир, в котором жили», – пишет историк В.А. Бердинских [б: б].

АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ В ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИИ

Лингвокраеведением называется исследование местной истории и культуры на языковом материале. Устойчивые языковые обороты, фольклорные тексты, памятники письменности, географические названия, имена, отчества, фамилии и прозвища людей, и даже клички животных хранят информацию о жизни местного населения в прошлом и настоящем, о его культурных традициях, взгляде на мир.

В настоящее время в России наблюдается возрастание интереса именно к региональным социокультурам. Происходит, как пишут историки, «самоидентификация региональных сообществ», что требует бережного сохранения местного исторического опыта, возрождения культурных традиций, сбережения местных историко-культурных памятников [13: 77].

Одним из направлений современного лингвокраеведения является **краеведческая антропонимика**, исследующая наиболее распространенные в том или ином регионе имена, фамилии, прозвища людей, способы их образования, сферы употребления, этикетные нормы и т.д. [78: 142]. Антропонимика изучает информацию, которую может нести имя: «характеристику человеческих качеств, связь лица с отцом, родом, семьей, информацию о национальности, роде занятий, происхождении из какой-либо местности, сословия, касты» [59: 36]. *Антропоним* – это любое собственное имя человека (или группы людей); *антропонимия* – совокупность антропонимов какой-либо местности; *антропонимикон* – словарь или список антропонимов. Формирование *региональных систем антропонимов* во многом зависит от экстралингвистических факторов – исторических, социальных, культурных, в связи с чем изучение региональной антропонимии проводится с учетом особенностей исторического развития конкретных территорий (работы Т.В. Бахваловой 1972, Е.Н. Поляковой 2002, Н.С. Дьяковой 2007 и др.). Региональный подход позволяет изучать языковые факты, распространенные на определенной территории, в их взаимодействии, в системе [35: 7].

В настоящее время интерес к имени собственному связан с повышением в российском обществе интереса к личности, ис-

тории, культуре народа [18: 55]. С обращением лингвистов в конце XX – начале XXI в. к исследованию языковой личности и языковой картины мира возрастает роль изучения имен собственных, в частности антропонимов, являющихся «одним из важнейших компонентов, составляющих видение мира человеком» [20].

Необходимой составляющей описания антропонимических систем региона является поиск источников разных эпох, фиксирующих имена собственные [60: 140], которые представляют собой «содержательные доминанты исторических документов» и оказываются ценным материалом для краеведа [78: 142]. В ономастике отражены разные этнохронологические пласты, история и география края [14], поэтому «всестороннее объяснение формирования и развития антропонимической системы народа невозможно без глубокого анализа исторических документов, которые дают возможность определить источники происхождения тех или иных антропонимов и системы в целом» [68: 12].

Направление ономастических исследований, связанных с определенной территорией, с местной ономастической подсистемой, называется **региональной ономастикой**. Объектом ее изучения является, в частности, история возникновения собственных имен в данной местности. «Изучение антропонимического пространства является одним из продуктивных видов научной деятельности, позволяющим не только выявить многогранные связи в современной лингвосистеме, но и воспроизвести национальный элемент языковой картины мира, как нельзя лучше сохраненный многими поколениями людей в официальной и неофициальной антропонимии» [11: 2].

В нашей работе рассматривается такой пласт имен собственных, как **фамилии** - наследуемые официальные наименования, указывающие на принадлежность человека к определенной семье, что делает их своеобразным национально-культурным феноменом в системе языка [45: 7]. В последние годы ведется серьезная работа по изучению *местных фамилий*: сибирских (В.В. Палагина), уральских (В.Ф. Житникова) и зауральских (Н.Н. Бражникова), донских (Л.М. Щетинин), пинежских (Г.Я. Сими́на), вологодских (Ю.И. Чайкин, Н.В. Комлева), твер-

ских (И.М. Ганжина), пермских (Е.Н. Полякова, Д.В. Семейкин), тамбовских (И.С. Иванова, Т.Г. Смирнова), смоленских (И.А. Королева, Ю.Ю. Марченкова), нижегородских (А.А. Ильичев), воронежских (Л.Н. Верховых), удмуртских (М.Г. Атаманов, Л.Е. Кириллова) и др.

Исследователи подчеркивают, что фамилии, связанные с историей какой-либо территории, составляют особую группу [18: 55], поскольку, несмотря на общность исторических процессов в образовании русских фамилий, имеются и определенные региональные особенности [45: 7]. Так, по наблюдениям В.В. Палагиной, местная окраска русских антропонимов в XVI–XVII вв. проявлялась в их составе, степени употребительности, словообразовательных моделях, фонетическом оформлении фамилий [56: 8]. Наиболее яркой и колоритной чертой антропонимикона какого-либо региона исследователи называют фамилии с диалектными основами [9: 103].

В русском языке существует немало узко локальных фамилий, которые ограничены небольшой территорией или даже одним населенным пунктом. Описание *антропонимии отдельного населенного пункта* расширяет представление об особенностях антропонимической системы русского языка в целом. Для получения более полной языковой картины исследуемого региона необходимо тщательно изучить ономастическое пространство мельчайших административно-территориальных единиц: конкретных населенных пунктов и районов, областей и республик Российской Федерации [61: 146]. «Фамилии – своего рода живая история. Ошибочно думать, будто это относится только к фамилиям выдающихся людей – история трудовых семей ничуть не менее интересна. Фамилии рядовых людей позволяют, например, проследить маршруты больших и малых миграций» [49: 197].

В своей антропонимической модели «почти каждое имя содержит в себе информацию о времени и месте своего возникновения» [75: 36]. Лингвисты, исследовавшие процессы становления русских фамилий как антропонимической категории, установили, что и в хронологическом, и в этимологическом (мотивировочном) отношении фамилии людей, принадлежащих к разным слоям общества, имели неодинаковую **историю формирования**.

Первыми фамилии приобретали князья и бояре (XIV–XV вв.), основой для их фамилий служили названия родовых владений (Вяземский, Шуйский, Курбский). *Дворянские фамилии* формировались на базе географических названий (XVI–XVII вв.), среди них также немало было фамилий восточного происхождения (Карамзин, Шереметев, Нарышкин). *Фамилии помещиков* создавались в основном, на базе отчеств – слов, указывающих на имя отца (начало XVIII в.). И по форме, и по происхождению русские отчества – это бывшие притяжательные прилагательные, образованные от имен посредством суффиксов -ов- (-ев-), -ин- [67: 177]. Купеческие фамилии образовывались от названий профессий или по месту, откуда купец приехал.

Духовенство еще и в середине XVIII в. почти не имело фамилий [47: 169]. С конца XVIII в. и особенно в первой половине XIX в. в духовных семинариях учащимся записывали придуманные фамилии по названию церкви, в которой служили их отцы (Вознесенский, Никольский) или епархии (Уфимцев, Новгородский), заменяли неподходящие фамилии более благозвучными (Богородицкий, Рождественский, Троицкий). Использовались модели от названий драгоценных камней, растений и птиц, названий возвышенных качеств, природных явлений, античных имен, названий икон, церковных праздников, от имен святых, по чертам характера и т.д. Сын священника, отправляясь на учебу в духовное училище, мог приобрести фамилию в честь помещика (например, Михайлов > Михайловский, Чернышев > Чернышевский). Эта практика была упразднена в середине XIX в. [84: 363].

Подавляющее большинство крепостных крестьян дольше других социальных групп не имели фамилий, им «*фамилия не полагалась*» [49: 209], хотя в деревнях использовались так называемые уличные фамилии, в которых отражались родственные связи, отношения между людьми, черты характера именуемого, род занятий, социальное положение и т.д. [81: 314]. Уличные фамилии, нигде не записанные, «как стихийно возникали, так и стихийно изменялись и исчезали. Нередко семья носила сразу несколько фамилий» [49: 210]. Массовое приобретение крестьянами официальных фамилий произошло только после отмены крепостного права. Большинство из них создавались на базе отчеств, образованных

от крестильных (календарных) имен или от прозвищ. *Календарными* в русской традиции называются имена, взятые из церковного календаря, *некалендарными* – имена вне этого календаря, не связанными с именем определенного святого.

Русская антропонимическая формула, окончательно сложившаяся в виде трехчленного словосочетания «имя + отчество + фамилия», в настоящее время «выполняет социальную функцию: «это языковой знак, которым осуществляется в обществе и государстве максимум индивидуализации и идентификации одного отдельного лица» [66: 177].

Для исторической ономастики особую значимость имеет то, что имена собственные являются источником этнокультурной и социокультурной информации. Одним из актуальных направлений современного языкознания является **историческая антропонимика**, обратившаяся к изучению региональных антропонимических систем [23].

«Для того чтобы представить именник различных синхронных срезов и особенно его динамику нужны сплошные обследования за длительное время в пределах одной территории или населенного пункта. Но найти город, по которому бы имелись метрические записи из года в год, почти невозможно» – пишет В.Д. Бондалетов [8: 114]. Однако **Метрические книги** Свято-Троицкой церкви села Бемыж дошли до нас практически в полном объеме [98: 57], сейчас они находятся в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР, фонд 72, опись 1, 66 единиц хранения, 1825–1902 гг.) [109]. В прошлом в них заносились данные о рождении, крещении, венчании и смерти прихожан – жителей этого старинного села и окрестных деревень. Записи делал тот священник, который венчал, крестил и отпевал прихожан, записи вносились сразу по исправлению требы (сначала в черновую книгу, затем в беловую), так как приходские книги нельзя было выносить из церкви. Метрические книги «являются не только первичным, но и наиболее достоверным генеалогическим источником» [54: 89] и в настоящее время нередко используются для изучения антропонимов, так как они «наиболее достоверны с точки зрения узуса, поскольку содержат антропонимы, употреблявшиеся в светской жизни» [27: 4].

В России метрические книги церковей начали вестись не ранее 1722 г., каждая книга состояла из трех частей, содержащих сведения о рождении (дата рождения и крещения, имя и фамилия, место жительства и вероисповедание родителей, законность и незаконность рождения), браке (имя и фамилия жениха и невесты, их место жительства, национальность, вероисповедание, возраст, дата венчания, фамилии и имена свидетелей), смерти (имя и фамилия, место жительства, возраст умершего, дата и причина смерти, место захоронения).

В метрических книгах церкви села Бемьж записи делались разными людьми, разными чернилами, с листов до сих пор сыплется песок, которым подсушивалось написанное. Когда листаешь эти старинные страницы, то кажется, что люди, жившие когда-то в селе, снова ходят друг к другу на свадьбы, крестины и похороны, младенцы во множестве рождаются и нередко через несколько месяцев умирают “от родимчика”, “от оспы”, “от горячки”, братья становятся восприемниками при рождении и крещении сестер, сестры выходят замуж, друзья женихов приходят на венчание как “поручители”, старики умирают “от чахотки”, “натурально”, вдовы выходят замуж “вторым браком”. Жизнь продолжается... Мелькают известные и в наше время бемьжские фамилии – *Модины, Чучковы, Пахомовы, Башкировы, Бускины, Бонькины, Вдовины, Духтановы, Титовы, Абрамовы, Акимовы...*

Метрические книги Свято-Троицкой церкви явились для нас основным источником по истории бемьжских фамилий.

Кроме того, источниками послужили **Брачные обыски** – документы, которые составлялись в церкви еще до заключения брака [103]. В них священником церковного прихода вносились данные о сословной принадлежности жениха и невесты, их месте жительства, роде занятий, возрасте и т.д. Основной целью составления брачных обысков являлось установление отсутствия родства у вступающих в брак; данные документы подписывались поручителями. Всего по России к настоящему времени Брачные обыски сохранились в очень небольшом количестве и в основном – за 1810–1860 гг. Нами были изучены данные документы бемьжской церкви за 1888–1901 гг.

Для исследования привлекались также **Духовные росписи** [104] Свято-Троицкой церкви села Бемыж за 1798–1809 гг., 1811–1827, 1831–1835 гг. Духовные росписи, или исповедные ведомости, - это посемейные списки, которые составлялись ежегодно с целью предоставления в духовное правление сведений о прихожанах, бывших у исповеди и причастия, а также о тех, кого не было и по каким причинам. Списки составлялись по дворам, первым указывался глава семьи и отношение к нему других членов семьи, их имена, фамилии, число лет от роду, даты прохождения исповеди и причастия. Сведения о «подворниках» и составе их семей приводились после данных о семье их дворовладельца.

Были изучены нами и **Книги записи оглашений о вступлении в брак** [107] за 1911–1913 гг., в которых содержатся данные о прихожанах и их полные именные.

В исследовании использовались также **материалы диалектологических экспедиций** филологического факультета Удмуртского государственного университета в село Бемыж в 1980-х гг. [108], в частности, это записки автора данной книги и удивительные по точности записи профессора Бориса Ивановича Осипова; привлекались данные **картотеки русских говоров Удмуртии**, хранящейся в кабинете русского языка УдГУ [106]; источниками антропонимического материала советского времени послужили, в частности, **протоколы партийных собраний Бемыжской МТС** (1935, 1937, 1956–1958 гг.) [110].

Бесценным источником по истории села Бемыж стали для нас статьи историков П.Н. Луппова «К истории медеплавильного Бемышевского завода» (1936 г.) [42] и А.А. Александрова «Из истории Бемышевского медеплавильного завода (1981 г.) [2].

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII В.: ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЫ БЕМЫШЕВСКОГО ЗАВОДА И ИХ ФАМИЛИИ

История села Бемыж, появившегося как поселение при медеплавильном заводе, начинается с середины XVIII века, когда в Казанской губернии на речке Бемышевке (Бемышке) был заложен Бемышевский медеплавильный завод. Он был основан купцами Осокиными из г. Балахны Нижегородской губернии, которые были в числе тех, кто откликнулся на призыв Петра Первого «искать, плавить, варить и чистить всякие металлы и минералы» [15: 249]. Разрешение на строительство завода было получено 31 марта 1755 г., в этом же году были построены две медеплавильные печи и вспомогательные помещения [2: 99]. В 1756 г. Бемышевский медеплавильный завод был пущен [92:131; 32:572].

Фамилию **Осокин** можно назвать первой «бемышевской» (бемыжской) фамилией, так как именно с нее начинается история формирования антропонимикона села. Эту фамилию носила большая династия купцов и горнозаводчиков, выходцев из крестьян Троице-Сергиевой Лавры (этому монастырю в Балахне и других приволжских городах принадлежали разнообразные промыслы – рыбные, соляные, бортные) [91: 96].

Двоюродные братья П.И. и Г.П. Осокины занялись горнозаводским предпринимательством, накопив достаточный капитал на винных откупах и доставках хлеба. В 1729–1760 гг. они основали в Приуралье ряд железоделательных и медеплавильных заводов [13: 47–49]. Историки пишут, что «первым по времени сложился частный комплекс медеплавильных заводов в Кунгурском уезде – А.Н. Демидова и балахонских купцов Осокиных» [92:44]. Со временем обзавелись Осокины и соляными промыслами, откуда в 1760-х гг. крепостные крестьяне были переведены на Бемышевский завод.

Отметим также и другие факты фиксации этой фамилии в разных источниках: в документах, связанных с восстанием Пугачева, названы заводчик *Николай Осокин* (1774) [39] и дочь одного из заводовладельцев – *Е.И. Осокина*; в метрических книгах Свято-Троицкой церкви Бемышевского завода имеется за-

пись о «мещанине из Балахны» *Василии Осокине*, умершем и похороненном в Бемыже в 1820 г. в возрасте 77 лет (в год пуска завода ему было 13 лет и он мог быть, например, внуком кунгурского заводовладельца Василия Осокина); в исторических документах за 1797 г. упоминается также фабрикант и купец *Осокин* (из балахнинских купцов), выслуживший дворянство и имевший крупную суконную фабрику в Казани, «сын железного заводчика» [43: 59, 258].

История этой фамилии не прерывалась в Бемыже и в XX в. Так, Осокин упоминается в списке жителей села, вернувшихся с Великой Отечественной войны [105]. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время.

Фамилия *Осокин* была образована как отчество «Осокин сын» (сын Осоки) от некалендарного (дохристианского) имени *Осока*, известного по памятникам русской письменности с конца XV века [83: 166; 76: 23-24; 58: 80].

В XVIII в. в Приуралье было построено всего 68 медеплавильных заводов на базе гнездовых залежей медистых песчаников [13: 250]. Все металлургические заводы размещались тогда у рек, перегороженных плотинами, что было необходимо для создания пруда, вода из которого обеспечивала двигатели завода. Для устройства плотины использовалась глинистая земля, набиваемая в деревянные срубы [13: 292]. Вблизи завода, на площади, находились контора, жилища администрации завода, церковь. «Мастеровые и работные люди жили в поселках, располагавшихся обычно рядом с заводами» [33: 22].

Первые кадры рабочих Бемышевского медеплавильного завода комплектовались из русских крепостных крестьян **Кунгурских соляных промыслов** (село Красноярское) [2: 105]. На завод крепостные солепромышленника Василия Осокина перемещались в разные годы отдельными группами [42: 187]. Переселения крестьян в XVIII в. «осуществлялись при помощи военных команд и сопровождалась разорением их имущества и насилиями» [90: 99]. Положение помещичьих крестьян, переведенных из вотчин и поселенных при заводах, «целиком определялось крепостническими порядками, выраженными на Урале в особо грубых формах насилия над личностью и собственно-

стью крестьянина» [33: 28]. Переселенные крестьяне в значительной мере зависели от произвола заводской администрации.

В 1763 г. на территории современного Бемыжа проживало уже 289 русских крестьян и 13 новокрещеных **башкир**, а также 305 женщин, в 1766 г. были присланы еще 9 башкир [2: 105].

На всех новых частных заводах в то время основным источником рабочих кадров было массовое переселение вотчинных крепостных крестьян, а также покупка крестьян и мастеровых, в результате чего на уральских заводах сложился очень пестрый состав мастеровых и рабочих [13: 52, 99]. Люди различных социальных категорий, числившиеся по ревизским сказкам «не помнящими родства», «незаконнорожденными», «приписавшимися по желанию», были объединены в сословие **горнозаводских крепостных людей**. Чтобы обеспечить заводы рабочей силой в малонаселенном, необжитом крае, заводовладельцы давали им право иметь дом, приусадебные участки, наделяли покосами. Так сложился тип крепостного горнозаводского рабочего, прикрепленного к земле и заводу [13: 252]. Уже начиная с Петра Первого крестьяне, прикрепленные к заводам, стали выделяться из общей массы крестьянства [16: 256].

При устройстве нового завода правительство давало заводчику «несколько казенных крестьян, опытных в мастерстве», которые получали наименование «приписных крестьян» [16: 255] и юридически были государственными, но по форме эксплуатации приближались к частновладельческим [17: 37]. Обычно эти крестьяне использовались только на вспомогательных работах – рубке дров, углежжении, добыче руды и т.п. [13: 52] и сохраняли в своих деревнях дома, хозяйство, земельные участки. Работа на заводах для них признавалась временной. Именно они нередко открыто выражали свое недовольство, не мирились с обязанностью отбывать повинности на заводских работах, поскольку их собственное хозяйство оскудевало. Постоянные отказы от заводских работ, массовые волнения доходили иногда до вооруженного сопротивления [13: 97]. На Бемышевском заводе, как пишет А.А. Александров, вплоть до 1820-х гг. не было приписных и вольнонаемных людей, а все работы выполнялись так называемыми «владельческими» и крепостными крестьянами [2:105]. «Основу жизни мастеровых и

рабочих людей составляла работа на заводах. Условия труда в доменных, медеплавильных и молотовых цехах, на рудниках и у плотин были чрезвычайно тяжелыми» [33: 22].

В начале 1760-х гг. почти весь Урал охватили массовые волнения заводских мастеровых. В результате, в соответствии с указами Екатерины II, была резко ограничена приписка крестьян к заводам, а расценки за выполняемые ими работы были увеличены в два раза, введена оплата за дни, проведенные в пути на завод и обратно; они освобождались от работ по выжигу угля и добыче руды. Впредь приписных крестьян можно было использовать только на рубке дров, перевозке руды и угля, ремонте плотин [13: 97].

«В цехах заводов и на подсобных заводских работах отсутствовала элементарная техника безопасности. В результате этого частыми были случаи травматизма и заболеваний. На уральских заводах широко применялась система штрафов. С мастеровых и рабочих людей штрафы взимались за пережог угля, перерасход металла, за допущенный брак, за опоздание на работу и т.д.» [33: 23]. За неповиновение и нарушение установленного на заводах режима крестьяне подвергались телесным наказаниям (плетки, батоги, розги, колодки, ручные и ножные кандалы) [33: 28].

Своих крепостных помещики могли за «продерзости» ссылать на каторгу с правом возвращать обратно; нередко они пользовались этим правом, чтобы избавиться от дряхлых и увечных крестьян. Так, только в 1771 г. в Сибири было поселено 6 тыс. человек и находилось в пути еще около 4-х тысяч, по дороге многие умирали [38: 689]. Крестьянам запрещалось подавать доносы, или «изветы», на владельца, хотя челобитные всё же принимались, но не получали дальнейшего хода с низших инстанций. В 1767 г. был издан указ, запрещавший подачу крестьянских жалоб, а их составителям грозил кнут и бессрочная ссылка в Нерчинск на каторжные работы. Таким образом, протест против злоупотреблений помещиков мог выражаться лишь побегам, самоубийствами, либо – физической расправы над помещиками, массовыми возмущениями [38: 691].

В 1769 г. в двух верстах от Бемышевского медеплавильного завода, в селе Кувак (другие варианты записи: *Куваки*,

Ковак), была построена Свято-Троицкая церковь. В 1770 г., когда завод посетил адъютант Академии Наук капитан Рычков, на заводе было 4 плавильных печи, 2 горна, в заводском поселении – 150 обывательских домов, в которых проживало 300 с небольшим душ собственных крестьян заводчика Осокина [42: 188]. Рычков в своем дневнике записал: «Река Вятка протекает в 40 верстах от Бемышевского завода. Желание мое было, чтоб расположить путь мой по луговой стороне сея реки до пригородка Малмыжа; но непроходимые леса, лежащие по сему пути, принудили меня возвратиться на нагорную сторону» [102: 124].

В 1772 г. к заводу были отмежеваны земли и леса под рудники и на выжиг угля сроком на 60 лет. Позднее неограниченная вырубка леса привела к тому, что более 1400 десятин, занятых ранее лесом, стали безлесными [2: 101].

Заводские селения с конца XVIII в. строились по генеральным планам [30: 238], в которые включались данные о названии завода, месторасположении, о хозяине, состоянии техники, минеральных и лесных запасов [92: 31].

Продолжительность рабочего дня у мастеровых составляла 12–14 часов, у других работников – от темна до темна. Заводские рабочие в то время делились на мастеровых и работных людей, *мастеровыми* обычно назывались квалифицированные рабочие, владевшие каким-нибудь «мастерством», а *работными людьми* – все остальные, не имевшие определенной квалификации. Только в основных цехах имелись постоянные работники, обладавшие профессиональными навыками и знаниями, полученными опытным путем от мастера к ученику, чаще всего от отца – к сыну. Основную массу составляли неквалифицированные рабочие, занятые ручным трудом [13: 103]. Мастеровые должны были лично работать на заводе, а работные люди могли исполнять заводские «уроки» наймом [89: 41].

Детей мастеровых и других работников, согласно Уставу горному, предписывалось с 12 лет использовать на работах «соответственно их силам», женский труд применялся в очень небольших размерах [13: 104]. Жительница с. Бемыж М.И. Чичканова (1913 г. рожд.) в 1984 г. вспоминала рассказы бемыжских стариков: «Завод-то здесь у помещика был, больно большой на-

клад у его на крестьян был. Это на женщин больно много было: малину собирать, ядра – ну, орехи чищены» [108].

В горячих («огненных») цехах на приуральских заводах работали в две смены по 12 часов, в остальных – с восхода солнца и до его заката. Но интенсивность труда была невелика: на вспомогательных и рудничных работах летом в течение дня устраивалось три перерыва – полчаса для завтрака, 2,5 часа – для обеда и полчаса для ужина. Существовало большое количество праздников, а летом люди отпускались на полевые работы [13: 105]. Осенью и зимой заводские работы прерывались, так как металлургические заводы зависели от водного режима мелких и капризных речек с их бурными весенними потоками и недостатком воды в сухое летнее время. Заводы ежегодно бездействовали от двух до шести месяцев в году; наиболее интенсивно люди трудились весной во время таяния снегов и осенью после продолжительных дождей [13: 102].

На рудниках работы обычно производились открытым способом, что было вызвано выходом руд на поверхность и их неглубоким залеганием (10–20 м.). Медная руда – представляет собой химическое соединение меди, железа, серы в разных весовых отношениях. В результате очищения меди от пустой породы образовывались отвалы из шлаков [92: 104], именно «шлаком» была вымощена дорога Бемыж – Кизнер. Житель Бемыжа Василий Андреевич Башкиров рассказывал: *«В тридцатых годах строили дорогу Бемыж – Кизнер, дак шлаком от этого завода мостили. Сочильником его называли. И сейчас еще отходы этого производства остались. Вон на сугре дом – дак за этим домом, там, внизу, был завод»* (записано в 1984 г.) [108].

Руду для медеплавильных заводов добывали вручную, орудия применяли самые примитивные: кайла, кирки, лопаты, бадьи на воротах, носилки. Подготовка руд к плавке сводилась к их обжигу в «кучах». Твердые породы разрушались с помощью взрывов. В неглубокие шахты рудокопы спускались по канату в бадьях, в глубокие – по лестницам. Весной и в начале лета заготавливали дрова, осенью и в начале зимы занимались углежжением [13: 102].

Бемышевский завод работал на местном сырье – руде с малым содержанием меди. В его окрестностях располагалось

более 200 рудников, многие из которых бездействовали из-за выработанности. Рудные жилы были настолько бедны, что приходилось каждый год забрасывать одни и находить другие рудники.

В 1773–1775 гг. большие волнения среди крестьян в России были вызваны восстанием под предводительством Е.И. Пугачева. Главными участниками народного движения были крепостные и, в частности, заводские крестьяне, которым обещали вольность и уничтожение всех заводов, «кои они ненавидят из-за тягости работ и дальних переездов» [63: 750, 755]. 2 декабря 1773 г. Пугачев издал манифест, который был разослан по всем направлениям. Уполномоченные, отправленные в разные стороны собирать ополчение, грабили с набранными отрядами помещичьи имения, угоняли скот (схему движения Пугачева по Удмуртии см.: [79: 22]).

30 декабря 1773 г. отряды Пугачева появились и в окрестностях Бемышевского завода, а на следующий день отряд около трехсот человек под предводительством Мясогута Гумерова (из Кукмора) [24: 19; 30: 216] прискакал к заводу «с криком и визгом» [Луппов: 188], окружив его со всех сторон. Завод был захвачен, заводские книги сожжены, дом заводчика разгромлен, выплавка меди прекращена.

В документах того времени сообщалось, что на Бемышевском заводе был избит и ограблен приказчик *Василий Титов* [39: 102], избит меховой мастер *Федор Яковлев*. В «Рапорте казанского горного начальства в государственную бергколлегию о захваченной повстанцами выплавленной меди Бемышевского завода» от 5 января 1774 г. были упомянуты следующие лица: «заводчик» *Николай Осокин*, «прикащик» *Иван Титов*, «заводские служители» *Иван Воеводский* и *Василий Гаврилов*. В «Рапорте казанского горного начальства генерал-аншефу А.И. Бибикову о взятии восставшими крестьянами Бемышевского медеплавильного завода» от 10 января 1774 г. названы «крепостные служители» *Яков Семенов* и *Петр Васильев*, «прикащик» *Василий Титов* [39: 102].

Таким образом, сами заводские крестьяне принимали активное участие во взятии завода, что, в общем-то, неудивитель-

но, поскольку условия их жизни были очень тяжелыми. Волнения рабочих людей на Бемьшевском заводе в период восстания под предводительством Пугачева явились первым крупным выступлением в ряду последующих. Всего за время крестьянской войны 1773–1775 гг. был нанесен материальный ущерб 89 уральским заводам [13: 30]. Активное участие мастеровых и рабочих людей в пугачевском бунте вызвало сильное беспокойство правительства, которое вынуждено было принять ряд законодательных мер, направленных на ослабление непосильного гнета [13: 57].

Однако и сами работники сильно пострадали. После пугачевского восстания повсюду на уральских заводах был «высокий % убыли неквалифицированной рабочей силы», так как «наиболее обездоленная, неквалифицированная часть населения активно принимала участие в восстании и больше всего подверглась беспощадным репрессиям карательных войск» [10: 39].

В 1775 г. (после смерти сыновей Ф. Осокина) среди наследников заводчиков Осокиных разгорелся спор, кому владеть Бемьшевским заводом, который решил в пользу дочери одного из них – Елизаветы Осокиной. Она вскоре вышла замуж за дворянина майора Лебедева, и с 1777 г. завод находился постоянно в руках потомков Лебедева [2:100].

Бемьшевские **Лебедевы** – это помещики Казанской и Нижегородской губерний. Из них первым владельцем завода был майор *Е.А. Лебедев*, женившийся на Е.И. Осокиной.

По данным «Духовных росписей» Свято-Троицкой церкви с. Бемьж [104], жена *Евграфы Алексеевича Лебедева* (1758 г. рожд.) в 1791 г. родила Дмитрия, в 1797 – Ольгу, в 1798 – Николая, в 1799 – Александра и при последних родах, по-видимому, скончалась. По крайней мере, уже в «Духовных росписях» за 1799 г. «Бемьшевского меди плавильного завода содержатель» Лебедев (ему был 41 год) записан как вдовый. Упоминается он также в 1811 г. («г-н майор»), 1815, 1823, 1824 («г-н и ковалер»), 1825, 1831 и в др. гг., везде с припиской «вдов». В «Хрестоматии по истории Удмуртии» находим следующую информацию о нем за 1825 г.: «г-н 6 класса и кавалер Е.А. Лебедев» – хозяин Бемьшевского завода [88: 302].

Примечание: здесь и везде далее в нашей работе в случаях трехчленного именованя лица мы даем современную форму отчества (на –ович: *Алексеевич* вместо *Алексеев*) с целью избежания путаницы отчеств и фамилий, хотя в рассматриваемых нами исторических документах везде находим только старую форму (*Евграф Алексеев Лебедев* и др.).

По данным некоторых источников, *Евграф Алексеевич Лебедев* в конце XVIII в. перевел на Бемышевский медеплавильный завод своих крепостных из Нижегородской губернии. Имеется также следующая запись в деле Нижегородского наместнического управления за 1786 г.: секунд-майору Е. Лебедеву разрешить производить выварку соли в г. Балахне (солеварение досталось ему, скорее всего, вместе с приданым жены). Позднее его младшему сыну *Александру* принадлежали владения в районе деревни Лебедёвки Граховской волости, а также Бемышевский и Сюгаильский (стекольный) заводы. В метрических книгах Свято-Троицкой церкви имеются записи от 1855 г. о крестьянах «Сюговского стекло-деланного завода г-на Лебедева» [109]. В деревне Лебедёвке у Лебедевых было 2528,15 дес. угодий. При Бемышевском медеплавильном и Ключинском винокуренном заводах Лебедевых состояло 14446,2 дес., преимущественно лесных угодий [31: 121].

В метрических книгах церкви с. Бемыж имеются и другие записи, касающиеся людей с данной фамилией: за 1891 г. есть сведения о *Стефане Яковлевиче Лебедеве*, старшем унтер-офицере Малмыжского уезда; за 1893 – о мещанине г. Елабуги *Петре Осиповиче Лебедеве*. Существует также следующая удивительная запись в бемышевской церковной книге от 1851 г.: «г. Елабуги 3 гильдии *купец из цыган*» *Егор Михайлович Лебедев* и его жена Александра Фаддеевна родили Николая. Можно предположить, что это либо однофамилец дворян Лебедевых, либо кто-то из бывших крепостных, взявший себе их фамилию, что не было редкостью (фамилию Лебедев носят до сих пор многие цыгане, проживающие в самом Бемыже и в Кизнерском районе вообще).

Отметим также, что среди прославленных выпускников Бемыжской средней школы значится *Я. Лебедев* – чемпион СССР по вольной борьбе [34: 117].

Сама фамилия *Лебедев*, образованная от названия красивой белой птицы «лебедь», редкая в русском языке, и, по мнению специалистов в области ономастики, могла быть специально придумана как благозвучная фамилия для лица духовного звания [83; 49: 209]. Но был ли родоначальник заводчиков Лебедевых священником – неизвестно.

Однако вернемся в конец XVIII века, когда Е.А. Лебедев перевел своих крепостных из **Нижегородской губернии** на Бемышевский медеплавильный завод. С этим фактом, видимо, связано то, что говор коренных бемыжан до сих пор в основе своей – среднерусский (неполное оканье). Сами жители замечают, что они говорят “отрывисто”, “с отрезом”: *«Мне иной раз говорят: ты как из Горького приехал»* (записано в 1984 г.) [96: 301].

В конце XVIII в. в Прикамье было широко распространено «разбойничество». В 1782 г. елабужский исправник рапортовал вятскому губернатору о том, что в уезде действует отряд человек до 60 «с полным при них оружием», а в 1786 г. на реке Вятке действовал отряд в 40 человек, вооруженных ружьями, пистолетами, саблями и ножами, скрываясь от преследований в заливах около с. Гоньбы [17: 164].

В 1783 г. вспыхнули волнения малмыжских крепостных помещика Зубова, нашедшие отклик среди крестьян других владельцев, в том числе и работающих на Бемышевском заводе, где в 1797 г. также было беспокойно. Причиной волнений заводских работников стала нищенская оплата труда мастеровых: заработанных денег не хватало даже на приобретение хлеба. Двое выборных от бемышевских крестьян отправились в Петербург с челобитной на заводовладельца. Сам же Лебедев доносил, что «за чинимыми прикащиком увещеваниями они от бунтов не унимаются, а вящее таковые возобновляют» [17: 178–179]. Инициаторами выступлений явились тогда куренной надзиратель *Василий Смолин*, мастеровые *Иван Корнилов*, *Дмитрий Семенов* и отставной солдат *Прохор Андреев*. Волнения прекратились лишь после их ареста.

В 1790-е гг. бемышевский заводовладелец из-за недостатка руды построил винокуренный завод на 18 кубов, с выгонкой

в год более 10 тыс. ведер вина. Доход от продажи вина помогал «штопать дыры» по медеплавильному производству. «С открытием в Бемыже винокурни сюда были переведены крестьяне из **Свияжского винокуренного завода**» [24: 16]. Свияжск – уездный город Казанской губернии на реке Свияге в 38 верстах от Казани.

Заметим, что именно в Свияжском уезде винокуренный завод имел еще В. Осокин в середине XVIII в.. Тогда завод был признан убыточным, и Сенат указом от 28 июня 1754 г. разрешил его закрыть и крепостных продать. Но Осокин этого не сделал, а приступил к строительству металлургического завода с переводом туда крепостных людей [2: 99]. Можно предположить, что именно этот винокуренный заводик и оказался в наследстве вместе с другим приданым у Лебедева. «Хлебное вино» выкуривалось в России с давних пор, приготавливалось оно из бражки, дававшей два продукта – барду (шла на корм скоту) и спирт. Для курения вина использовались, в частности, медные трубы. Большинство винокуренных заводов принадлежало дворянам, на них применялся почти исключительно крепостной труд [13: 193]. Обратим внимание на то, что в 1860 г. в книгах бемышевской церкви присутствует запись фамилии *Винокуров*.

По ревизии 1783 г. зависимое население на Бемышевском заводе составляло 376 русских и около 20 башкир [2: 105]. Книги ревизий периодически составлялись вотчинной администрацией с целью выявления хозяйственной состоятельности крестьян. Как правило, в описях поименно отмечался состав крестьянских семей с указанием возраста, хотя на протяжении всего XVIII в. «крестьянство упорно скрывало от переписи и ревизий дворы и население мужского пола, пытаясь тем самым уменьшить размеры податей и повинности» [17: 161].

В 1795 г. на Бемышевском заводе, согласно ревизии, было 464 работника [42: 189], в 1797 г. здесь действовали 4 рудника (212 рудников бездействовало), а сам завод в это время принадлежал майорше Елизавете Лебедевой, к тому времени, по видимому, овдовевшей, [87: 250]. К работе на заводах привлекалось всё способное к труду мужское население, так как требовалось много рабочих рук и огромное количество надсмотрщиков. В соответствии с «Уставом горным» мастерские получали

по две десятины земли на полного работника, а урочные работники – по пять десятин на душу мужского пола. При этом разрешалось расчищать от леса и кустарников участки под покосы и пашню, пользуясь затем ими пожизненно [13: 67].

Чтобы обеспечить работников предметами первой необходимости (обувью, одеждой, посудой и т.п.), а заводское хозяйство различными необходимыми материалами (канатами, веревками, свечами, рогожами, мочалом, пенькой, смолой, дегтем, кирпичами и т.д.), заводовладельцы вынуждены были содействовать развитию в заводских поселках ремесел и промыслов [13: 192]. В «Камеральном описании Вятской губернии» в 1796 г. отмечалось, что крестьяне некоторых селений Елабужского уезда занимаются «снятием лубьев, тканьем из оных рогож и кулей, местами – сидкой дехтю». В 1797 г. малмыжский купец А. Худяков требовал даже запретить крестьянам вывоз производимого в уезде товара: «лубков, дехтю, рогожек мочальных гуртовым (то есть массовым) количеством для приезжающих в те селения донских казаков» [13: 192].

К концу XVIII в. все медеплавильные заводы Приуралья в значительной мере «обрубались», то есть вырубали близлежащие леса, и вынуждены были заготавливать древесный уголь и дрова на больших расстояниях от заводов. Также негативно сказывались на развитии медеплавильной промышленности отказ правительства от чеканки медной монеты (на ее производство шло 60% всей выплавляемой в стране меди) и переход к выпуску бумажных денег [13: 61].

Подведем итог. Вторая половина XVIII в. – время строительства медеплавильного завода возле речки Бемышевки (Бемышки), окруженной непроходимыми лесами. Для работы перевозят сюда с более северных территорий русских крепостных крестьян, а также новокрещеных башкир, имеющих опыт работы в рудниках. Строятся медеплавильные печи, вспомогательные помещения, дома для крестьян и мастеровых, деревянная церковь. В окрестностях развернуто более двухсот рудников под открытым небом (ныне о них напоминают бемыжские «лога», окружающие село со всех сторон), на которых вручную вырабатывали руду и в «кучах» ее обжигали. Посте-

пенно леса вырубались, рудные залежи истощались и рудники забрасывались.

По-видимому, крепостные крестьяне Бемьшевского завода с самого начала были недовольны насильственным переселением их из родных мест, хотя массовые волнения заводских рабочих, охватившие в 1760-х гг. почти весь Урал, еще не коснулись этой территории. Но когда в 1770-х гг. сюда пришли пугачевцы, работники завода не только не защитили своих хозяев, но приняли активное участие в разграблении завода, уничтожении заводских документов, расправе над мастерами и приказчиками. В 1790-х гг. бемьшевские крепостные также активно откликнулись на волнения крестьян из Малмыжа, так как у самих накопилось немало поводов для недовольства. На заводчика писали жалобы, выборные от крестьян ходили в Петербург. Именно в эти годы ряды бемьшевских поселенцев пополнились крестьянами из Свияжска, а также из других мест Нижегородской губернии.

Таким образом, уже первые полвека существования Бемьшевского завода не были спокойными, и это закладывало основу будущих организованных выступлений в XIX в., формировало особый бемьжский характер, нетерпимый ко всякому проявлению несправедливости.

Рассмотрим далее бемьжские фамилии, упоминающиеся в разных исторических документах уже во **второй половине XVIII века**. Всего нами было выявлено 37 единиц (за каждой фамилией, как правило, стоит не отдельное лицо, а большая крестьянская семья). В целом это, по-видимому, лишь часть всего исходного антропонимикона старинного села. Но уже и по выявленному составу хорошо прослеживается **исконно крестьянское происхождение первого слоя фамилий жителей села Бемьж**.

Известно, что первоначально у крепостных, не имевших собственности, указывалось только имя, и у подавляющего большинства крестьян фамилий не было вплоть до середины XIX в., либо на деревню имелось всего несколько фамилий [37: 33]. Однако когда крестьянин переселялся или становился солдатом, ему всё же записывалась фамилия. Создавались кре-

стьянские фамилии, в основном, на базе церковных (крестильных, календарных) имен. Например, «Иван Васильев» означало «Иван сын Василия» (или Васильев сын). По-видимому, именно таким образом получали свои первые фамилии и бемышевские крепостные, необходимость в офамилировании которых была вызвана их территориальным перемещением. Следует иметь в виду также и традицию записи крестьян в церковных книгах: приходил ли крестьянин в церковь в качестве жениха, или «поручителя», или «восприемника», всегда требовалось указать – кто он (чей). По-видимому, существовали некие неписанные правила, как надо называть себя в церкви: скажем, не Гришкин (сын), а Григорьев сын (сын Григория). Если сам прихожанин называл себя неподобающим образом, священник мог его поправить. В метрических книгах Свято-Троицкой церкви Бемышевского завода нам встретился, например, такой факт: фамилия Абрамов последовательно фиксировалась одним из вносивших записи церковнослужителей как «Авраамов», явно отражая нормы именования, которых придерживался писавший.

Итак, перейдем к группе **фамилий первых бемыжских жителей**, которые фиксируются в разных документах уже **во второй половине XVIII века**. Для удобства здесь и далее располагаем фамилии в алфавитном порядке; отчества, как уже говорилось выше, приводим в современной форме на –ович; жирным шрифтом выделяем основные формы фамилий, курсивом – вариативные.

Абрамов. Фиксируется в метрических книгах, в духовных росписях, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1781 (Евдокия, 17 лет), 1806 и 1807 (*Абрамов*), 1822 (Абрамов), 1824 и 1827 (*Авраамов*), 1831 (Обрамов), 1859, 1861 (Авраамов, Обрамов), 1863 (Авраамов), 1874 (Обрамов), 1875, 1879 (Федор Васильевич Абрамов), 1881 (Абрамов), 1887 (Николай Михайлович, 25 лет), 1892, 1896 (Николай Павлович), 1897 (Анна Федоровна, 16 лет), 1900, 1911 и в др. годы.

В метрических книгах Свято-Троицкой церкви с. Бемыж имеется 4 варианта написания этой фамилии: *Абрамов*, *Обрамов*, *Авраамов*, *Аврамов*. «Смещение *a* и *o* нередко наблюдается в фамилиях, производных от крестильных имен» [83: 32]. Запись

с начальным «о» здесь может свидетельствовать о реальном произношении ее носителя, предположительно – кунгурского крестьянина.

Абрамовы и в настоящее время проживают в Бемьже. Одна из них – Пелагея Николаевна Абрамова (1916 г. рожд., фамилия – по мужу) рассказывала студентам-филологам Удмуртского государственного университета в 1984 г.: *«Шестнадцать лет мне-ка минуло – замуж вышла. Неграмотная я. Пошла учиться, сидела с дочкой дьякона, та рыжая была, страшная, вредила мне. Я ей затрещину дала, поставили меня на колени на гречу, все колени в кровь истерла. Больше и не пошла учиться-то. Бедно жили, я и сеяла зерно, и боронила, и пахала. Домов тридцать-то во как жили [провела рукой по горлу]. Мы-то подсолнечны корни мололи, корни лебедины. Вот всё еще живу, Бог терпенья дал.»* [108].

А.А. Абрамов был председателем Бемьжского сельсовета [34: 204]. Фиксируется эта фамилия и в протоколах партсобраний Бемьжской МТС за 1938 (тракторист) и 1958 гг. [110]. Есть сведения об Абрамовых в «Книге памяти» 1941–1945 гг. [105]. Среди первых библиотекарей в Бемьже (1963 г.) была Ф.И. Абрамова – заслуженный работник культуры УР [34: 164].

Фамилия *Абрамов* образована как отчество от народной формы календарного имени Авраам (Авраамий) – *Абрам* [83; 76].

Агапов. Фиксируется в метрических книгах, в духовных росписях, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1781, 1802 (Иван, 46 лет), 1815 (крестьянин 70-ти лет), 1821, 1836, 1840 (*Огапов*), 1855 (отданный в государственное ополчение Стефан Никитич Агапов), 1859, 1863, 1866 (Григорий Яковлевич), 1870, 1875, 1880, 1890 (Бемьшевского завода ефрейтор), 1897, 1911 и в др. гг. Есть сведения об Агапове в «Книге памяти» 1941–1945 гг. [105]. Среди выпускников Бемьжской средней школы был В.И. Агапов, инженер-конструктор, заслуженный машиностроитель РФ, кавалер двух орденов «Знак Почета» [34: 117]. Судя по первой известной нам фиксации данной фамилии (1781 г.) и записи ее через «о» в 1840 г., бемьжские Агаповы могут иметь кунгурское происхождение.

Фамилия *Аганов* была образована как отчество от календарного имени *Аган* (Агапий) [83].

Алексеев. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1781, 1799 (дворовый Семен Алексеев), 1801, 1803 (священник 56-ти лет), 1810, 1827, 1831 (сын вдовы Алексеевой Николай 31-го года, отданный в военную службу), 1837, 1840, 1844, 1864 и в др. гг. Упоминается фамилия и в протоколах парторганизации МТС за 1956 г. [110]. Фамилия *Алексеев* была образована как отчество от календарного имени *Алексей* [83].

Андреев. В исторических документах упоминается отставной солдат *Прохор Андреев* (1797) как один из инициаторов выступлений бемьшевских крестьян против заводчика. В метрических книгах и в духовных росписях фамилия фиксируется в 1801, 1807, 1813 (Ф. Андреев), 1815, 1819 (заводской отставной солдат Петр 60-ти лет), 1829, 1830, 1831 (дворовый человек 77-ти лет и крестьянин 47-ми лет), 1836, 1841, 1844, 1858, 1861 и в др. гг. Фамилия *Андреев* образована как отчество от календарного имени *Андрей* [83].

Артамонов. Фиксируется дважды в духовных росписях – в 1799 (Артамонов) и 1802 (*Ахтамонов* 63-х лет) гг. В записи через «х» вместо «р» (Ахтамонов), возможно, отражен картавый выговор носителя данной фамилии. Фамилия *Артамонов* была образована как отчество от календарного имени *Артамон* (Артемон) [83; 77].

Артемьев. Фиксируется в духовных росписях в 1799 (крестьянин Артемьев 57-ми лет), 1801 (Василий *Артемеев* 56-ти лет), 1802, 1803, 1804 гг. Фамилия *Артемьев* была образована как отчество от календарного имени *Артемий* [83].

Афанасьев. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1781, 1799 (*Афонасьев*), 1801, 1806, 1813 (Афанасьев), 1818 (Афанасьев), 1829 (Афонасьев), 1831 (Афанасьев), 1833, 1844, 1894 и в др. гг. Запись этой фамилии то

с буквой «а», то с «о» может говорить об оказавшем произношении ее владельца (или записывающего), само личное имя Афанасий в рассматриваемых церковных книгах имеет и форму *Афонасей*, (напр., в 1826 г.). Есть сведения об Афанасьевых в «Книге памяти» (1941–1945) [105]. Проживают носители данной фамилии в Бемыже и в настоящее время. Фамилия *Афанасьев* образована как отчество от календарного имени *Афанасий* [83].

Васильев. В исторических документах, касающихся Бемышевского завода, упоминается «крепостной служитель завода *Петр Васильев*» (1774) [39]. В метрических книгах и в духовных росписях Васильев фиксируется в 1781, 1799 (крестьянин 68-ми лет), 1801 (Семеон 70-ти лет), 1804, 1806, 1811 («прикащик» из г. Балахны мещанин Василий Васильев 68-ми лет), 1815, 1820, 1826, 1830 (Игнатий 61-го года), 1831 (Василий 69-ти лет), 1835 (военный завода Федор 54-х лет), 1840 (солдатка Евдокия Васильева), 1845, 1858, 1864 и в др. гг. Обратим внимание на то, что среди разных упоминаний Васильевых имеется запись о *прикащике* (запись через «щ» – не ошибка, а обычная для того времени форма). Хозяйский «прикащик», или ключник, «заведывал барщинными работами; он наряжал крестьян на работу раньше солнечного восхода и штрафовал за неисправность» [38: 676–677]. Запись о «прикащике из г. Балахны» прямо указывает на предшествующее место жительства мещанина Васильева, жившего в Бемыже в 1810-х гг., хотя более ранние свидетельства о людях с такой фамилией относятся исключительно к крепостным крестьянам. Например, уже в 70-х гг. XVIII в. упоминается крепостной служитель завода Васильев. Следует иметь в виду, что фиксации разных лет данного антропонима могут относиться к совершенно разным людям, в том числе и не родственникам.

Упоминается фамилия Васильев и в протоколах парторганизации Бемыжской МТС от 1935 г. [110] Есть сведения о Васильеве в «Книге памяти» 1941–1945 гг. [105]. Носители этой фамилии проживают в Бемыже и в настоящее время.

Фамилия *Васильев* была образована как отчество от календарного имени *Василий* [83]. Ее происхождение из отчества мо-

жет, в частности, подтверждать запись в духовных росписях Свято-Троицкой церкви от 1811 г. о приказчике Василии Васильеве (двучленное именование) [104]. Здесь и в ряде других записей не указывается третий компонент именования человека, и даже сам заводчик Лебедев записан просто как «Евграф Алексеев».

Воеводский. В документах, имеющих отношение к истории Бемыжа, упоминается «заводской служитель *Иван Воеводский*» (1774) [39]. Фамилия фиксируется также в метрических книгах в 1840 (священник), 1854 (крестьянин), 1860 (*Воевоцкий*), 1874 (крестьянин) и в др. гг.

Фамилия *Воеводский* связана своим происхождением с прилагательным со значением принадлежности, образованным от слова *воевода*, которое изначально называло крупного военачальника, позже – местного управляющего. Как пишут исследователи, фамилии вообще «давались при самых различных обстоятельствах: *Губернаторов* мог быть и сыном, и слугой губернатора, его служащим, крестьянином помещичьего имения губернатора и т.д.» [76: 41]. Форма фамилии бемышевских *Воеводских*, скорее всего, указывает на принадлежность ее первых носителей к *людям воеводы* (это могли быть и дворовые крестьяне).

Володимиров. Фамилия отмечена нами только дважды – в духовных росписях в 1799 (Володимиров – крестьянин 55-ти лет) и в 1801 (*Володимеров*) гг. В протоколах Бемыжской парт-организации МТС за 1956 г. фиксируется фамилия *Владимиров* [110]. Фамилия была образована как отчество от личного имени *Володимир* (с русским полногласием) [83].

Гаврилов. В документах, касающихся истории села Бемыж, упоминается «заводской служитель *Василий Гаврилов*» (1774) [39]; в метрических книгах и в духовных росписях эта фамилия фиксируется в 1799 (Яков 66-ти лет), 1801 (Василий 41-го года), 1806, 1807, 1823, 1829 (Дмитрий 48-ми лет), 1837, 1840, 1857, 1865 (Кушвинского завода мастеровой, умер 36-ти лет) и в др. гг. Обратим внимание на то, что мастеровой Кушвинского

завода Гаврилов явно был среди сосланных на Урал в 1850-х гг. бемышевских крестьян. В протоколах партзаседаний Бемыжской МТС в 1938 г. фиксируется удмурт-комбайнер Гаврилов [110].

Фамилия *Гаврилов* была образована как отчество от календарного имени Гавриил – *Гаврил* [83; 77] или *Гаврило* [47: 208].

Григорьев. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1781, 1801, 1807, 1820 (священник Лука 35-ти лет), 1824, 1829, 1831, 1833, 1842, 1844, 1861 и в др. гг. Работник по фамилии Григорьев упоминается и в протоколах партзаседаний Бемыжской МТС в 1935 г. [110]. Фамилия *Григорьев* была образована как отчество от календарного имени *Григорий* [83].

Дементьев. Фиксируется в духовных росписях и в книгах записи оглашений о вступлении в брак в 1799, 1801 (Петр 61-го года) и в 1891 гг. Фамилия *Дементьев* была образована как отчество от календарного имени *Дементий* [83; 77].

Евдокимов. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1781, 1799, 1801, 1803, 1807, 1818, 1824, 1832 гг. В протоколах партзаседаний Бемыжской МТС за 1935 г. также упоминается Евдокимов [110]. Фамилия *Евдокимов* была образована как отчество от календарного имени *Евдоким* [83; 77].

Егоров. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1781, 1801, 1804, 1807, 1818, 1821, 1827, 1831, 1836, 1839, 1840, 1851, 1857 и в др. гг. Егоров отмечен и в протоколах партзаседаний Бемыжской МТС в 1935 г. [110]. Фамилия *Егоров* была образована как отчество от календарного имени *Егор* [83; 77].

Елизаров. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1799 (Елизаров), 1801 (Елизаров), 1816 (*Елезаров* 75-ти лет), 1818 (Елезаров) и в др. гг. Фамилия *Елизаров* была образована как отчество от календарного имени *Елизар* [83; 77].

Ефимов. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1799, 1801, 1804, 1807, 1813, 1817, 1818, 1831 (*Евфимов*), 1851 (*Енфимов*), 1863 и в др. гг. Люди с такой фамилией проживают в Бемьже и в настоящее время. Фамилия *Ефимов* была образована как отчество от календарного имени *Ефим* [83; 77]. Вариант *Евфимов* – «искусственная, церковная» форма [76:124].

Захаров. Фиксируется в духовных росписях, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1799 (крестьянин 67-ми лет), 1818, 1824, 1826, 1829, 1833, 1888, 1911 и в др. гг. Люди с такой фамилией проживают в Бемьже и в настоящее время. Фамилия *Захаров* была образована как отчество от календарного имени *Захар* [83; 77].

Иванов. Фиксируется в метрических книгах, в духовных росписях и в брачных обысках в 1799, 1801 (Макар 60-ти лет), 1806, 1810, 1820, 1824 (Сельверст), 1826 («*Сиверьянь и вановъ*»), 1827, 1831 (вдова Екатерина 48-ми лет), 1836, 1840, 1851, 1854, 1857, 1862, 1869, 1892 и в др. гг. В протоколах партзаседаний Бемьжской МТС в 1935 г. также встречается эта фамилия [110]. Ивановы проживают в Бемьже и в настоящее время.

Фамилия *Иванов* была образована как отчество от календарного имени *Иван* [83; 77]. В духовных росписях бемьшевской церкви встречаются необычные записи фамилий и имен, начинающихся на «и»: после первой буквы следует пробел (*И ванъ, И вановъ, И ванова*).

Ильин. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1799, 1801, 1802, 1818, 1824 (Иліін), 1826 (вдова Ксинья Ильина 60-ти лет), 1830 (Ксения Ильина), 1832, 1836, 1841 и в др. гг. Фамилия *Ильин* была образована как отчество от календарного имени *Илья* [83; 77].

Калинин. Фиксируется в метрических книгах, в брачных обысках и в духовных росписях в 1797, 1806, 1815 (крестьянин 37-ми лет), 1821, 1824 (Иван 45-ти лет), 1828, 1843, 1853, 1859, 1870, 1878, 1898 и в др. гг. Фамилия Калинин упоминается также и в «Книге памяти» (1941–1945) [105].

Фамилия *Калинин* была образована как отчество от народной формы календарного имени *Калина* (Калиник, Каллиник) [83; 77], что подтверждается наличием варианта **Калинников** в бемышевских источниках: встречается в метрических книгах и в духовных росписях в 1829 (Иван Калинников 50-ти лет), 1833 (*Каллиников*), 1842 (*Коллиников*), 1854 и в др. гг. Если сопоставить записи от 1824 г. об Иване Калининe 45-ти лет и от 1829 г. об Иване Калинникове 50-ти лет, то вполне вероятен вывод о том, что это одно и то же лицо.

Клементьев. Фиксируется в духовных росписях в 1799 (крестьянин 65-ти лет) и в 1802 гг. Клементьев (из села Кваки) упоминается также в «Книге памяти» (1941–1945) [105]. Фамилия *Клементьев* была образована как отчество от календарного имени *Клементий* (Климентий) [77].

Корнилов. В документах, касающихся истории села Бемыж, упоминается мастеровой *Иван Корнилов* (1797) и *Е. Корнилов*, в 1853 г. наказанный розгами за участие в крестьянских волнениях. Фамилия фиксируется также в метрических книгах, в духовных росписях, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1799 (Федор 62-х лет), 1801, 1802 и 1804, 1815 (Иван 81-го года), 1818, 1836, 1839, 1844, 1850, 1857, 1859, 1862, 1866, 1874, 1880, 1888, 1893, 1911 и в др. гг. Корниловы проживают в Бемыже и в настоящее время.

Фамилия *Корнилов* была образована как отчество от календарного имени *Корнил* (Корнилий) [83; 77].

Никитин. Фиксируется в духовных росписях и в метрических книгах в 1799 (крестьянин 75-ти лет), 1815, 1821, 1823, 1829 (заводской крестьянин), 1830, 1836, 1843 и в др. гг. Работник по фамилии Никитин упоминается в протоколах партзаседаний Бемыжской МТС в 1935 г. [110]. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время. Фамилия *Никитин* была образована как отчество от календарного имени *Никита* [77].

Осипов. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1799, 1803 (Алексей 29-ти лет – дворовый человек

Лебедева), 1804, 1850, 1859, 1861 (*Иосифов*), 1870, 1890 гг. В протоколах партзаседаний Бемыжской МТС в 1938 г. упоминается слушатель курсов ВКП(б) Осипов [110]. Фамилия *Осипов* была образована как отчество от календарного имени *Осип* (Иосиф) [77].

Петров. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1781, 1799, 1801, 1807, 1818, 1820, 1826 (Афонасей Петров), 1829, 1831, 1841, 1850, 1861, 1874 и в др. гг. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже в настоящее время. Фамилия *Петров* была образована как отчество от календарного имени *Петр* [83; 77].

Романов. Фиксируется в метрических книгах, в духовных росписях, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1781, 1813 (Роман Романов), 1829, 1831, 1840, 1857, 1859, 1860 (Ижевского завода мастеровой А.О. Романов), 1864, 1867, 1870, 1888, 1894, 1900, 1911 и в др. гг. Мастерской В. Романов в 1862 г. ездил «в столицу» по земельному вопросу как доверенный от общества мастеровых [2: 120]. В протоколах партзаседаний Бемыжской МТС в 1935, 1937 гг. также упоминается данная фамилия [110]. Отмечен Романов и в «Книге памяти» (1941–1945) [105]. Фамилия *Романов* была образована как отчество от календарного имени *Роман* [83; 77].

Семенов. В исторических памятниках сообщается о «крепостном слугителе» Бемышевского завода *Якове Семенове* (1774) [39] и мастеровом *Дмитрии Семенове* (1797) – одном из инициаторов выступлений крестьян против заводчика [17: 179]. В метрических книгах, духовных росписях и брачных обысках фамилия фиксируется в 1781, 1799 (Дмитрий), 1801, 1802 (*Семенов*), 1818 (Яков 76-ти лет), 1825 (*Семенов*), 1832, 1840, 1844, 1896 и в др. гг. Фамилия *Семенов* была образована как отчество от календарного имени *Семен* [83; 77].

Смолин. В исторических документах за 1797 г. упоминается Бемышевского завода куренной надзиратель *Василий Смолин* (*куренём* называлась промысловая постройка, *куренными*

работами – заготовка угля и дров) – один из инициаторов выступлений крестьян против заводчика. В метрических книгах фамилия фиксируется в 1840, 1845, 1857, 1862, 1869, 1875, 1897 и в др. гг.

Фамилия *Смолин* могла быть образована как отчество от прозвища *Смола* – по «названию сырьевого материала» [83], которое отмечено, в частности, в словаре М.Н. Тупикова [76: 27], указывает его и Н.В. Подольская в ряду других прозвищных имен [58: 77].

Степанов. Фиксируется в метрических книгах, в духовных росписях и в брачных обысках в 1781, 1799, 1801, 1806, 1812, 1823, 1826, 1831, 1892 гг. В форме **Стефанов** в тех же книгах – в 1820, 1828, 1830, 1832, 1829, 1836, 1839, 1842, 1845, 1867 и в др. гг. Отмечен Степанов и в «Книге памяти» (1941–1945) [105]. Фамилия *Степанов (Стефанов)* была образована как отчество от календарного имени *Степан (Стефан)* [83; 77].

Терентьев. Фиксируется в метрических книгах, духовных росписях и книгах записи оглашений о вступлении в брак в 1798 (Иван 55-ти лет), 1801, 1804, 1818, 1840, 1856, 1859, 1861, 1869, 1875, 1880, 1888, 1891, 1897, 1911 (неграмотный Алексей Мартириевич) и в др. гг. Отмечен Терентьев и в «Книге памяти» (1941–1945) [105]. Фамилия *Терентьев* была образована как отчество от календарного имени *Терентий* [83; 77].

Титов. Титовы – один из старейших бемыжских родов, первые упоминания о котором относятся еще к 70-м гг. XVIII в.: «Приказчик *Василий Титов* был убит» [24: 22], «прикащик *Иван Титов*», «прикащика Василия Титова избили и ограбили» [39]. *Прикащиками* назывались «торговые доверенные» люди (имеющие доверенности), которые заключали сделки от имени хозяина.

В метрических книгах, духовных росписях, книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках фамилия фиксируется в 1826 (Данила Иванович 63-х лет), 1836, 1840, 1844, 1856, 1858, 1863, 1866, 1875, 1878, 1880, 1891, 1894, 1896 (младший медицинский фельдшер 139-го Моршанского полка

Алексей Михайлович Титов 29-ти лет, жительствовавал по месту службы, женился на бемышевской крестьянке Анне Николаевне Черновой 19-ти лет, неграмотной), 1901, 1911 и в др. гг. (отметим, что в 1866 г. некий обер-офицер А.Н. Титов вошел в землемерный комитет от Елабужского уезда [21: 169]).

М.П. Титов упоминается в протоколах партсобраний Бемыжской МТС за 1936 как «кандидат партии с 1932 г.», председатель колхоза им. Сталина, в прошлом воевавший добровольцем на фронтах Гражданской войны [110]. Титовы до сих пор проживают в Бемыже. Функционирует ИП «Титова» (магазин «Прометей»).

В книге, посвященной истории Кизнерского района, приведен такой рассказ: некий *Тит* из Осокинского завода был сослан на рудники Урала за бунтарство; «вернулся через 30 лет по милости нового царя Александра Третьего с многочисленной семьей: с сыновьями, невестками, внуками. Тит был уже физически слаб, но приказные сторонились его. И он с такими же, как и он сам, «смутьянами» поселился в Новой Кушве» [34: 211].

Фамилия *Титов* была образована как отчество от календарного имени *Тит* [83; 77].

Фадеев. Фиксируется всего один раз – в духовных росписях в 1799 г. (крестьянин 41-го года). Фамилия *Фадеев* была образована как отчество от календарного имени *Фадей* (Фаддей) [83; 77].

Федоров. Фиксируется в метрических книгах и духовных росписях в 1781, 1799, 1801, 1807, 1820, 1824, 1831, 1844, 1858, 1868 и в др. гг. Носители данной фамилии в настоящее время проживают в селе. Фамилия *Федоров* была образована как отчество от календарного имени *Федор* (Феодор) [83; 77].

Яковлев. В исторических памятниках, имеющих отношение к Бемышевскому заводу, упоминается мастер *Федор Яковлев* (1773) [24: 22]. В метрических книгах, духовных росписях и книгах записи оглашений о вступлении в брак фамилия фиксируется в 1781, 1799 (Потап 51-го года), 1801 (Спиридон 53-х лет), 1806, 1818, 1822 (Иван 65-ти лет), 1826 (*Сперидон* 79-ти лет), 1827

(Степан 69-ти лет и Петр 68-ми лет), 1831 (Дмитрий 63-х лет), 1840 (служитель церкви), 1858, 1863, 1866, 1870, 1911 и в др. гг. Фамилия *Яковлев* была образована как отчество от календарного имени *Яков* [83; 77].

Итак, в церковных книгах и в других исторических документах, относящихся ко второй половине XVIII в., упоминается 35 фамилий крепостных крестьян и других категорий «рабочих людей» Бемышевского медеплавильного завода, а также 2 фамилии владельцев этого завода (всего 37 фамилий).

Основными событиями данного периода, связанными с прибытием сюда людей, были пуск завода купцами из Балахны (1756), переселение крестьян с Кунгурских соляных промыслов (1760-е гг.), перевод крепостных из Нижегородской губернии и из Свяжского винокуренного завода из-под Казани (1790-е гг.). В связи с этим, первые по времени появления бемышевские фамилии принадлежали заводовладельцам и крестьянам, прибывшим с названных территорий. Возможно, уже вместе с балахинскими купцами *Осокиными* в 1750–60-х гг. появились здесь *Васильев*, *Воеводский*, *Гаврилов*, *Семенов*, *Яковлев*, упоминаемые в исторических документах 1773–74 гг. как «заводские (крепостные) служители», и приказчик *Титов*.

Среди носителей первых бемышевских фамилий, кроме крепостных заводских служителей, – мастеровые, куренной надзиратель, отставные солдаты. Фамилии солдат, как утверждают исследователи, образовывались от полных календарных имен [76: 44], например: в бемышевских документах упоминается отставной солдат *Андреев* (в XVIII в. у мужчин нередко указывался род занятий или социальное положение [51: 61]).

В изученных нами документах, относящихся к 1770–1790-м годам, используются только двучленные именованья (*Василий Титов*, *Петр Васильев*, *Иван Корнилов* и т.д.), вторые компоненты которых до сих пор бытуют в Бемыже в качестве фамилий (*Титов*, *Васильев*, *Корнилов* и др.). Однако являлись ли они настоящими фамилиями в тот период? В.А. Никонов утверждает, что «в документах XVIII–XIX вв. *Иван Петров*, *Семен Васильев* – не фамилии», «Видимое тождество с фамилиями обманчиво. Это не фамилии, а отчества» [47: 171, 220]. И все же в истории

становления русского антропонимикона многие отчества – это, в перспективе, будущие фамилии. «Основная масса русского населения носит фамилии из отчеств. Отчество, конечно, не надо представлять узко, только в его современной форме. В период возникновения фамилий лишь меньшинство русских имели отчества современного типа. Для большинства отчеством служила краткая форма прилагательного» [47: 197].

На наш взгляд, можно с уверенностью говорить о том, что «первые бемышевские фамилии» – это и есть «зародыши» будущих настоящих фамилий. Из некоторых разовьются позднее полноценные современные фамилии бемыжских жителей (Абрамов, Агапов, Афанасьев, Захаров, Калинин, Корнилов, Никитин, Осипов, Семенов, Титов, Яковлев), а другая их часть останется в статусе отчеств и не выйдет за пределы XIX века. Путь к переходу в разряд фамилий и устойчивое их использование в качестве третьего компонента именованья прослеживается, например, с 1855 г. для бемышевской фамилии Агапов (отданный в государственное ополчение *Стефан Никитин Агапов*) и с 1879 г. для фамилии Абрамов (*Федор Васильев Абрамов*). «Самая многочисленная часть русского населения – крестьянство – оставалась без официально закрепленных фамилий вплоть до конца XIX в.». [76: 41–42]. «Падение крепостного права в 1861 г. вынудило в числе прочих реформ «офамилить» всё население страны», – пишет В.А. Никонов [47:172].

Примечание: в нашей работе термин «фамилия» для удобства изложения используется при описании всех этапов формирования бемышевского антропонимикона.

Из 37 фамилий, впервые фиксирующихся во второй половине XVIII в., 14 устойчиво использовались в Бемыже до середины XX в. или даже до наших дней, и вошли в ядро бемышевского антропонимикона (*Осокин, Лебедев, Абрамов, Агапов, Афанасьев, Васильев, Иванов, Калинин, Корнилов, Осипов, Романов, Терентьев, Титов, Захаров*). Добавим к ним еще 5 фамилий, фиксирующихся до самого конца XIX в. – начала XX в., но, насколько нам известно, не представленных в современном Бемыже: *Дементьев, Семенов, Смолин, Яковлев*. **Ядром антропонимикона** называем те фамилии сельских жителей, которые, устойчиво используются (использовались) в составе

бемышевских (бемыжских) фамилий на протяжении одного века и более.

Шесть антропонимов из первого списка фамилий исчезает из бемышевских памятников в 1860-х гг. (*Алексеев, Андреев, Васильев, Григорьев, Ефимов, Степанов, Федоров*). Возможно, что их носители после отмены крепостного права приобрели другие фамилии (необходимо, правда, сказать о том, что первые 4 фамилии из этого списка и фамилию Степанов можно снова обнаружить гораздо позднее – в протоколах бемыжской МТС [110] и «Книге памяти» (1941–1945) [105], а фамилии *Ефимов* и *Федоров* в настоящее время снова присутствуют в антропонимическом пространстве Бемыжа, однако в связи с высокой распространенностью в России данных фамилий они могут не иметь прямой связи с исконными бемышевскими фамилиями.

У некоторых фамилий имеются лишь единичные фиксации в церковных книгах (*Артамонов, Володимиров, Дементьев, Клементьев, Фадеев*), что могло быть связано с разными причинами: рекрутскими наборами, смертью носителей фамилий, побегам, ссылкой, могла прерваться мужская линия рода и т.д.

Структура первых в истории Бемыжа фамилий стандартна: 31 из них оканчиваются на –ов (-ев) и 5 на –ин (*Ильин, Калинин, Никитин, Смолин, Осокин*). Исследователи отмечают, что в XVIII в. суффикс –ов занимал «доминирующее положение в системе словообразования русских фамильных прозваний» [26: 18]. Известно, что русские патронимы, как особый тип именования по отцу, отвечали на вопрос «чей сын?», образовывались при помощи суффикса –ов (-ев) от основ, оканчивающихся на согласные (*Иван > Иванов*) и суффикса –ин, если основа оканчивалась на –а (-я) (*Фома > Фомин*) [76: 17–18]. Русские фамилии с этими суффиксами являлись по своему происхождению краткими прилагательными [83: 24, 26]. Б.О. Унбегаун пишет: словообразовательные типы на –ов/-ев и –ин «могут рассматриваться как притяжательные прилагательные. Когда последние использовались в качестве патронимов, то за ними обычно, но необязательно, следовало слово *сын*: *Иван Петров сын* или *Иван Петров*; *Федор Никитин сын* или *Федор Никитин*» [83: 14]. **Патроним** – это особый тип именования по отцу.

Первоначальные патронимы «не вполне соответствовали нашему отчеству или фамилии в современном юридическом понимании, а были своеобразной категорией, совмещающей то и другое» [76: 17].

Практически все фамилии **первого периода формирования бемышевского антропонимикона (втор. полов. XVIII в.)** образованы как патронимы от календарных имен (или их народных форм), что соответствует их крестьянской принадлежности. В рассмотренных материалах, как правило, используется запись без слова *сын*.

Какие личные имена выступали в роли производящих для данной группы патронимов? В основном, это мужские имена, дававшиеся при крещении (часто – в народно-разговорной форме): *Абрам, Агап, Алексей, Андрей, Артамон, Артемий, Афанасий, Василий, Володимир, Гавриил, Григорий, Дементий, Евдоким, Егор, Елизар, Ефим, Захар, Иван, Илья, Калина, Клементий, Корнил, Никита, Осип, Петр, Роман, Семен, Степан, Терентий, Тит, Фадей, Федор, Яков*. Крестильные имена соответствовали именам святых и были, следовательно, обычными христианскими именами греческого происхождения [83: 11]. В русской традиции **календарное имя** – это имя, взятое из церковного календаря, где имена канонизированных святых перечислены по месяцам и дням их празднования [58: 72]. «Около половины современных русских фамилий образованы от личных имен православного христианского календаря» [76: 44].

Не все из этих имен входили в актуальный бемышевский именник во второй половине XVIII в. Так, например, в изученных памятниках нам не встретились имена *Артамон, Артемий, Калина* и некот. др., что неудивительно, так как в основах фамилий фиксируются имена отцов и дедов, а именники со временем всё же меняются. Имя *Калина* может ввести в заблуждение современного исследователя тем, что его форма омонимически совпадает с названием известного кустарника *калина*. «Обнаружить каноническое имя в основе фамилии не всегда просто: основой фамилии чаще становилась производная неузнаваемая форма имени, многие имена полностью вышли из употребления и давно забыты, фамилию с непонятной основой искажали и переосмыслили» [47: 222].

В составе первого списка бемышевских антропонимов имеются, кроме того, три фамилии, образованные **от некалендарных имен**: *Смолин* < *Смола*, *Осокин* < *Осока*, *Лебедев* < *Лебедь*. Однако, как это ни покажется странным, первые два из них также вполне могли быть произведены от **патронимов дохристианского происхождения**: Смолин (сын) – *сын Смолы* [76: 27], Осокин (сын) – *сын Осоки* [83: 166; 76: 23–24]. «В документах даже XVII в. отчества от нецерковных имен употребляются равноправно с отчествами от имен церковных и без какого-либо отличия от них» [47: 197]. Основная масса **патронимических фамилий** восходит к личным календарным именам (Иван, Петр), а также к личным некалендарным именам (Бажен, Миляй) и прозвищам (Курятник, Запруда) [76: 28].

Фамилия *Лебедев* тоже может быть отнесена к некалендарному ряду (как, например, фамилия Соколов, образованная от нецерковного имени Сокол), но более вероятно ее более позднее искусственное происхождение (фамилия лица духовного звания).

Вопрос «чей?» в прошлом был не единственным при идентификации личности. Помимо него, немаловажными были вопросы «кто?» (на него давало ответ личное имя или индивидуальное прозвище) и «какой?» [76: 18]. Один из бемышевских антропонимов «первой волны» имеет **притяжательный формант** –ский: *Воеводский*. «Во многих русских фамилиях основа указывает не на предка, а на хозяина, – пишет В.А. Никонов, – Фамилия Князев, безусловно, не означала князя или его сына, который тоже был князем, и «князев» его не называли. Кого могло обозначать притяжательное прилагательное *князев*? Принадлежащего князю, то есть человека совсем не княжеского звания» [47: 199]. Также и фамилия Воеводский говорит, скорее всего, о зависимом положении ее первого носителя.

ФАМИЛИИ «РАБОТНЫХ ЛЮДЕЙ» В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX ВЕКА

В начале XIX в. уральская металлургия замедлила темпы своего развития. Возможности роста за счет привлечения новых лесных площадей и водных ресурсов были исчерпаны. Стали «пресекаться» (вырабатываться) гнездовые месторождения медистых песчаников [13: 254]. Большинство медеплавильных заводов в округе к этому времени прекратили свое существование, и к 1805 г. более или менее рентабельным оставался лишь Бемьшевский завод, где из 6 медеплавильных печей действовали 4 и ежегодно выплавлялось от 900 до 1030 пудов меди. Медь продавали на Нижегородской и Казанской ярмарках, поставляли казенным потребителям, главным образом – на Екатеринбургский монетный двор. На производстве было занято 197 основных и 267 вспомогательных работников – крепостных крестьян заводовладельца [30: 163]. Мастеровые, помимо заводских работ, занимались земледелием и разведением скота, из промыслов было развито плотницкое дело [2: 108].

Дома жителей Бемьшевского завода располагались ниже пруда по правому берегу реки в направлении к Ключам, заболоченному месту и к дер. Лубяны. В конце XVIII – начале XIX вв. все заводские здания были, в основном, деревянными, а из кирпича и камня строились только печи и горны [13: 140]. По внешнему виду уральские заводские поселки представляли собой большие деревни, в центре которых (у плотины пруда) был расположен сам завод, рядом с ним находилась заводская площадь, церковь, контора и господский дом (обычно – двухэтажный), далее в разные стороны расходились улицы с одноэтажными деревянными домами мастеровых и рабочих людей [13: 39]. Можно представить, что примерно таким был и Бемьж в начале XIX в.

В первые годы XIX в. село по-прежнему состояло из полторы сотни домов, но проживало в них уже около тысячи человек. «Особенно «затруднительным» для заводчиков оказался 1812 г. Значительная часть территории России была захвачена наполеоновскими войсками. Население этих областей было отрезано от восточных районов страны, и тем самым уральская

металлургия лишилась многих своих потребителей. (...) Внутренний рынок настолько сузился, что почти вся металлургическая продукция оказалась нераспроданной» [99: 88]. Многие заводские работники вынуждены были, «шатаясь по селениям, питаться мирским подаянием» [99: 89].

К 1816 г. численность работников на Бемышевском заводе увеличилась до 554 душ мужского пола [30: 163]. С 20-х годов XIX в. на заводе уже имелся госпиталь на 22 койки, в котором обязанности врача выполнял фельдшер [2: 108]. Крепостные рабочие на всех уральских заводах пользовались бесплатным лечением и обучением (там, где имелись заводские больницы и школы). Крепостным бесплатно отпускался лес, отводились участки для строительства домов, предоставлялись дрова [13: 107].

В 1819 г. на деньги Е.А. Лебедева и пожертвования была заложена каменная церковь во имя Святой Троицы, которая сменила старую, обветшалую. Новая церковь была открыта в 1825 г., и с этого года ведутся «Метрические книги», хранящиеся ныне в ЦГА УР.

В конце 1820-х гг. Бемышевский завод имел 4 действующие печи и 2 запасные, 2 горна, при заводе было 554 человека крепостных рабочих, из которых 296 трудились на самом заводе, а остальные были заняты на подсобных работах, часть людей была освобождена от работ по старости, увечью или малолетству [42: 190].

В 1825 г. управителем И. Крохиным и чертежником А. Набоковым был составлен план Бемышевского медеплавильного завода Елабужского уезда Вятской губернии, принадлежавшего «господину 6 класса и кавалеру Е.А. Лебедеву». Данный план опубликован в «Хрестоматии по истории Удмуртии» [87: 302], на нем отмечены: заводская плотина, фабрика, корпус с цилиндрическими мехами, «пиленая» мельница (или «пильная мельница», на которой распиливались бревна на «пильные доски», отличающиеся от «топорных досок»), то есть лесопилка, мукомольная мельница, въезд для приема руды, места для складки руды и угля, заводская контора, хлебный магазин, меховая, заводская больница и при ней баня, господский дом со службами, двором и садами, слобода с крестьянскими дома-

ми и к ним принадлежащие огороды, кирпичный сарай, каменная церковь с оградой во имя Святой Троицы, слободка для священников и церковных служителей, вновь предполагаемая к постройке домов, на мысу – кладбище.

В 1825 г. скончался император Александр I и присягнул «на царство» Николай I; произошло восстание декабристов. В 1826 г. владельцам уральских заводов было дозволено переводить на Урал из других губерний крестьян, принадлежащих им по праву дворянства. В следственных материалах более поздних лет встречаются некоторые упоминания о имевших место «беспорядках» на Бемышевском заводе в это время. В частности, в 1828 г. крестьяне подавали жалобы по поводу обременительных «уроков», или норм выработки на рубке дров, кладке их в кучи [2: 109]. В 1829 г. в Елабужском и Малмыжском уездах вводился карантин в связи с холерой [73: 399].

Подведем итог. В первые три десятилетия XIX в. на многих заводах Урала положение ухудшилось в связи с их нерентабельностью и только Бемышевский завод продолжал выплавлять медь. По-видимому, именно этим был вызван некоторый приток сюда работных людей, который отмечается к 1816 г. Строительство больницы, каменной церкви и других зданий также свидетельствует об определенном экономическом благополучии завода. Хотя в конце 1820-х гг. обстановка ухудшилась в связи с холерой и интенсификацией труда заводских крестьян.

Рассмотрим далее бемышевские фамилии, фиксируемые в документах в **первые два десятилетия XIX в.:**

Александров. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1806, 1824, 1829, 1832, 1841, 1850, 1855, 1869, 1894 и в др. гг. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время. Фамилия *Александров* была образована как отчество от календарного имени *Александр* [83; 77].

Андрианов. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1807, 1815, 1818 (Андрианов), 1820 (*Андреянов*), 1827 (Андрианов), 1829 (Андреянов), 1831, 1833 (Андрея-

нов), 1840 (Андреянова, умерла 74-х лет) и в др. гг. Фамилия *Андреянов* была образована как отчество от календарного имени *Андреян* (Адриан) [83; 77], где «вставное *н*, вероятно, вызвано аналогией с начальным Андр- в именах Андрей и Андрон» [83: 49].

Анкудинов. Фиксируется в метрических книгах, в духовных росписях и в книгах записи оглашений о вступлении в брак в 1817 (*Акиндинов*), 1818 (*Анкиндинов*), 1827 (Анкудинов), 1831 (Акиндинов), 1841 (Анкудинов), 1859, 1866, 1870, 1893, 1911 (Анкудинов) и в др. гг. В XX в. В.Д. Анкудинов был одним из председателей Бемыжского сельсовета. Носители этой фамилии проживают в Бемыже и в настоящее время.

Фамилия *Анкудинов* была образована как отчество от личного имени *Анкудин* [83] (в церковных бемышевских книгах имеется фиксация самого этого имени, например, в 1801 г.). Варианты записи данной фамилии (Анкудинов, Акиндинов, Анкиндинов) связаны с разными вариантами самого имени, которые «возможно, обязаны влиянию многочисленных имен, начинающихся с Ан-» [83: 50].

Антонов. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1806, 1818 (Антонов), 1831 (Иван *Онтонов*, вдов), 1832 (Онтонов), 1867 (Онтонов), 1911 (Антонов) и в др. гг. Некоторый временной перерыв в фиксации данной фамилии (1840–50-е гг.) мог быть связан с высылкой семьи на Урал в 1850-х и последующим их возвращением в 1860-х гг. Фамилия *Антонов* была образована как отчество от календарного имени *Антон* (Антоний) [83; 77].

Вуколов. Фиксируется в метрических книгах в 1815 г.; также имеется запись 1860 года о **Вукулове** (умер 88-ми лет). Фамилия *Вуколов* была образована как отчество от календарного имени *Вукол* (Вакул, Вакула) [83; 77].

Герасимов. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1807 (*Гарасимов*), 1815 (Герасимов), 1818 (Герасимов), 1819 (Герасимов), 1822, 1826, 1834, 1840, 1843, 1853,

1861 и в др. гг. Фамилия *Герасимов* была образована как отчество от календарного имени *Герасим* [83; 77].

Данилов. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1815, 1831, 1851, 1866 и в др. гг. Фамилия *Данилов* была образована как отчество от народной формы имени Даниил – *Данило* [Унб.], либо *Данил* [77] (сама форма *Данило* фиксируется в бемьшевских церковных книгах, например, в 1830 г.).

Димитриев. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1807, 1812, 1819 (священник Косма 35-ти лет), 1820, 1826 (Нестор 29-ти лет), 1829 (**Дмитриев**), 1831 (Лазарь 51-го года), 1840, 1857 и в др. гг. Фамилия представлена и в форме **Митриев** в метрических книгах и в духовных росписях в 1815 (Ф. Митриев 29-ти лет), 1851 гг. Упоминается Димитриев и в «Книге памяти» (1941–1945) [105].

Фамилия *Димитриев* была образована как отчество от календарного имени *Димитрий* – церковная форма [77] (*Митриев* – от имени *Митрий*, которое отражено и в бемьшевских метрических книгах).

Игнатьев. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1807, 1823, 1824, 1826 («*Степан И Гнатъев*»), 1831, 1841, 1845 и в др. гг. Фамилия *Игнатьев* была образована как отчество от календарного имени *Игнатий* [83; 77].

Исаков. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1818, 1820 (*Исааков*), 1845, 1865, 1869, 1878, 1880, 1888, 1897, 1911 и в др. гг. Эта фамилия упоминается также в протоколах партийных заседаний Бемьжской МТС в 1935, 1938 гг. [110]. Носители данной фамилии проживают в Бемьже и в настоящее время. Фамилия *Исаков* была образована как отчество от календарного имени *Исак* (*Исаак*) [77].

Кулюшин. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1818, 1845 (**Кулюшкин**), 1863 (Кулюшин), 1867, 1875 (**Колюшин**), 1888, 1897 и в др. гг.

Фамилия *Кулюшин* не вполне ясного образования. Б.О. Унбегаун среди фамилий, оканчивающихся на *-(ш)ин*, отмечает вариации на *-ишин*, *-ошин*, *-ушин* [83: 128], но форм на *-юшин* у него нет. Наличие в бемышевских материалах варианта *Колюшин* (фиксируется и Унбегауном [83: 67]) позволяет предположить исходное уменьшительное имя *Колюша* от *Коля* (Николай). Сравн.: Суперанская отмечает вариант *Кулюхин* от *Кулюха* < Акулина [76: 162]. Отметим также наличие в русских говорах названия лица *кулюха* «о неопрятной девушке, женщине» и глагола *кулюшить* «заниматься пустяками, делать что-л. ненужное» [69].

Ларионов. Фиксируется в духовных росписях в 1815, 1823, 1826, 1827 гг. Фамилия *Ларионов* была образована как отчество от календарного имени *Ларион* (из Илларион) [83; 77].

Леонтьев. Фиксируется в метрических книгах, в духовных росписях и в книгах записи оглашений о вступлении в брак в 1802 (Иван 48-ми лет), 1803 (он же), 1817 (Михаил), 1824 (Иван 62-х лет), 1826 (Иван 73-х лет), 1827 (он же), 1832 (в графе «Военные и их домашние») записан Михайло Леонтьев 69-ти лет и еще 28 человек - члены его семьи и люди, проживающие в его доме), 1840 (Федор), 1868 (Иван и Андриян), 1911 и в др. гг. Фамилия *Леонтьев* была образована как отчество от календарного имени *Леонтий* [83; 77].

Макаров. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1807, 1814, 1818, 1820, 1824, 1826, 1829, 1832, 1842, 1844, 1851, 1861 (Кушвинского завода мастеровой) и в др. гг. Отметим также фамилию **Макарчиков** в 1888 г. Люди с фамилией Макаров проживают в Бемьже и в настоящее время. Фамилия *Макаров* была образована как отчество от календарного имени *Макар* (Макарий) [83; 77].

Матвеев. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1801 (**Матфеев**) и в 1875 (солдат Бемышевского завода Матвеев) гг. Упоминается Матвеев также в протоколах партийных заседаний Бемьжской МТС в 1935 г. [110]. Фамилия

Матвеев была образована как отчество от календарного имени *Матвей* (Матфей) [83; 77].

Миронов. Фиксируется в метрических книгах, в духовных росписях, в книгах записи оглашений о вступлении в брак, в брачных обысках и в исторических документах в 1813 (Василий 52-х лет), 1815, 1816, 1817 (Василий 55-ти лет), 1820 (крепостной крестьянин Илья), 1839, 1845 (крестьянин Н. Миронов посажен в елабужскую тюрьму), 1846 (сын Н. Миронова Иван взят под стражу), 1853, 1859, 1866 (Иван Данилович), 1869 (Мария Ивановна), 1874, 1875 (крестьянин Д.И. Миронов), 1878, 1883, 1893 (Николай Михайлович), 1900, 1911 (Матвей, неграмотный) и в др. гг. Фиксируется Миронов и в «Книге памяти» (1941–1945) [105]. Фамилия *Миронов* была образована как отчество от календарного имени *Мирон* [83; 77].

Михайлов. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1803 (Дмитрий), 1804, 1806, 1814, 1820, 1825, 1829, 1831, 1836, 1839, 1841, 1858 и в др. гг. Фамилия *Михайлов* была образована как отчество от формы календарного имени Михаил – *Михайло* (Михаил) [83; 49] (в бемышевских памятниках фиксируется и полное имя Михаил, и его форма Михайло, напр., в 1830-х гг.).

Николаев. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1815, 1820, 1824, 1825, 1830 (Михаил 38-ми лет), 1831 (Михайло 39-ти лет), 1836, 1840, 1855, 1857 и в др. гг. В протоколах партийных заседаний Бемыжской МТС фамилия Николаев отмечена в 1938 г. [110]. Фиксируется Николаев и в «Книге памяти. 1941–1945» [105]. Фамилия *Николаев* была образована как отчество от календарного имени *Николай* [83; 77].

Павлов. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1801, 1821, 1829, 1835, 1857, 1865 и в др. гг. Фамилия *Павлов* была образована как отчество от календарного имени *Павел* [83; 77].

Пахомов. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1815, 1820, 1841, 1853, 1857, 1859, 1863, 1870, 1875, 1879 (Евграф Ермилович 21-го года), 1894, 1898, 1901, 1911 и в др. гг. В архивных документах за 1853 г. сообщается, что в числе других крестьян, наказанных розгами за неповиновение, был Л. Пахомов [2: 114]. Упоминается фамилия Пахомов также в протоколах партийных заседаний Бемыжской МТС за 1956 г. [110] и в «Книге памяти» (1941–1945) [105].

Фамилия *Пахомов* была образована как отчество от календарного имени *Пахом* (Пахомий) [83; 77]. Имя Пахом в первые десятилетия XIX в. носило отпечаток незнатного или провинциального происхождения его носителя [84: 337]. Современный факт: жительница Бемыжа Александра Пахомова (фамилия – по отцу) имела в 1950–70-х гг. уличное прозвание *Шурка Пахомычева* (то есть либо «дочь Пахомова», либо «внучка Пахомыча»).

Потапов. Фиксируется в метрических книгах, в духовных росписях, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1817, 1821, 1829 (Феодор 46-ти лет), 1840, 1857, 1859, 1863, 1867, 1875, 1888, 1890 (Бемышевского завода ефрейтор), 1897, 1911 и в др. гг. В протоколах партзаседаний Бемыжской МТС сообщается о выступлении Н.М. Потаповой на заседании в 1956 г. [110]. Одним из председателей Бемыжского сельсовета был Ф.И. Потапов. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время (у одного из них прозвище – Косолапый, мотивированное косвенным названием медведя «Михаил Потапыч» [94]); функционирует индивидуальное предприятие «Потапов».

Фамилия *Потапов* была образована как отчество от календарного имени *Потан* (Потапий) [83; 77].

Прокопьев. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1807, 1817, 1819, 1820, 1824, 1826 (**Прокопьев**), 1829 (Прокопьев), 1831, 1841 и в др. гг. Фамилия *Прокопьев* была образована как отчество от календарного имени *Прокопий* (Прокофий) [83; 77].

Родионов. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1806, 1821, 1824, 1832 гг. Фамилия образована как отчество от календарного имени *Родион* [83; 77].

Савельев. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1803, 1807, 1826, 1833 (Савелиев), 1844, 1860 гг. Упоминается фамилия Савельев и в протоколах партийных заседаний Бемыжской МТС за 1935 г. [110]. Фамилия *Савельев* была образована как отчество от календарного имени *Савелий* [83; 77].

Саввин. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1819, 1824, 1829, 1831, 1833, 1861 и в др. гг. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время. Фамилия *Саввин* была образована как отчество от календарного имени *Савва* (Сава) [83; 77]. Исследователи отмечают, что «имя Савва в литературном языке обычно пишется с удвоенным *в*, хотя изначально никакого удвоения в нем не было: Сава» [76: 47].

Сергеев. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1814, 1833, 1841 гг. Фамилия *Сергеев* была образована как отчество от календарного имени *Сергей* [83; 77].

Сидоров. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1819, 1820, 1827, 1831, 1874, 1897 гг. Фамилия *Сидоров* была образована как отчество от календарного имени *Сидор* (Исидор) [83; 77].

Спиридонов. Фиксируется в метрических книгах, в духовных росписях, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1815, 1819, 1824 (*Сперидонов*), 1833, 1840, 1845, 1857, 1860, 1866, 1878, 1893, 1901, 1911 и в др. гг. Фамилия фиксируется также и в «Книге памяти» (1941–1945) [105]. Фамилия *Спиридонов* была образована как отчество от календарного имени *Спиридон* (Спиридоний) [83; 77].

Тимофеев. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках

в 1807, 1860, 1862, 1897, 1911 и в др. гг. Фамилия *Тимофеев* была образована как отчество от календарного имени *Тимофей* [77].

Тихонов. Фиксируется в метрических книгах, в духовных росписях, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках как крестьянская фамилия в 1810, 1820 (Стефан *Тиханов* 42-х лет), 1824 (Стефан Тиханов 45-ти лет), 1826 (Тиханов), 1831, 1833 (Самсон 46-ти лет), 1840 (Петр), 1843, 1845, 1857 (Дмитрий), 1859, 1862, 1870, 1875, 1880, 1888, 1897, 1911 и в др. гг. В публикациях историков сообщается также о заводском приказчике А. Тихонове (1845) [2]. В настоящее время носители данной фамилии также проживают в селе.

Фамилия *Тихонов* была образована как отчество от календарного имени *Тихон* [83; 77].

Федотов. Фиксируется в метрических книгах, в духовных росписях, в книгах записи оглашений о вступлении в брак, в брачных обысках и в исторических документах в 1807 (крепостной крестьянин Иван), 1818, 1820 (у вдовы Федотовой родился незаконнорожденный сын), 1824 (Григорий 35-ти лет), 1839 (Дмитрий), 1840 (Прокопий), 1846 (Д. Федотов возглавил крестьян, покинувших рудник, чтобы освободить товарищей из елабужской тюрьмы, в результате чего сам был арестован), 1859, 1860 (умер Григорий Федотов 73-х лет), 1870, 1875 (Петр), 1887, 1891, 1897 (у Андрея родился сын Федор), 1901, 1911 (Федор расписывался за неграмотных) и в др. гг. Имеются интересные сведения о Федотовых в Удмуртии вообще: был сарапульский купец Федот Федотов, в 90-х гг. XVIII века построивший пять мельниц [17: 78], а в самом селе Бемьж в начале XX в. жил зажиточный хлеботорговец Михаил Федотов [98]. В настоящее время носители этой фамилии также проживают в Бемьже, в сельской средней школе работает Г.В. Федотова [34: 117].

Фамилия *Федотов* была образована как отчество от календарного имени *Федот* (Феодот) [83; 77], которое в первой четверти XIX в. считалось простонародным [84: 338].

Филиппов. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1803 (Филиппов), 1804 (*Филипов*), 1818, 1820, 1823, 1831 (Филипов), 1841 и в др. гг. Фамилия *Филиппов* была образована как отчество от календарного имени *Филипп* [83; 77].

Все 32 фамилии, первые записи которых относятся к 1800–1819 годам, принадлежат «*Бемьшевского завода крестьянам*». Некоторые из них могли прийти на заработки с других заводов, закрытых к этому времени, но многие, скорее всего, были из числа первопоселенцев, о чем свидетельствует идентичность антропонимической модели той, которая представлена в первой волне бемьжских фамилий, и даты рождения людей: *Леонтьев* – 1754 г. рожд., *Миронов* – 1761, *Николаев* – 1792, *Потапов* – 1783, *Тихонов* – 1778, *Федотов* – 1789 и др.

В первые два десятилетия XIX в. в церковных книгах продолжают упоминаться фамилии многих *первopоселенцев*: *Абрамов, Агапов, Алексеев, Андреев, Артамонов, Артемьев, Афанасьев, Васильев, Володимеров, Гаврилов, Григорьев, Дементьев, Евдокимов, Егоров, Елизаров, Ефимов, Захаров, Иванов, Ильин, Калинин, Клементьев, Корнилов, Никитин, Осипов, Петров, Романов, Семенов, Степанов, Терентьев, Федоров, Яковлев*. Среди них, в отличие от списка начала XIX в., есть фамилия, принадлежащая священнику (*Семенов*) и «дворовому человеку» (*Осипов*). Дворовые – это те же крепостные крестьяне, только взятые баринoм к себе «во двор». Иногда они становились источником дохода для помещика, если он обучал их какому-нибудь ремеслу и отдавал в наем или отпускал на заработки [38: 688].

Священники – другая особая социальная категория. Как уже говорилось, в 1769 г. была построена заводская церковь в соседнем с заводом селе Кувак, а в 1819 заложена и в 1825 г. открыта церковь в самом Бемьже. Соответственно, появляются и церковные служители (одним из первых был Семенов, родом из крестьян). На приходское духовенство возлагались тогда, кроме отправления религиозных треб, также регистрация рождений, браков, смертей и др. Сельские священники, как и все крестьяне, вели домашнее хозяйство, хотя в целом «в дореформенный период духовенство было замкнутым сословием, в ко-

торое было трудно попасть и из которого сложно выйти» [7: 223].

С точки зрения дальнейшей истории фамилий, появившихся в селе в 1800-х гг., можно отметить следующее: в 1830-х гг. выйдет из состава бемышевского антропонимикона фамилия *Родионов*, в 1840-х – фамилии *Андрианов*, *Игнатьев*, *Прокопьев*, *Сергеев*, *Филиппов*, в 1850-х – фамилии *Димитриев*, *Михайлов*, *Николаев* (см. о событиях 1830–1850-х гг., которые могли повлиять на это, в следующих разделах). В пореформенные 1860-е гг. пресекается упоминание в церковных книгах фамилий *Вуколов*, *Герасимов*, *Данилов*, *Макаров*, *Павлов*, *Савельев*, *Саввин*. С другой стороны, устойчиво продолжали функционировать и в XX в. (то есть вошли в ядро антропонимикона) фамилии *Александров*, *Анкудинов*, *Матвеев*, *Миронов*, *Пахомов*, *Потапов*, *Спиридонов*, *Тихонов*, *Федотов*.

В структуре фамилий, впервые фиксирующихся в первые два десятилетия XIX в., преобладают формы на *-ов (-ев)*, форм на *-ин* всего 2 (*Кулюшин*, *Саввин*). Обращает на себя внимание фамилия на *-юшин*, своей формой указывающая на исходное личное имя с уменьшительным суффиксом или прозвище. Преобладающее большинство – это фамилии, производные от календарных имен (или их народных форм): *Александр*, *Андриан*, *Анкудин*, *Антон*, *Вукол*, *Данил*, *Димитрий*, *Игнатий*, *Исаак*, *Ларион*, *Леонтий*, *Макар*, *Матвей*, *Мирон*, *Михайло*, *Николай*, *Павел*, *Пахом*, *Потан*, *Прокопий*, *Родион*, *Савелий*, *Савва*, *Сергей*, *Сидор*, *Спиридон*, *Тимофей*, *Тихон*, *Федот*, *Филипп*.

Отметим также наличие фонетико-графических вариантов у фамилий, появившихся в данный период: *Вуколов* / *Викулов*, *Димитриев* / *Дмитриев* / *Митриев* (1815), *Исаков* / *Исааков*, *Кулюшин* / *Кулюшкин* (1845), *Макаров* / *Макарчиков* (конец 1980-х гг.), *Прокопьев* / *Прокофьев* (1826), *Семенов* / *Семеонов*, *Спиридонов* / *Сперидонов* (1824), *Филипов* / *Филиппов* (1804). Под **вариантом собственного имени** понимается видоизменение его или любого элемента его структуры в различных языковых ситуациях [58: 41].

Рассмотрим далее фамилии, фиксируемые в документах с третьего десятилетия XIX в. (1820–1829 гг.):

Агафонов. Фиксируется в метрических книгах в 1823, 1874, 1880 и в др. гг. Люди с такой фамилией проживают в Бемьже и в настоящее время. Фамилия *Агафонов* была образована как отчество от календарного имени *Агафон* [83; 77].

Беляев. Фиксируется, в частности, в метрических книгах в 1821 г. (пономарь). Пономарь – это один из низших церковных служителей, главной обязанностью которого было звонить в колокола, участвовать в клиросном пении, прислуживать в богослужении. Поскольку Свято-Троицкая церковь до 1825 г. находилась в с. Кувак, пономарь Беляев, по-видимому, не был жителем заводского села. Фамилия упоминается также и позднее – в «Книге памяти» (1941–1945) [105].

Фамилия *Беляев* была образована как отчество от древнерусского имени *Беляй*, которое могло указывать на светлый цвет лица, волос или иметь другое значение – например, «обелённый», то есть свободный от податей [49].

Виноградов. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1820 (дьячок), 1825 (дьякон 64-х лет), 1841 (дьякон) и в др. гг. Можно предположить, что это был первый дьякон Бемьшевской церкви. В этнографических очерках 1850-х гг. вятского писателя А.А. Потехина о *дьячке* (церковнослужителе) говорится, что он «сам и полосу свою взорет, и сено выкосит как добрый мужик», а дети дьячка «бегают себе босиком в одних толстых холщевых рубахах», но общественное положение *дьякона* (священнослужителя) совсем иное – «и одежда должна быть пристойнее как на нем, так и на семейных его», работать в поле самому дьякону как-то непристойно, «и некогда, потому что на нем лежит вся письменная работа – ведение книг и отчетности по церкви и приходу» [62: 237–244].

Что стало с бемьжскими Виноградовыми в дальнейшем? В 1960-х гг. в Бемьжском детдоме жил мальчик лет 12-ти Витя Виноградов. Не был ли этот одинокий, сосредоточенный в себе ребенок потомком того дьякона, который служил в бемьшевской церкви в первой половине XIX века?

Фамилия *Виноградов* относится «к числу искусственных, часто дававшихся в духовных училищах. Искусственность ее

происхождения подтверждается и тем, что в центральной и северной России виноград не растет и был известен, скорее всего, из книг» [76: 48].

Евсевиев. Фиксируется в духовных росписях и брачных обысках в 1825 (пономарь 28-ми лет), 1896, 1901 г. (личный дворянин Александр Николаевич; студент Вятской духовной семинарии Геннадий Николаевич Евсевиев 21-го года, жительствовал в Бемышевском заводе, женился на дочери священника этого завода – В. Поповой 27-ми лет). Фамилия появляется в церковных книгах сразу после открытия церкви. Позднее **Евсеев** фиксируется в «Книге памяти» (1941–1945) [105]; в протоколах партзаседаний Бемыжской МТС за 1938 г. упоминается комбайнер Евсеев, а за 1956 г. отмечен Евсеев, который был делегатом 9-й партконференции [110].

Фамилия *Евсевиев* (Евсеев) была образована как отчество от имени *Евсевий* (Евсей) [83].

Енаторов. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1828 (*Еноторов*), 1839 (**Иноторов**), 1857, 1858 (Бемышевского завода отпущенный по билету солдат Г. Иноторов; уволенный по билету рядовой Принца Прусского полка солдат Г. Еноторов), 1859 (Еноторов), 1862, 1867, 1874, 1879 (Параскева Павловна Инаторова 23-х лет), 1894 (Еноторов), 1898 (Наталья Инаторова 20-ти лет), 1901, 1911 (И.П. Иноторов 1892 г. рожд.) и в др. гг. В исторических источниках упоминается также «У.Д. **Елоторов** из с. Бемышево Елабужского уезда», который 1909 г. на Казанской международной выставке демонстрировал сапоги, сплетенные из лыка [40: 123]. В протоколах партзаседаний Бемыжской МТС за 1938 г. также упоминается Еноторов [110]. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время. А.С. Енаторова была заведующей бемыжской библиотекой с 1983 г. [34: 164].

Фамилия *Енаторов* могла быть образована, на наш взгляд, от возможной разговорной формы *Енатор* от календарного личного имени *Сенатор* < лат. *сенатор* (имя указано у Суперанской [77: 298]).

Кабанов. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1828, 1836, 1840, 1857, 1864, 1866, 1878, 1888, 1892, 1896 (Парфений 20-ти лет), 1900, 1911 и в др. гг. Фамилия упоминается в «Книге памяти» (1941–1945) [105]. В 1950-х гг. в Бемыжской МТС работал А.П. Кабанов, который был членом партбюро МТС [110].

Фамилия *Кабанов* была образована как отчество от неканонического имени *Кабан* или от прозвища *Кабан* [83], производного от названия животного – переносно «о толстом, здоровом человеке» [69] или от диалектного *кабан* – «кладка сена, соломы, снопов, продолговатой формы» [19]. В картотеке русских говоров Удмуртии, хранящейся в кабинете русского языка Удмуртского госуниверситета, имеются следующие записи: «Серпом жали, а потом – в *кабан* ставили снопы, чтоб они не пропали, на всю зиму» (записано от семьи Деминых, Бемыж, 1984 г.) [106]. В условиях медеплавильного производства фамилия *Кабанов* могла возникнуть также и на базе профессионального термина *кабан* – «кладка дров для выжигания угля», «угольная куча», *кабанить* – «выжигать уголь» [69].

Карпов. Фиксируется в метрических книгах в 1827, 1830 и в др. гг. Фамилия *Карпов* была образована как отчество от календарного имени *Карп* (Карпос) [77].

Костин. Фиксируется в метрических книгах в 1820, 1850 и в др. гг. Проживают носители данной фамилии в Бемыже и в настоящее время.

Фамилия *Костин* была образована как отчество от уменьшительной формы календарного имени Константин – *Костя* [83], что совершенно нехарактерно для бемыжского антропонимикона начала XIX в., хотя широко представлено в общерусской антропонимической системе. Русские фамилии «образовывались не только от форм имен, зафиксированных в церковных календарях, но и от народных разговорных форм этих имен, а также от сокращенных и субъективно-оценочных вариантов имен» [76: 45].

Космин. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1824, 1826 (**Козмин**), 1827, 1829 (Космин), 1830 (вдова Феврония **Кусмина** 58-ми лет, из дворовых), 1831 (Космин), 1833 (Козмин), 1839, 1843 (Космин), 1863 и в др. гг. Фамилия *Космин* была образована как отчество от календарного имени *Косма* (Козьма, Кузьма) [83; 76: 45; 77].

Крохин. В 1825 г. в составлении плана Бемышевского медеплавильного завода принимал участие «управитель И. Крохин» [2: 102], *управителем* назывался человек – доверенное лицо хозяина. Данная фамилия фиксируется в метрических книгах, в духовных росписях и в брачных обысках в 1826 (крепостной крестьянин Иван Петрович 54-х лет), 1827, 1829 (И.П. Крохин 57-ми лет), 1840, 1858, 1859, 1870 (в разные годы в церковных книгах упоминается мещанин Крохин из г. Макарьева Нижегородской губ.), 1888 и в др. гг. «Управитель» И. Крохин (1825) и крепостной И.П. Крохин (1826) – это, вполне вероятно, одно и то же лицо.

Фамилия *Крохин* могла быть образована как отчество от прозвища (возможно, это внутрисемейное детское имя) *Кроха*, которое фиксируется в русских памятниках в XVI в. [93: 27]).

Львов. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1824, 1831, 1833, 1840 гг. Фамилия *Львов* была образована как отчество от календарного имени *Лев* [83; 77], хотя «определенное число фамилий *Львов* восходит, вероятно, к слову *лев* (символ св. Марка Евангелиста)» [83: 175].

Модин. Фиксируется в метрических книгах, в духовных росписях, в книгах записи «оглашений о вступлении в брак» и в брачных обысках в 1826 (Федор 43-х лет), 1840, 1842, 1845, 1850, 1855, 1859, 1862, 1864, 1875, 1880, 1888, 1891, 1895 (Евдокия Ивановна Модина сочеталась браком с Н.А. Чучковым), 1897, 1911 (Иван Афанасьевич) и в др. гг. Проживают носители данной фамилии в Бемыже и в настоящее время.

Фамилия *Модин* могла быть образована, на наш взгляд, как отчество от сокращенной формы календарного имени Модест (Медосий) – *Модя*. Хотя следует иметь в виду также диа-

лектное название лица *модя* – о хилом, тщедушном человеке [19].

Мышкин. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1823 (пономарь), 1825 (пономарь 19-ти лет), 1831 (пономарь), 1870 (Бемышевского завода исключенная из духовного ведомства в крестьянское сословие девка Глафира Мышкина), 1894 (крестьянин) и в др. гг. Поскольку первая из известных нам фиксаций фамилии относится к 1823 г., можно предположить, что первый ее носитель появился в Бемыже как церковнослужитель, переведенный из старой церкви. Отметим также, что фамилию *Мышкины* носили многие вятские семьи, посвятившие себя церковной службе [72].

Фамилия *Мышкин* могла быть образована как семинарская – от нарицательного *Мышка* (метафорическая модель – «по черте характера»). Б.О. Унбегаун приводит ее в группе «от названий млекопитающих», хотя вполне вероятно происхождение и от нецерковного имени *Мышка* (сравним: Никонов пишет о фамилии Щукин, что она «возникла не из нарицательного *щука*, а из нецерковного мужского личного имени *Щука*» [Никонов 1993: 8]). В пермских говорах зафиксировано существительное *мышка* как прозвище ребенка с тонким голосом [69].

Набоков. В 1825 г. чертежник А. Набоков участвовал в составлении плана Бемышевского медеплавильного завода [2: 102]. Фамилия фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1855, 1857 (умерла дворовая женка г-на Лебедева вдова из г. Казани Евдокия Ермолаевна Набокова 81-го года), 1859, 1861 (крестьянин из с. Можги Н. Набоков набело переписывал прошение бемышевских крестьян) [Александров: 119], 1880 (крестьянин с. Можги), 1888 и в др. гг.

Фамилия *Набоков* могла быть была образована, на наш взгляд, как отчество от прозвища *Набок*. Сравн.: *набокый* – «кособокый, с кривым боком», «хромой» [69].

Панов. Фиксируется в метрических книгах в 1821 и в некоторые др. гг.; люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время. Фамилия *Панов* могла быть образована как

отчество от прозвища *Пан*, связанного с польским происхождением его носителя (*pan* в польском языке – «господин» [83]), или данного в насмешку, хотя следует учесть также наличие так называемого «нового календарного имени» *Пан* < греч. имя бога лесов, пастбищ, скота [77].

Парфилов. Фиксируется в разных формах в метрических книгах, в духовных росписях и в брачных обысках в 1829 (**Парфилов**), 1831 (**Порфирьев**), 1833 (Порфирьев), 1840 (**Панфилов**), 1842, 1858, 1875, 1888 (Парфилов), 1898 (**Перфилов**), 1900 (Порфирьев) и в др. гг. *Парфилов* упоминается в «Книге памяти» (1941–1945) в разделе «Бемыжский сельсовет» [105].

Фамилия *Парфилов* в разных ее фонетико-графических и словообразовательных вариантах восходит к календарному имени *Перфилий* (Порфирий) [77]. Унбегаун приводит формы *Перфильев*, *Перфилин*, *Порфирьев* – от Порфилий; и отдельно – *Панфилов* от Панфил или Панфилий [83]. В бемыжском антропонимиконе, с его ограниченным числом фамилий, все эти разные варианты относятся, по нашему мнению, к одному антропониму (форма *Парфилов* указана как основная в связи с ее ранней фиксацией, а также с учетом наличия в современном источнике).

Разумов. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях дважды – в 1826 (Никонор 30-ти лет) и 1850 гг. Фамилия *Разумов* могла быть образована как отчество от имени *Разум* < *Разумник*, перевод с греческого *Синесий* [77] или создана искусственно. Сравн. у Ф.М. Достоевского в «Преступлении и наказании» рассуждение о фамилии *Разумихин*: «Он малый, говорят, рассудительный (что и фамилия его показывает, семинарист должно быть)»).

Секерьянов. Фиксируется в метрических книгах в 1828, 1836 (**Сикерьянов**), 1843 (**Северьянов**) и в др. гг. Фамилия *Секерьянов* была образована, на наш взгляд, как отчество от имени *Секерьян* (Северьян). В бемышевских источниках фиксируются следующие варианты записи данного имени: *Секирьян*, *Сиверьян* (1826). Б.О. Унбегаун дает только *Северьянов* от Северьян [83].

Селиверстов. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях трижды – в 1827, 1831 (восприемник), 1851 гг. *Восприемниками* называли крестных отца и мать, которые при обряде крещения ручались перед церковью за веру крещаемого; в случае необходимости восприемники должны были принять крестника под свое попечение [12: 281]. Фамилия *Селиверстов* была образована как отчество от календарного имени *Селивёрст* (обрусевшее от Сильвестр) [77; 86]. В церковных книгах с. Бемыж фиксируется следующая форма этого имени – *Сельверст* (1824).

Силуянов. Фиксируется в метрических книгах дважды – в 1828 (*Силуанов*) и 1840 гг. Фамилия *Силуянов* была образована как отчество от календарного мужского имени *Силуян* (Силуан, Сильван; сюда же – Селиван, Селифан) [49; 77]; вариант *Силуан* – «русский документальный» [86].

Сухов. Фиксируется в метрических книгах, в духовных росписях, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1824 (крестьянин 69-ти лет), 1826 (крестьянин 41-го года), 1836, 1839, 1840, 1857, 1866 (Иван), 1870, 1875, 1888, 1891, 1894, 1900 (грамотный крестьянин), 1911, 1912 и в др. гг. Фамилия *Сухов* упоминается также в протоколах партсобраний Бемыжской МТС за 1935 и 1956 гг. [110]. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже в настоящее время. Фамилия *Сухов* могла быть образована как отчество от прозвища *Сухой* [83] или от детского имени, отражающего отличительный признак младенца [76: 34].

Фомин. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1824, 1829, 1831, 1842, 1859 гг. Фамилия *Фомин* была образована как отчество от календарного имени *Фома* [83; 77].

Шабалин. Фиксируется в метрических книгах, в духовных росписях и в брачных обысках в 1820 (дьячок Шабалин), 1822, 1831 (дьячок), 1836 (священник Петр Иванович), 1840 (**Шибалин**), 1857, 1863, 1866, 1868, 1875, 1888 (житель «села

Бемышево» Шабалин женился на Исаковой, которая «жительствовала в Бемышевском заводе»), 1891, 1893 (Бемышевского завода старший унтер-офицер; унтер-офицерами назывались начальствующие нижние чины, а с 1881 г. звание присваивалось только строевым нижним чинам), 1894 и в др. гг. В протоколах партсобраний Бемыжской МТС за 1956 г. упоминаются С.В. Шабалин (принят в партию в этом году) и В.Н. Шабалин (член комитета комсомола) [110]. Е.А. Шабалина была председателем Бемыжского сельсовета. Живут Шабалины и в современном Бемыже.

Отметим, что в русском антропонимиконе патроним Шабалин встречается уже в XVI в. [93: 64], а в середине XIX в. был известен вятский помещик Н.А. Шабалин. Эту фамилию носили также купцы из села Пьяный Бор Елабужского уезда. В 1806 г. в некоторых уездах Вятской губернии фиксируются грамотные крестьяне Шабалины.

Фамилия *Шабалин* могла быть образована как отчество от прозвища *Шабала*, которое В.А. Никонов возводит к разным лексемам – сибирскому *шабала* «болтун», северному и поволжскому *шабала* «ветошь, лохмотья», нижегородскому в значении «обноски» [49]. М. Фасмер указывает на вятское *шабала* «отвал плуга» [85]. В любом случае фамилия *Шабалин* была образована по типу: Шагалин < Шагала [55: 191].

Итак, в третьем десятилетии XIX в. в истории Бемыжа появляется еще, как минимум, 23 фамилии. Это могли быть фамилии новых поселенцев (например, из Нижегородской и Казанской губерний) или вернувшихся с военной службы солдат, а также выросших вдовьих или незаконнорожденных детей. «Обычно незаконнорожденный ребенок получал фамилию отца или матери, и тогда его фамилия ничего другого не обозначает. Иногда, однако, по старинному обычаю, незаконнорожденный ребенок получал фамилию, производную от крестильного имени или прозвища матери» [83: 181].

Среди них новых единиц сельского антропонимикона – фамилии людей, родившихся еще во второй половине XVIII в.: дьячок *Виноградов* (1761 г. рожд.), ставший в 1825 г. дьяконом; пономари *Евсеев* (1797 г. рожд.) и *Мышкин*; крестьяне *Крохин*

(1797 г. рожд.), *Модин* (1783), *Разумов* (1796), и другие. Как видим, это и молодые люди 19-ти, 28-ми лет (*Мышкин*, *Евсевиев*), и люди среднего возраста (*Модин* 43-х лет, *Разумов* 30-ти лет, *Сухов* 41-го года и др.), и ровесники завода (крестьянин *Сухов*, которому в 1824 г. было 69 лет). Это, в основном, крепостные крестьяне (в том числе чертежник *Набоков* – по-видимому, из дворовых), а также – пять служителей церкви и «управитель» завода.

В 1820–1829 гг. в ядро бемышевского антропонимикона вошло еще несколько фамилий, устойчиво функционирующих в этом селе на протяжении всего XIX в. и использующихся до сих пор: *Агафонов*, *Енаторов*, *Модин*, *Сухов*, *Шабалин*. Фамилия *Костин* известна нам по бемышевским памятникам только до 1850, но используется она и в современном Бемыже (перерыв в фиксации мог быть связан с известными событиями 1850-х гг., которые описываются ниже). Фамилию *Панов*, обнаруженную нами в метрических книгах только в 1820-х гг., но входящую также и в состав современного антропонимикона села, могли носить люди, принадлежащие к разным семьям. До XX в. сохранились также фамилии *Беляев* (1821, 1945), *Евсевиев* (1901, 1950), *Кабанов* (1911, 1950), *Перфилов* (1911, 1945). Пресекалось в 1830-х гг. использование фамилии *Карпов*, в 1840-х – фамилий *Львов*, *Секерьянов*, *Силюянов*, в 1850-х – *Разумов*, *Селиверстов*, *Фомин*.

Структура фамилий, вошедших в антропонимикон в этот период следующая: на –ов (-ев) оканчивается большинство фамилий, однако возрастает количество фамилий на –ин (*Костин*, *Космин*, *Крохин*, *Модин*, *Мышкин*, *Фомин*, *Шабалин*). В составе последнего ряда появляется и некий новый (возможно, привнесенный извне) компонент, - фамилии, образованные от уменьшительных форм личных имен: *Костин* < от *Костя*, *Модин* – возможно, от *Модя* < *Модест*. В живой речи одному полному имени обычно соответствовали несколько неполных и каждое из них могло стать основой фамилии [60]. Отметим появление в бемышевских источниках в этот период фамилий, образованных от разных фонетико-графических вариантов народных форм канонических имен: *Порфирий* / *Перфилий* > *Парфил* > *Перфилов* (позднее – *Панфилов*) и некот. др.

Итак, большая часть из нового списка фамилий – календарного происхождения, что является продолжением антропонимической традиции данного поселения. Личные имена, положенные в их основу, следующие: *Агафон, Евсевий, Карп, Косма, Лев, Парфил (Перфилий), Секерьян, Селиверст (Сильвестр), Силуян, Фома*. Наличие в основах фамилий народных форм личных имен, а не полных канонических, может свидетельствовать о появлении данных фамилий в живой уличной речи еще до того, как они были записаны в документах.

Кроме того, среди бемышевских фамилий этого периода появляются такие, в основе которых лежат **нецерковные имена предков**, употреблявшихся в России наряду с церковными именами до конца XVII в. [47: 40]. К таковым можно отнести фамилии *Беляев, Кабанов, Крохин, Набоков, Разумов, Сухов*. Сейчас их сложно отграничить от прозвищных фамилий. В.А. Никонов писал о том, что даже в документах XVII в. «отчества от нецерковных имен употребляются равноправно с отчествами от имен церковных и без какого-либо отличия от них» [47: 197]. Он приводит следующие примеры фамилий от нецерковных имен: Смирнов < Смирной, Соколов < Сокол.

Среди нецерковных основ, давших начало названным фамилиям крестьян Бемышевского завода, есть такие, что образовались, вероятнее всего, как внутрисемейные личные имена: *Крохин < Кроха* (маленький ребенок), *Сухов < Сухой* (сухой ребенок). **Внутрисемейными** называют такие имена, которые давались ребенку дома, в семье, вскоре после рождения. А.В. Суперанская пишет о том, что в семье важно было различать детей одного от другого и состав слов, применявшихся для именования детей, был узким [76: 34].

Имена же *Кабан, Набок, Разум*, лежащие в основе трех других фамилий, также вполне могли быть даны еще при рождении ребенка, но с такой же вероятностью эти имена могли быть и прозвищными. Исследователи говорят о следующем их различии: «Внутрисемейное имя ребенок получал только от родителей, и это единственный признак, по которому внутрисемейные имена отличаются от прозвищ, которые обычно присваивались соседями» [83: 162]; «внутрисемейные имена, как правило, имели форму существительных» [76: 35].

Так, фамилия *Кабанов* более других похожа на прозвищную. В.А. Никонов пишет: «Первый Сорокин (сначала еще *сорокин* – прилагательное «чей?») не ловил сорок, не торговал ими, не был похож на сороку. Он был сыном Сороки – человека с именем (или прозвищем) Сорока. Таким образом, «птичьих» фамилий не было совсем, фамилия Сорокин не имеет отношения к птицам и ничем не отличался от фамилии Кобылин. Вопрос об особой роли птиц в жизни русских – вопрос о происхождении не фамилий, а прозвищ и нецерковных имен, которые позже стали основами фамилий, таким образом, отодвигается на несколько поколений назад» [47: 195].

Среди состава бемышевских фамилий третьего десятилетия пять фамилий принадлежат церковнослужителям и многие из них, в связи со статусом их носителей, могли быть искусственного происхождения: *Беляев* (пономарь), *Виноградов* (дьячок, дьякон), *Евсеев* (пономарь), *Мышкин* (пономарь), *Шабалин* (дьячок). О фамилии *Виноградов* как о семинарской (модель «по растениям») пишет А.В. Суперанская [76: 48]. Фамилия *Мышкин* могла также относиться к разряду семинарских, даваемых по внешнему облику или/и особенностям поведения (тихий, скромный), а фамилия *Шабалин* – в назидание за излишнюю говорливость. (Фамилия *Разумов*, рассматриваемая нами выше как, вероятно, семинарского происхождения, принадлежит не священнику). Б.О. Унбегаун писал: «Православное духовенство было, кажется, единственной социальной группой в России, систематически вводившей в употребление искусственные фамилии. Эта практика началась в самом конце XVII в. и продолжалась свыше двух веков. Искусственные фамилии иногда давались вместо уже имеющихся или присваивались в духовных училищах ученикам, ранее не имевшим фамилий»; «поначалу искусственные фамилии служили просто для фиксации личности безымянных детей»; «они могли меняться запросто по одному только решению руководства духовного училища, семинарии или высшей духовной академии. Фамилии, как правило, давались в качестве награды или наказания» [83: 169].

Что же касается собственно отпрозвищных фамилий, то как таковые могут быть квалифицированы многие из тех, что выше рассматривались нами как «нецерковные», «семейные»,

«искусственные», поскольку, как уже было сказано, в настоящее время их почти невозможно разграничить. **Прозвище** – это «дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии» [58: 115]. Это, как правило, экспрессивные образования [38]. В прошлом прозвища нередко становились личными именами и от них образовывались отчества (например, прозвище Невзор стало отчеством «Невзоров сын» и затем – фамилией). В Бемыже всегда было много прозвищ. «Уже почти ушли из языка, но не забыты старыми бемыжанами меткие прозвища: жизнерадостный, бойкий парень – Гриня Бодро, заикающийся мужичок – Букварь, черноволосые отец и сын – Чугункины» [96: 301–302].

Б.О. Унбегаун отмечает, что число прозвищ было практически неограниченным, так как любое существительное или прилагательное могло быть использовано в качестве прозвища [83:117]. Он подразделяет их на две группы: *личные* – названия, употреблявшиеся с целью охарактеризовать человека (поведение, моральные, интеллектуальные или физические свойства); *переносные* названия – по аналогии с названиями животного, растения, предмета и т.п. [83:118]. О так называемых «переносных прозвищах» ученый говорит, что редко можно догадаться, почему данному лицу было присвоено именно это прозвище. «Например, прозвище *Медведь* (фамилия *Медведев*) использовалось, вероятно, для обозначения неуклюжего, грузного человека. Повидимому, большинство переносных прозвищ возникло стихийно под влиянием каких-то случайных ассоциаций, которые нельзя реконструировать» [83: 146]. К этому же типу фактов относится, на наш взгляд, бемышевская фамилия *Кабанов*. В.А. Никонов утверждает, что «в меняющейся системе одно и то же по форме явление получает иной смысл. Сегодня *Бык* – фамилия, в XVIII в. – прозвище, в XVI в. – личное имя (в узком смысле)» [47: 41].

Исследователь Е.Н. Полякова пишет, что такого рода фамилии в Прикамье образовывались на базе общерусских нейтральных слов, названий людей по профессии, роду занятий, по принадлежности к определенной народности, этнической группе; а также фамилии возникали из слов, называвших различные качества человека [60: 141].

Среди бемышевских отпрозвищных фамилий есть такие, которые могут содержать в своей основе **диалектные слова** (напр., *Шабалин* < *шабала*). Вообще, большинство региональных ономастических единиц (особенно прозвища людей и создание на их основе фамилий) прошли длительный путь онимизации от диалектной апеллятивной лексики [61: 146]. Е.Н. Полякова говорит, что анализируя лексику, которая легла в основу прозвищ, обнаруживается немало слов, бытовавших в разных народных русских говорах, которые звучали в речи, попали в прозвища, затем в фамилии, но из нарицательной лексики многие из них постепенно исчезли [60]. Не следует забывать и о том, что, «попав в официальные записи, фамилии прошли через ряд «моральных» фильтров, которые видимо, не пропустили многих именованных, встречающихся в неофициальном употреблении. Однако фильтры пропускают «основной спектр» фамилий, который для каждого народа и территории свой, особый» [51: 69].

Обратим внимание на территориальное происхождение фамилии управителя *Крохина* и чертежника *Набокова*, в 1825 г. составивших план завода. Фамилия *Крохин* могла быть привнесена из Нижегородской губернии (в разные годы, в частности, в 1870-х, в метрических книгах упоминается мещанин Крохин из г. Макарьева Нижегородской губ.), откуда, возможно и был переведен И. Крохин в 30-х гг. XIX в. в качестве управителя (доверенного лица хозяина). Фамилия *Набоков* могла быть перенесена в Бемыж из Казанской губернии (имеется следующая запись от 1857 г.: умерла дворовая женка г-на Лебедева вдова из г. Казани Евдокия Ермолаевна Набокова 81-го года). Первый в Бемыже Набоков, возможно, был дворовым.

Отметим разнообразные варианты, которые имели многие фамилии, появившиеся в третьем десятилетии: *Енаторов* / *Еноторов* (1826) / *Иноторов* (1839) / *Елоторов* (1909); *Космин* / *Козмин* (1826) / *Кусмин* (1830); *Парфилов* / *Порфирьев* (1831) / *Панфилов* (1840); *Секерьянов* / *Сикерьянов* (1836) / *Северьянов* (1843); *Силуянов* / *Силуанов* (1828); *Шабалин* / *Шибалин* (1840).

В 1820–29 гг. в бемышевских церковных книгах продолжается фиксация многих фамилий тех жителей села, которые поселились здесь ранее.

1830–1840-е ГОДЫ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В БЕМЫШЕВСКОМ АНТРОПОНИМИКОНЕ

На всех уральских заводах, рудниках и промыслах существовала суровая дисциплина, поддерживаемая жестокими телесными наказаниями. В ход шли розги, палки, цепи и кандалы. На казенных заводах с 1834 г. был установлен военный режим, мастерские приравнивались к солдатам, делились на команды, возглавляемые офицерами [13: 106]. В 1831 г. в Вятку и Пермь, а также во все уездные города (по-видимому, в том числе и в Елабугу) были переведены польские мятежники партиями по 2–4 человека, которым было дозволено отлучаться от города на 30 верст [73: 402–403]. Могли они появляться и на Бемьшевском заводе.

В первой половине XIX в. усиливается эксплуатация всех категорий рабочих в связи с тем, что заводчики всячески пытались выбраться из долгов. На протяжении всего этого времени проходили непрерывные волнения мастеровых и рабочих людей, и никакие карательные меры правительства не помогали [92: 83]. С 1826 по 1854 г. в России произошло 674 крупных крестьянских выступления, в 1834–1835 гг. по Поволжью и Приуралью прокатилась волна восстаний государственных крестьян, количество участников которых исчислялось десятками тысяч. Для подавления восстаний правительство использовало крупные воинские соединения [66: 205].

В 1834 г. на Бемьшевском заводе было зарегистрировано крепостных мужского пола 822 человека [42: 190]. Из отчета заводладельца о расходах по заводу за десятилетие с 1837 по 1846 год можно узнать много интересного. Так, в разделе «Содержание рабочим» есть статьи расходов «на покупку провианта для заводских людей», «на рогожные кули для провианта», «на устройство заводского госпиталя», «на содержание в госпитале больных»; указывается, сколько выдано пенсии «заслуженным из заводских людей» и на содержание «из заводских же людей престарелым и увечным». В разделе «Производство» отмечены расходы «за железо и сталь для завода», «за выработку дегтя», «на покупку белой глины в Кунгуре и на дос-

тавку к заводу»; «за провоз руды от рудников и приисков», «за провоз песка от р. Вятки к заводу», сообщается, сколько «на бывших в заводской работе лошадей выдано фуражных», а также денег «на свечи и сало для горных работ и для заводского употребления», «на содержание рабочих и на покупку балаганов во время приисков руды» и т. д. В разделе «Управление заводом» говорится о расходах «на проезд заводского управляющего и слугителей по заводским делам», «на канцелярские припасы для заводской конторы», «на проезд исправника», «жалования священно-церковно-служителям заводской церкви» и т.д. [42: 190–193].

Писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк, вспоминая в своих записках «Из далекого прошлого» о своем детстве, прошедшем на Висимо-Шайтанском заводе Верхотурского уезда Пермской губернии, писал о том, что на Уральских заводах существовала особая должность «запасчика», который «заведывал амбарами с хлебом, овсом и разными другими материалами, как сальные свечи, веревки, кожи и проч.», служащие «все были из крепостных и образование получали в заводской школе» [44: 99].

Историк А.А. Александров в своей статье «Из истории Бемьшевского медеплавильного завода» [2] подробно, день за днем, рассказывает о том, как все эти годы крестьяне отстаивали свои права. В 1845 г. в своих жалобах они перечисляли бесчисленные «издевательства чиновников над ними», а главным притеснителем называли заводского приказчика А. Тихонова (в дореформенный период сами горнозаводчики в большинстве своем не принимали личного участия в управлении заводами). В жалобах на первом плане была зарплата, которую получали в урезанном виде или вообще не получали из-за вычетов и штрафов. Несвоевременно выдавались заводской конторой хлебные пайки. На некоторых семействах долги заводу исчислялись сотнями рублей. На крестьянах всегда числилась «недорубка куренных дров». Ослушание приказчик Тихонов приравнивал к злостному саботажу и угрожал пожилым ссылкой в Сибирь, молодым – отдачей в солдаты [2: 110].

А.А. Александров пишет о том, что уездный исправник В. Износков, занимавшийся разбором жалоб крестьян в 40-х гг. XIX в., отмечал, что бемьжские крестьяне во всем держат со-

гласие, решают вопросы сообща. В 1846 г. был выявлен зачинщик недовольства – Леонтий Чувьгин, грамотный и энергичный крестьянин, который вскоре был арестован и отправлен в Елабужскую тюрьму. Вместе с ним посадили под арест крестьян Н. Миронова и Л. Бабьева.

Полицейскому приставу было дано указание наблюдать за действиями мастеровых, местами их сбора, временем ухода с работы, о чем своевременно докладывать. Выяснилось, что к жалобе, составленной полно и грамотно, «приложил руку» рабочий Таишевского медеплавильного завода П. Куракин. Для расследования дел Уральское горное управление командировало на Бемышевский завод чиновника по особым поручениям Колтовского, который должен был принять деятельные меры к «успокоению крестьян», а затем отправиться на Воткинский завод, где рассмотреть жалобы углежогов. Примечательно, что перед этим в Воткинск съездила большая группа бемышевских крестьян для перенимания производственного опыта воткинских углежогов. Синхронность в выступлениях тех и других, считает Александров, вряд ли была случайной [2: 110].

События с каждым днем принимали всё более массовый характер. Бемышевский крестьянин Н. Чернов явился автором воззвания, посланного из Бемыжа на Канинский рудник, находившийся на левом берегу Вятки. В воззвании говорилось: «Если желаете идти в город Елабугу, то выходите в пятницу, а мы, если соберемся, в субботу» (в XIX в. была проселочная дорога на Елабугу через с. Байтеряково) [41:191]. 1 марта 1846 г. 40 крестьян покинули этот рудник, а их руководителем был крестьянин Д. Федотов. По дороге к ним присоединились еще 27 человек с соседних рудников. 4 марта об их уходе в Елабугу «для освобождения из тюрьмы трех своих людей» стало известно властям. Н. Чернов, Д. Федотов и Иван Миронов (сын Н. Миронова) были взяты под строгий полицейский присмотр. Бергинспектор Уральских заводов полковник Злобин, узнав о происшедшем, потребовал от Износкова срочно «привести крестьян в повиновение» и начать допрос канинских рудокопов. Выявились новые имена организаторов выступления, ими оказались крестьяне И. Дранков и А. Мастеров. В донесении Колтовского, в частности, говорилось: среди крестьян есть несколь-

ко человек худой нравственности и худого поведения, расстраивающих прочих, поселяющих в них «беспокойный дух и упорство и даже составили, таким образом, общество или, как они называют, мир, вредное во всяком отношении, которое разрушить можно только тогда, когда с главными смутителями поступлено будет по всей строгости законов, тем более, что они действуют и имеют влияние на всех крестьян Бемышевского завода скрытно» [2: 112]. Л. Чувьгин и Н. Миронов, выпущенные, по-видимому, к этому времени из тюрьмы, «начали подстрекать к различного рода жалобам и претензиям».

Восьмого мая Износков донес, что крестьянин Бемышевского завода М. Галеев при работе в курене (так называлось место, где складывалась куча поленьев для выжигания угля) «внушал рабочим не выполнять положенных уроков и хотя малограмотный, но составляет прошения от крестьян в Красногорское волостное правление». За Галеевым был послан заводской казак, однако мастеровые сказали, что приведут Галеева сами. В тот же вечер возле конторы завода собралось около 80 человек, которые заявили, что Галеев ни в чем не виноват и его не отдадут, а ответ за него будет держать всё общество мастеровых и крестьян. В результате Галеев не был посажен в тюрьму, но его избивали розгами и оставили работать не с крестьянами, а с мастерами, чтобы иметь за ним неусыпный надзор [2: 112].

Обстановка на заводе оставалась накаленной, крестьяне не сдавались. 24 июня уже 43 человека направились в Елабугу, поводом для чего послужила просьба жён тех крестьян, которые сидели в тюрьме. В просьбе им было отказано [2: 113].

В июле 1846 г. дело о выступлении бемышевских крестьян рассматривалось в Уральском горном управлении, были отмечены вопиющие безобразия на заводе: его владелец Лебедев не придерживается правил отпуска хлеба, в связи с чем многие крестьяне вынуждены ходить за милостыней в окрестные деревни. Однако хозяин завода в результате этого разбирательства получил лишь внушение и сам предложил освободить завод от «возмутителей тишины», упрятав их в Сибирь. Было решено уменьшить количество печей, а лишних работников перевести в другие имения Лебедева или передать на казенные предприятия. В апреле 1847 г. Лебедев сообщил бергинспектору Злоби-

ну, что готов передать казне всех своих крепостных заводских крестьян [2: 113].

26 июня 80 крестьян, сговорившись, снова пошли в Елабугу, чтобы узнать, как решается дело по их жалобам. 72 человека вернулись обратно, а восемь были задержаны. В июле и августе этого года крестьяне ушли из «дровосеков» и куреней, а 16 рабочих и с ними мастер Танаев покинули Тананьский рудник по причине низкой оплаты труда. Исправник доносил: «Сила и большинство на их стороне. Спрашиваешь одного, отвечают все».

2 января 1848 г. бемышевские крестьяне, собравшись вместе, объявили, что хотят видеть исправника и «требуют этого настоятельно от конторы». 7 января такая встреча состоялась. Люди заявили, что терпение их иссякло, в ответ им были обещаны перемены. Однако ничего так и не изменилось. В донесении Лебедева от 14 февраля 1847 г. было сказано, что крестьяне «только по упрямству и намерению не исполняют урочного положения», что он готов передать «лишних людей завода» (376 человек мужского пола) на другие предприятия Урала с уплатою за каждого по 36 рублей серебром. И власти пошли на это [2: 114]. О том, что Лебедев хочет решить вопрос по-своему, крестьянам стало известно сразу. Это вызвало новую вспышку волнений, в августе – сентябре 200 человек бросили работы и явились к исправнику с жалобой. В ноябре крестьяне И. Векшин, Ф. Лопахин (видимо, имеется в виду Лоханин) и другие обратились к вятскому гражданскому губернатору с просьбой разобрать их дело, заставить заводчика снабжать хлебом детей и стариков и т.д.

В 1848 г. бемышевские крестьяне снова писали жалобу губернатору, обвиняя приказчика Поздеева, назначившего в рекруты людей «за неизвестные обществу пороки их из таких семейств, кои отправили уже рекрутскую повинность», требуя, уже в который раз, освобождения крестьян из Елабужской тюрьмы. Заводская контора сообщала, что «она в отдаче людей встретила невозможность, потому что все налицо в заводе находящиеся крестьяне оказали ей сопротивление, рекрут не выдали» [2: 115]. Когда на завод прибыл исправник, к нему пришли вместе с рекрутами до 200 крестьян и «вся толпа в один голос

с шумом закричала: не выдадим, никто не может ими распоряжаться, у них порочных нет», что рекрутов дадут, но по очереди между собой. Также потребовали выдачи штрафных книг. Исправник вынужден был признать, что ни одного из толпы взять невозможно, они «не принимают никакого над собой начальства и повиновения», хотя «можно назвать главных зачинщиков, но остальные по мановению их готовы исполнить все ими указанное». Для принятия мер «к восстановлению на Бемьшевском заводе порядка» из Уральского горного правления был послан советник Попов. Роль его свелась к консультациям с заводчиком по оформлению бумаг на предмет переселения части людей на Урал.

От имени бемьшевских крестьян в 1849 г. жалобу гражданскому губернатору писал отставной унтер-офицер Е. Храмов. В результате 9 крестьян, в том числе И. Бонькин, Г. Башкин, были арестованы и заключены в тюрьму. В конце года Уральское горное управление разрешило Лебедеву отдать в солдаты «штрафованных» 16 мастеровых, но крестьяне не допустили до них земскую полицию. 4 января 1849 г. из Казани экстренно приехал штабс-офицер корпуса жандармов подполковник Андреев, на следующий день прибыла и военная команда – 23 солдата и офицер, через неделю – еще 40 солдат из Елабуги. Крестьяне, назначенные в рекруты, были взяты. Отметим, что в те годы в армию уходили практически навсегда, так как служба длилась 20 и более лет, семьи лишались кормильцев.

На Урале в этот период вообще возросло количество выступлений заводских крестьян, которые лишь числились крестьянами, но не занимались сельским хозяйством. В своих прошениях они не просили вернуть их к земле, а требовали уравнивать в оплате труда с мастеровыми. Именно так и происходило во время выступлений на Бемьшевском заводе в 1845–1849 гг. [32: 446]. Денежная оплата труда мастеровых и прочих работников на большинстве заводов была ничтожна, практиковалась выдача за труд «провианта» (ржаной муки) на каждого работника и членов его семьи. На частных заводах уровень оплаты был, как правило, даже ниже, чем на казенных заводах.

При этом повсеместно заводские крестьяне заметно отличались от других крестьян. Особый характер их труда и быта

«создали своеобразный социальный тип горнозаводского крепостного рабочего, обладавшего особыми качествами, особым общественным сознанием и особой психологией, своим особым менталитетом» [13: 108]. У них наметился отход от большой патриархальной, неразделенной семьи, типичной для крестьян того времени. Заводские крестьяне выделялись по уровню грамотности и образования.

В 1849 г. владелец завода Александр Лебедев возбудил перед горным начальством ходатайство о разрешении убавить на заводе две медеплавильные печи и сократить количество крепостных заводских людей на 222 человека, поселив их на его земле для употребления «по праву помещицъему»; при этом он соглашался взять на себя обязательство вносить в заводскую казну то количество меди, какое определится по сложности 10 лет. была составлена ведомость о доходах и расходах завода за 10 лет, которая показывала, что завод приносит убытки.

В Вятской губернии в этот период (и позднее) было сильно развито так называемое «отходничество», и численность отходников непрерывно возрастала. Отход был как внутригубернский, так и за пределы губернии. На относительно короткие расстояния отвлекали крестьян такие промыслы, как околзаводская работа (например, выжиг древесного угля), извоз, доставка зерна на прикамские пристани. За пределы губернии крестьяне уходили на судовые работы по Каме [53:40]. Хотя, как пишет В. Бердинских в книге «Крестьянская цивилизация в России», «боялись крестьяне оторваться от родных обжитых мест. Ютились порой в тесноте, малоземье – но там, где жили их деды и прадеды. Обойдя зимой пол-России, отходники возвращались в родные избы» [6: 11–12]. «Паспорта отходникам выдавали уездные казначейства, отпускные билеты (обычно на значительно более короткий, по сравнению с паспортом, срок) – непосредственно вотчинные конторы. В отпускном билете обычно отмечалось, что указанный крестьянин «все положенные уроки выполнил и к нему контора никаких касательств не имеет, почему увольняется он (срок отлучки), а если не вернется в срок, будет с ним поступлено как с бродягой» [57: 114].

В 1833 г. в Вятской губернии случился неурожай хлеба [73: 416], в 40-х гг. XIX в. в практику земледелия повсеместно

стал внедряться картофель [30: 149], в связи с чем по Вятской губернии прокатилась волна картофельных бунтов.

Итак, основные бемыжские события 1830–1840-х гг. были связаны с крестьянскими выступлениями, в результате которых резко сократилось число работающих на заводе (отданы в солдаты, высланы на Урал и т.д.). Перейдем к составу фамилий «приписанных к заводу крестьян», впервые фиксируемых в церковных книгах и других исторических источниках с 1830 по 1849 гг. Рассмотрим сначала фамилии, появляющиеся в документах в четвертом десятилетии XIX в. (1830–1839 гг.):

Башкин. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1839, 1841, 1843, 1859, 1865, 1875, 1891, 1894 и в др. гг. В 1849 г. Г. Башкин в числе девяти крестьян Бемышевского завода был арестован и заключен в тюрьму в Елабуге [2: 116]. Значится эта фамилия и в «Книге памяти» (1941–1945) [105]. Фамилия *Башкин* была образована как отчество от прозвища *Башка* < *башка* [76: 68–69]. Например: «У нас так и говорят здесь – башка, а не голова» (Башкиров В.В., зап. в 1984 г.); «у меня башка – дом советов» (Демин А.Н., зап. в 1984 г. [106].

Башкиров. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1833 (Петр Павлович), 1843, 1853 (Г. Башкиров наказан розгами), 1859, 1861, 1865, 1887, 1888 (грамотный крестьянин), 1891, 1894, 1897 (грамотный крестьянин), 1898, 1900 (Акилина Прокопьевна 20-ти лет), 1911 и в др. гг. В протоколах партсобраний Бемыжской МТС за 1936 г. также упоминается Башкиров, которого в духе того времени клеймят как «отъявленного белобандита» [110]. В 1973–1980-х гг. В.Н. Башкиров был директором Бемыжской средней школы. В 1974 г. житель с. Бемыж Василий Андреевич Башкиров рассказывал студентам-филологам о том, как в тридцатых годах строили дорогу Бемыж – Кизнер, о разделении села на «Польшу» и «Украину», о своей жизни [97]. Носители этой фамилии и в настоящее время проживают в Бемыже.

Фамилия *Башкиров* была образована как отчество от прозвищного этнонима *Башкир* [83], а первые Башкировы в Бемыже –

это, по-видимому, потомки присланных в середине XVIII в. этнических башкир. Н.А. Баскаков пишет о том, что: «фамилии Башкиров и Башкирцев произошли по названию народа, по этнониму башкир, башкирец + суф. –ов, -ев» [5: 249].

Бернатов. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1836, 1839, 1841, 1850, 1859, 1861, 1866 (крестьянин Кушвинского завода), 1874, 1888, 1894, 1896, 1901, 1911 и в др. гг. Носители этой фамилии и в настоящее время проживают в Бемьже.

Происхождение фамилии *Бернатов* не совсем ясное. Б.О. Унбегаун приводит фамилию *Бернов* от *берно* «бревно» [83], а о фамилиях на *-атов* говорит как о производных от прилагательных на *-атый* (например, *Лохматов* от *лохматый*) [83: 142], но что в таком случае могло означать предполагаемое прилагательное «бернатый»? Более убедительной может оказаться версия происхождения фамилии *Бернатов* от личного имени *Бернат* (тюрк.?), которое в 1547 г. носил, по свидетельству историков, один из запорожских казаков (известно, что на Бемьшевский завод в 1797 г. приезжали донские казаки).

Бодрин. Фиксируется в метрических книгах в 1830, 1836, 1840, 1845, 1866 (Кушвинский завод) и в др. гг. В протоколе партсобрании Бемьжской МТС от 23 января 1956 г. говорится о приеме в члены КПСС В.Н. Бодрина, побывавшего в немецком плену в Германии, куда он попал в 1941 г. после сдачи Киева, освобожден был лишь в 1945 г. английскими войсками [110].

Фамилия *Бодрин* могла быть образована как отчество от прозвища *Бодро* (такое прозвище фиксировалось в с. Бемьж у другого ее жителя в 40-х гг. XX в.) или, что более вероятно в связи с наличием суффикса *-ин*, *Бодра* – «смелый» [69]. Сравн. также диалектное: *бодрый* «мужественный, крепкий», «нарядно, щеголевато, по-праздничному одетый» [69].

Бускин. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1836, 1837, 1839, 1840, 1844, 1850, 1863 (крестьянин Кушвин-

ского завода), 1869, 1870 (Акилина Павловна 19-ти лет), 1875 (отданный в военную службу Яков Алексеевич), 1887 (Василий Афанасьевич 36-ти лет), 1888, 1890 (*Бусскин*), 1896, 1900 (грамотный крестьянин), 1911 и в др. гг. В протоколах партсобраний Бемыжской МТС за 1935 и 1937 гг. также упоминается работник по фамилии Бускин [110]. В настоящее время в Бемыже живут *Небускины*, а Бускиных нет.

Фамилия *Бускин* могла быть образована как отчество от диалектного прозвища *Буска* < *буса* «выдолбленная из одного куска дерева лодка» или мотивирована прилагательным *бусый* – «серый; седой» либо «пьяный» (*буско*, *буска* – животное серой масти; кличка такого животного) [69].

Галеев. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1836, 1840, 1851, 1853 (И. Галеев), 1857, 1863 (Кушвинского завода крестьянин), 1869, 1874, 1878, 1888, 1893, 1897 и др. гг. О крестьянине Бемышевского завода *М. Галееве* 8 мая 1846 г. уездный земский исправник сообщал, что при работе в курене он «внушал рабочим не выполнять положенных уроков и хотя малограмотный, но составляет прошения от крестьян» [2: 112]. В протоколах партсобраний Бемыжской МТС за 1935 г. зафиксирован уполномоченный НКВД Галеев; за 1936 г. также не раз упоминается «тов. Галеев», о котором, в частности, с порицанием сообщается, что он «не приехал на партсобрание, а уехал на дорожное строительство, партсобрание сменил на хозяйственные дела» [110]. Носители этой фамилии и в настоящее время проживают в Бемыже.

Фамилия *Галеев*, скорее всего, башкирского происхождения.

Гуцин. Фиксируется в метрических книгах дважды – в 1839 и 1843 гг. Фамилия *Гуцин* могла быть образована как отчество от прозвища *Гуца*, производного от диалектного слова *гуца* в значении «ячменная каша» [4: 88].

Дёмин. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1837, 1840, 1857, 1866 (Кушвинский завод), 1869, 1874 (крестьянин и

уволенный по билету унтер-офицер Яков Васильевич Демин 34-х лет), 1888, 1892, 1911 и в др. гг. Александр Николаевич Демин в 1984 г. рассказывал студентам-филологам о своей жизни. Проживают Демины и в современном Бемьже. И.Д. Демина – председатель Бемьжского сельсовета [34: 204]. Фамилия *Демин* была образована как отчество от сокращенной формы *Дёма* личного имени Дементий [83; 77].

Ельшев. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1836, 1839, 1843, 1860 (Бемьшевского завода отставной унтер-офицер С.А. Ельшев, 41 года), 1866, 1875, 1894, 1900, 1901, 1911 и в др. гг. Жительница с. Бемьж Мария Петровна *Ёльшева* (1907 г. рожд., фамилия по мужу) рассказывала студентам-филологам в 1984 г.: *«В девках была, раскулачивали нас. Отсылать – не отсылали. Дядю совсем выслали. Суп стоял, супу не дали поестъ. Горя много натерпелась. Дедушко раньше рассказывал: неграмотные на заводе работали. Палочка стояла у ворот, делали зарубочку, кто на работу не придет – били. Малину собирали руками, а барину иголкой ягоды снимали, при нём, чтоб чисто было»* [108]. Носители этой фамилии и в настоящее время проживают в Бемьже.

Фамилия *Ельшев* могла быть образована как отчество либо от прозвища *Ельши*, производного от диалектного слова *ельши* – «обрубок ёлки», либо от уменьшительной формы крестильного имени, начинающегося с Ел- (Елисей, Елизар и др.) [83: 162].

Зимин. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1839, 1840, 1859, 1860, 1867, 1875, 1880, 1888, 1891, 1896 и в др. гг. В протоколах партсобраний Бемьжской МТС за 1937 г. также упоминается данная фамилия [110]. Зимины и в настоящее время проживают в Бемьже. Фамилия *Зимин* могла быть образована как отчество от прозвища *Зима* [83] или от личного мужского имени *Зима*, которое было нередким в России еще в XVII в. [49].

Козаков. Фиксируется в метрических книгах и в книгах записи «оглашений о вступлении в брак» в 1836, 1839 (*Козаков*),

1850, 1862 (мастерской Кушвинского завода), 1894, 1911 и в др. гг. С 1943 по 1950 гг. библиотекой в Бемьже заведовала Т. Казакова, эвакуированная из Ленинграда [34: 164]. Обратим внимание на то, что на Бемьшевском заводе служили «казаки» для усмирения бунтующих, с этим словом и могло быть связано происхождение данной фамилии. Б.О. Унбегаун отмечает фамилию Казаков как тюркскую по происхождению [83]

Капачинский. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1834 (дьячок 28-ми лет), 1870, 1881 (крестьянин) гг. Фамилия могла быть видоизменением фамилии *Капачинский*, которую Б.О. Унбегаун определяет как латинскую по происхождению от *sarax* – «способный» [83: 177]. Фамилия Капачинский, таким образом, была произведена искусственным путем и присвоена ее носителю в духовном учебном заведении, где «чаще всего для фамилии выбирались латинские слова, характеризующие нрав или поведение (обычно в оптимистическом плане) их носителей» [83: 176–177].

Колесников. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1839, 1842, 1859, 1864 (Кушвинский завод), 1866, 1869, 1878 (служащий в г. Елабуге солдат), 1881, 1893 (грамотный крестьянин), 1911 и в др. гг. Носители этой фамилии и в настоящее время проживают в Бемьже.

Фамилия *Колесников*, которая упоминается в памятниках русской письменности уже в XVI в. [93: 57], могла быть образована как отчество от прозвища по профессии – *колесник* «колёсный мастер» (*колесня* – мастерская, где изготавливают тележные колеса) или «рабочий, который вертит колесо механизма», либо от шуточного прозвищ – «тот, кто носит очки»; *колесником* называлась нижняя часть водяной мельницы, где вертится мельничное колесо [69] (заметим, что при Бемьшевском заводе была не одна мельница).

Кулаков. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1836, 1842, 1850, 1857, 1870 (Михаил Александрович из Пермской губ. Нижнетуриной волости), 1876, 1888, 1893

(солдатская дочь) гг. Упоминается Кулаков в «Книге памяти» (1941–1945) [105]. А.Ф. Кулаков был в Бемыже секретарем РК ВЛКСМ [34: 117]. Фамилия *Кулаков* могла быть образована как отчество от прозвища *Кулак*. *Кулаками* называли мелких торговцев-перекупщиков или посредников при заключении торговых сделок; а также скупого человека или бойкого и ловкого [19; 69].

Куреннов. Фиксируется в метрических книгах и в книгах записи «оглашений о вступлении в брак» в 1836, 1841 («*Куренного сын*», т.е. отца звали прозываться *Куренной* – по профессии), 1857 (Куреннов), 1859 (**Куренков**), 1866, 1893, 1912 и в др. гг. В настоящее время в Бемыже проживают *Куренковы*. Фамилия *Куреннов* была образована как отчество от прозвища по профессии *Куренной* (сравн. в бемышевских материалах: «куренной надзиратель Смолин»). «Куренными мастерами» называли углежогов, куренщик – «угольщик» [19]. Б.А. Успенский же говорит о том, что формы фамилий на –ой и –ов в XIX в. «могли восприниматься как варианты» (Безухий, Безухов; Долгорукий, Долгоруков) [84: 347].

Кусекеев. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1839, 1843, 1850, 1857, 1859, 1861 (*Кусекеев*), 1867, 1870, 1878, 1888, 1892, 1911 и в др. гг. Носители этой фамилии и в настоящее время проживают в Бемыже. Фамилия *Кусекеев* (варианты Косекеев, Козекеев), по мнению Н.А. Баскакова, может происходить от кыпчакского *kusek* «достигнутое желание», «результат долгого желания» [5: 255].

Лазарев. Фиксируется в метрических книгах в 1836, 1842, 1858, 1865, 1869 гг. В протоколах партсобраний Бемыжской МТС за 1935 г. также упоминается Лазарев [110]. Фамилия *Лазарев* была образована как отчество от календарного имени *Лазарь* (Елеазар) [83].

Лапин. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1833, 1841,

1843, 1859, 1862, 1866, 1874, 1888 (Ксения Лапина 21-го года), 1896, 1911 и в др. гг. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время. Фамилия *Лапин* могла быть образована как отчество от русского нецерковного мужского имени *Лапа* (например, в XIV в. был новгородский воевода Лапа) [49].

Лашенков. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1831, 1842, 1857, 1860, 1865 (Федор), 1869, 1874 (*Лашонков*), 1875 (**Лишонков**), 1888 (Лашонков), 1891 (вдова Татьяна Мефодьевна), 1900 и в др. гг. Фамилия упоминается в «Книге памяти. 1941–1945» [105].

Фамилия *Лашенков*, на наш взгляд, может быть русифицированной формой фамилии *Ляшенко* – от *лях* «поляк». Именно в 1831 г. (первый год фиксации фамилии Лашенков в метрических книгах с. Бемыж) в уездные города Вятской губернии были высланы мятежные поляки (могли быть и в Елабуге), которым дозволялось отлучаться от города на 30 верст. Есть вероятность и отпрозвищного образования данной фамилии, так как прозвище *лях* давали людям, побывавшим в Польше или перенявшим какую-нибудь польскую черту, например, в одежде [49: 67].

Логинов. Фиксируется в метрических книгах трижды – в 1839, 1844 и 1860 (солдат, а также служащий Чистопольского уезда с. Сергиевского) гг. Фамилия *Логинов* была образована как отчество от календарного имени *Логин* (Лонгин, Логвин) [83; 77].

Лоханин. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1836, 1840, 1844, 1857, 1861, 1868, 1875, 1894, 1901, 1911 (собственноручно расписался: *Лоханнинъ*), 1912 (Григорий Ф. Лоханин), 1895 г. рожд.) и в др. гг. В работе А.А. Александрова упоминается крестьянин Ф. **Лопяхин**, обратившийся вместе с другими в ноябре 1846 г. к губернатору с просьбой разобрать их дело [2: 114]; зная бемыжский антропонимикон, можно с уверенностью говорить о том, что здесь речь идет, скорее всего, о *Лоханине*. В протоколах партзаседаний Бемыжской МТС

за 1937 г. также упоминается Лоханин [110]. Люди с такой фамилией проживают в Бемьже и в настоящее время.

Фамилия *Лоханин* могла быть образована как отчество от прозвища диалектного происхождения *Лохань* < *лохань* – «круглая или продолговатая посуда для различных хозяйственных надобностей» [69].

Лошкин. Фиксируется, в частности, в духовных росписях в 1835 г. (дьякон). **Ложкин** упоминается в «Книге памяти. 1941–1945» [105]. Вариант записи с –ш– объясняется тем, что «имя воспринимали только на слух (4/5 населения страны были неграмотны), а по законам русского языка перед глухим согласным нельзя произнести согласного звонкого, то есть сочетание *жск* непроезимо» [49: 202]. Фамилию Ложкины носили многие вятские семьи, посвятившие себя церковной службе [72].

Фамилия *Ложкин* была образована как отчество от прозвища *Ложка*. «По-видимому, большинство переносных прозвищ возникло стихийно под влиянием каких-то случайных ассоциаций, которые нельзя реконструировать. И навсегда останется неясным, почему, например, человека называли Ложка» – пишет Б.О. Унбегаун [83: 146].

Маринин. Фиксируется в метрических книгах дважды – в 1836 и 1840 гг. Фамилия *Маринин* была образована не как отчество, а как «матчество» от календарного женского имени *Марина* [83; 77]. «Фамилий от женских личных имен церковного календаря относительно мало, но они все же образовывались, чему были в свое время разные основания – вдовство женщины, солдатчина, когда женщина оставалась на долгие годы во главе семьи, незаконнорожденность, т.е. безмужние дети, особые заслуги или отличительные особенности отдельных женщин» [76: 45].

Мастеров. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1839, 1842, 1859, 1867, 1874, 1880, 1892, 1911 и в др. гг. А. Мастеров был назван одним из организаторов выступления крестьян в 1846 г. [2: 111]. В протоколах партсобраний Бемьжской МТС за 1956 г. отмечен председатель собрания Мастеров

[110]. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время.

Фамилия *Мастеров* была образована как отчество от профессионального прозвища *Мастер* и относится к группе фамилий от наименований различных должностей и специальностей [83: 101].

Мельников. Фиксируется в метрических книгах только в 1839 г., но упоминается также в «Книге памяти. 1941–1945» [105]. Фамилия *Мельников* была образована как отчество от прозвища по профессии – *Мельник* [76: 41].

Монанов. Фиксируется в метрических книгах в 1839 (*Мононов*), 1851, 1865 (Монанов) гг. В современном Бемыже также проживают Монановы. Фамилия *Монанов* могла быть образована как отчество от неполного календарного имени *Манан* (*Монан*): у Унбегауна, например, приведена цепочка *Мананко* < *Манонко* < *Мануйло* (или Манихей) [83].

Непогодин. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1839, 1841, 1859, 1861, 1865 (кушвинского завода крестьянин), 1869, 1876, 1888, 1897, 1900, 1911 и в др. гг. Упоминается эта фамилия в протоколах партзаседаний Бемыжской МТС за 1938 г. [110]. А.А. Непогодина (1905 г. рожд.) в 1984 г. рассказывала студентам-филологам: «*Раньше ведь от меди много отходов было. Потом барин все лога засыпал. Соку развезли по дорогам. Сока – это шлак. ...У мельницы был утюг, лед раскалывал. Утюг оберегал мельницу. На мельнице пять поставов было. Темперича искусственные мельницы, огнем мелют. ...Живу вот. Восемь человек принесла. Взамуж вышла, их раскулачили. Раскулачили, дак всё забрали, анбары закрыли. Всё хорошее забрали, я и осталась в худой рубахе. Всю стройку увезли. Остались в маленькой избушке, головой потолок достигаешь. Так вот в разбитом корыте и живу» [108]. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время.*

Фамилия *Непогодин* могла быть связана своим происхождением с диалектным *непогодь* «плохая погода» [4: 102].

В.А. Суперанская, объясняя происхождение фамилии *Погодин* от *погода*, отмечает связь именования ребенка с состоянием погоды в день его появления на свет [76: 99]. Б.О. Унбегаун писал: «Охранительные имена, естественно, несут в себе отрицание, и, соответственно, доля «отрицательных» фамилий, производных от них, довольно велика» (*Некрасов, Неудачин* и др.) [83: 165].

Пономарев. Фиксируется в метрических книгах и в духовных росписях в 1834 (пономарь 28-ми лет), 1840 (дьячок) и в др. гг. Упоминается эта фамилия в протоколах партзаседаний Бемыжской МТС за 1938 г. [110]. Фамилия *Пономарев* была образована как профессиональная – от названия должности отца *пономарь* «церковный служитель» [83].

Секерин. В метрических книгах и в книгах записи оглашений о вступлении в брак фамилия фиксируется в 1839, 1840 (*Секирин* и Секерин), 1845, 1850, 1856, 1859, 1860 (Александр и Григорий Алексеевичи), 1888, 1890 (родилась Дарья у Алексея Александровича), 1891 (родился Николай у Григория Александровича), 1898, 1900 («*крестьянин Александръ Алексеевъ Секеринъ росписался*»), 1911 (Николай Иванович 21-го года), 1912 (Николай Григорьевич, 1891 г. рожд.) и в др. гг. Секериных в истории Бемыжа было много, и многочисленные отчества, фиксируемые в метрических книгах, свидетельствуют о наличии нескольких родов. Только во второй половине XIX в. среди Секериных были: Андреевичи (Петр, Алексей, Сигмалитикея), Ивановичи (Дмитрий, Иван), Филипповичи (Осип, Илья), Николаевичи (Евдокия, Варвара), Алексеевичи (Александр, Григорий), Александровичи (Алексей, Григорий, Парасковья), Григорьевичи (Дарья).

Кроме того, существовала *уличная фамилия «Секерины»* у семьи Алексея Николаевича Акимова (1886–1964), восходившая к материнской ветви: отец А.Н. Акимова (Николай) был женат на крестьянке Татьяне Григорьевне Секериной (1849 г. рожд.). Он и его братья после отмены крепостной зависимости приехали на заработки в Бемыж из Менделеевска, здесь женились, и в селе появилось несколько семей Акимовых – возникла необходимость как-то различать их. Одного из сыновей, же-

нившегося на дочери из старого бемьжского рода Секериных, стали прозывать «Секериным», а вслед за ним – и его детей и внуков (в метрических книгах имеется немало фактов записи одного и того же лица то как «*Бемьшевского завода крестьянина Николая Павлова Акимова*» (1875, кн. 45), то как «*Николая Павлова Секерина*»). Исследователи не раз отмечали, что неофициальная (уличная) фамилия чаще всего дается именно как название по отношению к лицу – родственнику, в частности – по жене [81: 314].

Приведем еще некоторые записи из метрических книг: «крестьянин Александр Секерин и Анастасия 23 января родили Иоанна» (1856), вступили в брак «Бемьшевского завода крестьянин Николай Павлов Акимов, православный, первым браком, лета жениха – 19, того же завода крестьянка Татиана Григориева Секерина, православная, первым браком, лета невесты – 17» (15 мая 1866 г.).

Люди с такой фамилией проживают в Бемьже и в настоящее время. Например, А.В. Секерина имеет большой стаж работы в Бемьжской средней школе [34: 117].

Фамилия *Секерин* была образована как отчество от прозвища по названию «лесосечного топора» (сев.- вост. русский диалект) – *секира* (от общеславянского глагола *сечь*). В метрических книгах Свято-Троицкой церкви с. Бемьж есть вариант записи этой фамилии через «и»: *Секирин* (1840). Отметим также, что патроним *Секирин* фиксируется в русских памятниках в XVI в. [93: 117], был белозерский помещик П. Секирин, а в Приуралье фамилия отмечена уже в перв. четв. XVII в.: «житель Соли Камской Михалко Андреев сын Секерин, 1623» [60]. Можно предположить, что в Бемьже эта фамилия появилась вместе с первыми переселенцами – крепостными крестьянами.

Тюнин. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1836, 1840, 1859, 1860, 1866 (Неонила Федоровна Тюнина 33-х лет; крестьянин Кушвинского завода), 1870, 1888, 1896, 1911 и в др. гг. Люди с такой фамилией проживают в Бемьже и в настоящее время.

Можно предположить нерусское происхождение этой фамилии: в частности, в книге «История Удмуртии» [30: 78] упо-

минается «бесермянин Тюнин». Однако нельзя исключать и возможность производности фамилии как отчества от русского прозвища *Тюня* – «туняедец, лентяй» [49: 142]. Унбегаун приводит фамилию *Тюнькин* как образованную от слова со значением «остолоп» [83: 120], хотя, как сам же пишет далее, фамилии на –*нин* не образуют четких групп и происхождение многих из них неясно [83: 127].

Усачёв. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1839, 1841, 1845, 1850, 1857, 1865, 1867 (Кушвинский завод), 1870, 1874, 1891, 1894, 1911 и в др. гг. В протоколах партсобраний Бемьжской МТС за 1956 г. упоминается тракторист А.М. Усачев [110]. Люди с такой фамилией проживают в Бемьже и в настоящее время.

Фамилия *Усачев* была образована как отчество от прозвища *Усач*; фамилии на –*ачёв* производны от прозвищ на –*ач*, образующихся от основ существительных, прилагательных и глаголов [83: 129].

Чернов. Фиксируется в метрических книгах и в книгах записи оглашений о вступлении в брак в 1833, 1836, 1839, 1842 (Иван Егорович), 1843 (Петр Егорович), 1844 (крестьянин Михаил Алексеевич), 1846 (крестьянин Н. Чернов был автором одного из воззваний), 1857, 1874, 1880, 1887 (Михаил Николаевич), 1888 (Василий Семенович, Георгий Васильевич, Николай Петрович, Яков Филиппович, Иван Васильевич, Михаил Николаевич, Дмитрий Петрович, Евдокия Ипполитовна 23-х лет, неграмотная), 1891 (Василий Семенович 27-ми лет), 1892 (Яков и Василий Семеновичи), 1893 (Николай Петрович и его дочь Наталья), 1894 (Бемьшевского завода рядовой Николай Николаевич Чернов женился на Галеевой), 1897 (Иван Самсонович), 1911 (дочь умершего крестьянина Ивана Васильевича Чернова – Мария; дочь Осипа Семеновича Чернова – Евдокия 1888 г. рожд.). Таким образом, Черновых в Бемьже было много.

Вспомним также елабужского купца первой гильдии Федора Григорьевича Чернова, на средства которого в Елабуге в 1832 г. была построена кладбищенская церковь во имя пресвя-

той Троицы и двухэтажный каменный дом для священника. В 1858 г. в Елабуге на его же средства был построен Александринский детский приют. Были ли елабужские Черновы связаны родственными узами с Черновыми бемыжскими – нам неизвестно, хотя отметим, что в те времена разорившийся купец автоматически переходил в мещанство [46: 121], и наоборот. Важную роль в формировании купеческого сословия в Вятской губернии играли зажиточные крестьяне разных категорий, так, в состав малмыжского купечества входили бывшие крестьяне [74: 139].

Обратим внимание и на следующий факт: в 1940-х гг. библиотека в Бемыже размещалась «в двухэтажном доме раскулаченного И.В. Чернова», там же были типография и редакция газеты «Колхозное знамя» [34: 164]. Отсюда следует, что в Бемыже до 1917 г. жила зажиточная семья Черновых (купцов?), имевших двухэтажный дом. В первой половине XX в. редактором бемыжской газеты был Валентин Михайлович Чернов (его отец – Михаил Константинович, мать – Анна Васильевна Зыбина). В настоящее время носители этой фамилии также проживают в Бемыже.

Фамилия *Чернов* была образована как отчество от нецерковного мужского имени *Черной*, которое могло быть связано со смуглым цветом кожи, черными волосами, темной одеждой, но могло означать и «злой», «плохой» или «тот, который платит подати, выполняет повинности» [49].

Чичканов. Фиксируется и в форме **Чучканов** в метрических книгах и в книгах записи оглашений о вступлении в брак в 1833, 1840, 1850, 1859, как *Чичканов* – в 1860, 1861 (крестьянин Кушвинского завода), 1867, 1869, 1897 и в др. гг.; в 1902 Наталья Михайловна Чичканова из Кушвы, 23-х лет, вышла замуж за бемыжского крестьянина. Отмечена эта фамилия в «Книге памяти. 1941–1945» [105]. В 1984 г. Чичканова (1913 г. рожд.) рассказывала студентам-филологам о своей жизни. Связь данной фамилии с Кушвинским заводом, а также факт существования в настоящее время носителей данной фамилии в Верхотурском районе (например, В.П. Чичканов, 1937 г. рожд., генеральный директор) может свидетельствовать о том, что семья бемы-

шевских крестьян Чичкановых была в числе высланных на Урал в середине XIX века.

Фамилия *Чичканов*, судя по ее структуре, могла быть образована как отчество от прозвища *Чичкан* – возможно от *чичкануть* (сравн. у Даля: чкать, чкнуть – «ударить, бить» [19]).

Чуманов (Шуманов). Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1830, 1839, 1840 (умер Чуманов 75-ти лет), 1842, 1857, 1858 (уволенный по билету Бемышевского завода солдат А.Я. Чуманов), 1861 (Шуманов), 1869, 1874, 1880, 1888, 1897, 1901, 1911 и в др. гг. Носители фамилии Чуманов проживают в Бемьже и в настоящее время.

Фамилия *Чуманов* могла быть образована как отчество от прозвища *Чуман*. Словом *чуман* (каз., симб.) назывался желобчатый луб, на котором катались с горки или возили снег со двора. У В.И. Даля: *чуман* – «берестяной кузов, лукошко, в котором держат мелочи; он служит и черпаком для воды», отмечает он также использование этого предмета для катания с горы [19]. Д.Н. Мамин-Сибиряк в очерке «Зеленые горы», рассказывая о пермском дьячке из Верхотурского уезда, поясняет существительное *чуман* следующим образом: «Он ободрал лоскут берёсты с молодой березки, вырезал из него круг, сложил один край и защебил его в расщепленную березовую палочку. Получился *так называемый «чуман»*, то есть берестяной ковшик. Пить из него было, конечно, удобнее, чем черпать ее горстями» [44: 116].

Шахтыров. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи «оглашений о вступлении в брак» и в брачных обысках в 1836, 1839, 1840, 1850, 1857, 1862, 1867, 1870, 1878, 1888, 1891, 1911 и в др. гг. Евдокия Егоровна Шахтырова (1903 г. рожд., фамилия – по мужу) в 1984 г. рассказывала студентам-филологам и проф. Б.И.Осипову о своей нелегкой судьбе: *«Здесь родилась и замуж вышла здесь же. В том конце родилась, а сюда вышла замуж. Прожили с мужиком пятнадцать лет. Потом он умер, осталась я одна. Заболел и умер. Жила одна. Шесть детей было у меня, дедушка с бабушкой были, свёкор*

со свекровкой значит. Потом всех детей воспитывала вот. Дояркой работала, телятницей работала. Доили руками, косили руками. Воду возили тоже сами. Греем ее, эту воду, котел большой стоял, семь в него бочек входило. Накачаешь котел, таскаешь воду, коровам в кормушки подливаешь в колоду. Раньше ведь не корыта – колоды были, деревянные. Ямы чистили сами. Силос, под силос-то силосные ямы. В огороды посылали вот. Чего-то не росла у нас кукуруза-то, подкормку не делали, что ли. Целой день были на ферме, это когда уж в обед домой придешь, а так целый день там. Косить же гоняли нас в поле, гречу вот эту. Гречуха-то ведь есть греча. Вот эту самую гречу-то косили ходили. Нам не давали сидеть, как сейчас это. Мы бегали, лишались ног. А жрать нечего было: вот кисленки нарубишь, ее смелешь, стряпаешь стряпеньки, сейчас сказать – булочки, она рассыпится. Они ведь распадаются, мучки-то ведь нет, одна кисленка. У нас до войны-то не было колхозу-то. Не все ведь в колхоз шли. Мы-то с мужиком желали в колхоз идти, а старики нас не пускали. Не заходили мы в колхоз, вот, дедушка не пускал. А идти надо все равно в колхоз, как хочешь. Лошадь отобрали у нас, корову отобрали. Всё. А его, дедушку, за лог садили, водили в тюрьму. В колхоз зашла, поступила вот телятницей. А стала получать, стала жить по-человечески. Не стала уж этот суррогат есть. В колхозе-то нас шесть доярок было. Скот помирал. Хлеба не было. Соломы, так уж соломы только даешь» [108].

Выпускником Бемыжской средней школы был В.Г. Шахтыров – ведущий научный сотрудник Дальневосточного отделения РАН (Магадан). В настоящее время носители этой фамилии также живут в Бемыже.

Фамилия *Шахтыров* могла быть связана своим происхождением со словом *шахта*, поскольку в старом Бемыже действительно существовали рудокопные шахты [2: 103]. Отметим также и то, что форма «шахтыр» (как пренебрежительное название шахтёра) фиксируется в некоторых местах России и в настоящее время.

Итак, в четвертом десятилетии XIX в. в бемышевский антропонимикон вошло 35 новых фамилий, среди носителей кото-

рых – крестьяне и 3 служителя церкви (*Капачинский, Лошкин, Пономарев*). Данный набор фамилий коренным образом отличается от предыдущих, так как в нем всего 4 фамилии мотивированы календарными мужскими именами (*Демин < Дема < Дементий, Лазарев < Лазарь, Логинов < Логин, Монанов* – предположительно от *Монан < Мануйло*). Остальные фамилии – отпрозвищного происхождения (*Башкин, Бодрин, Бускин, Гуцин, Лоханин, Усачев, Чичканов, Чуманов* и др.), от старых нецерковных имен (*Зимин, Лапин, Чернов* и др.), семинарского происхождения (*Капачинский, Пономарев* и др.), связанные с названием профессиональной деятельности (*Колесников, Куреннов, Мастеров, Шахтыров* и др.), одна фамилия образована от женского имени (*Маринин*), ряд фамилий связан с инокультурными явлениями (*Кусекеев, Бернатов, Галеев, Башикиров, Лашенков*).

Три отражают заводские профессии и должности – *Мастеров* (мастер), *Куреннов* (куренной мастер), *Колесников* (колесник – колёсный мастер). Первоначально соответствующие прилагательные указывали на принадлежность лица: *мастеров – сын мастера, куреннов – сын куренного* (мастера), *колесников – сын колесника*.

Отметим фамилии, устойчиво употреблявшиеся на протяжении всей истории Бемыжа, начиная с 1830-х гг. до конца XX в., либо до настоящего времени: *Башкин, Башикиров, Бернатов, Бодрин, Бускин, Галеев, Демин, Елышев, Зимин, Казаков, Колесников, Кулаков, Кусекеев, Лапин, Лашенков, Лоханин, Лошкин (Ложкин), Непогодин, Секерин, Тюнин, Усачев, Чернов, Чичканов, Чуманов, Шахтыров*. Некоторые фамилии этого периода рано вышли из бемышевского антропонимикона: в 1836 г. была отмечена последняя фиксация фамилии *Мельников* (появляется позднее, в частности, в списках в 1945 г.), в 1840-х гг. уходят со страниц документов *Гуцин* и *Маринин*, в 1860-х – *Монанов*, в 1869 – *Лазарев* (позднее эта фамилия снова появляется в документах Бемыжской МТС в 1935 г.), в 1881 г. было еще упоминание фамилии *Капачинский*.

С точки зрения структурных типов соотношение фамилий, впервые появившихся в 1830–39 гг., таково: 21 фамилия на *-ов (-ев)*, 13 фамилий на *-ин* и одна на *-ский* (*Капачинский*). Обратим внимание на то, что заметно выросло число

фамилий, оканчивающихся на –ин, по сравнению с предыдущими годами, и это не случайно. Т.А. Исаева, сопоставляя разные морфемные типы фамилий, отмечала, что в «тип –ин» преобладает в так называемых **уличных** фамилиях в связи с тем, что «неофициальные фамилии чаще образуются не от официальной формы имени, а от полуимени, бытовых, диалектных и иных стилистически окрашенных производных форм, среди которых преобладают формы на –а (-я), порождающие морфемный тип –ин» [28: 157].

Уличные (деревенские) фамилии «у русских крестьян существовали очень давно. Именно они попадали в переписные листы, когда требовалось записать всех жителей «по именам с отцы и прозвищи» [76: 43]. Необходимость в уличных фамилиях диктовалась общественно-бытовыми условиями старой деревни: семьи разрастались, делились, сыновья с их семьями выделялись в отдельные хозяйственные ячейки, отселялись; поэтому были нужны добавочные именованья [76: 42–43]. Уличные фамилии выполняют дифференцирующую функцию – их разнообразие в значительной мере «компенсирует равномерность функций официальных» [84: 360]. В.А. Никонов пишет о том, что «в русской деревне «уличные» фамилии были настолько употребительнее паспортных (которых никто не знал), что даже казенные документы конца XIX в. вынуждены были использовать их – иначе немислимо бывало разобраться, о ком идет речь» [47: 23]. Если крестьянин уходил в отхожий промысел (так в старину назывались работы, выполняемые вне своей деревни), например со своей лошадью и телегой или санями работать в обозе, то в справке, которую он получал от писаря, записывалась одна из его уличных фамилий [76: 43].

Так, в Бемыже фамилия *Секерин* использовалась и как официальная (у семьи Секериных), и как уличная (вторая) – у одного из братьев Акимовых, приехавших сюда на заработки из Менделеевска в 1860-х гг. В настоящее время уличные, или неофициальные, фамилии – это «вторые, бытовые фамилии, существующие параллельно с официальными, но не закрепленные в документах (метриках, паспорте). Они широко распространены в сельской местности, особенно в тех населенных пунктах, где много однофамильцев, и выступают в своей основной оно-

мастической функции – дифференцируют носителей одинаковых фамилий» [28: 155].

В 1830–39-х гг. продолжают функционировать также еще фамилии со времен XVIII в. (например, Николай *Алексеев* 31-го года, отданный в военную службу; дворовый человек Даниил *Андреев*; военный завода Федор *Васильев* 54-х лет; вдова Екатерина *Иванова* 48-ми лет), фамилии от 1810-х и 1820-х гг. (например, в 1832 г. Михайло *Леонтьев* и с ним вся его семья были у духовника; вдова 58-ми лет из дворовых Феврония *Кусмина*; пономарь *Мышкин*; священник Петр Иванович *Шабалин*).

Фамилии, появившиеся в 1830-х гг., как и другие, имеют широкое варьирование на письме; приведем эти варианты за все годы известной нам фиксации: *Бускин / Бускин* (1890), *Казаков / Козаков, Куреннов / Куренков* (1859), *Кусекеев / Кусикеев* (1861), *Лашенков / Лашонков* (1874) / *Лишонков* (1875) / *Лашонков* (1881), *Лоханин / Лоханнин* (1911), *Лошкин / Ложкин, Монанов / Мононов* (1839), *Чичканов* (1860) / *Чучканов* (1833), *Чуманов / Шуманов* (1861).

В предыдущем разделе мы уже отмечали группу отпрозвищных именовании среди фамилий, известных по памятникам 1820–29-х гг., среди которых выделялись фамилии, возникшие на базе общерусских нейтральных слов, от названий людей по профессии, роду занятий, фамилии, возникшие от прозвищ, называвших различные качества человека. В 1830-х гг. фамилий такого типа становится больше, и среди них имеется несколько таких, которые своей основой указывают на какую-либо профессию или род занятий (выше мы отметили их среди профессиональных): *Колесников* (колесник – колёсный мастер), *Куреннов* (куренной мастер), *Мастеров* (мастер), *Мельников* (мельник), *Казаков* (казак – военный на заводе), возможно – и *Секе-рин* (секира – лесосечный топор). Вполне вероятно, что многие из этих фамилий родились на самом Бемышевском заводе, так как там работали мастера разной квалификации, были мельницы («пильная» и мукомольная), были казаки, охранявшие порядок на заводе. Поскольку данные фамилии фиксируются впервые именно в это время, можно предположить, что связаны они непосредственно с бытовым именованием отца или деда по профессии.

Особенно интересна история фамилии *Куренной*, которая к нашему времени постепенно приобрела суффиксальную форму *Куренков*. Вот показательные записи из метрических книг: «*Куренного сын*» (1841), «*Куреннов*» (1857), «*Куренков*» (1859) и т.д. «Куренными мастерами» называли углежогов, которые выполняли куренные работы (*куръ* – «дым, чад», *курной* – «дымный», *курень* – место, где складывалась куча поленьев, или «кабан», для выжигания угля). Труд уральских углежогов был особенно тяжел, изнурителен и вреден.

В.А. Никонов говорит о том, что многие фамилии напоминают об исчезнувших профессиях, «некоторые профессии исчезли бесследно и их названия остались неизвестными..., однако их можно найти в сокровищнице фамилий, надо только уметь их прочесть» [49: 199]. Б.О. Унбегаун писал о том, что фамилии, образованные от названий профессий, свидетельствуют о разнообразии и глубокой специализации ремесел в старой России, являются ценным источником информации по истории языка и культуры [83: 92].

Фамилия *Секирин* (*Секирин*) также, на наш взгляд, может быть отнесена к этому типу, поскольку в ее основе сохранено название орудия труда – *секира* «лесосечный топор» [о носителях данной фамилии в Бемьже см. также: 98: 25]. Структура фамилий *Колесников* и *Мельников* прямо указывает на их происхождение от названий профессий, поскольку «патронимические фамилии на –*ников* образуются от названий профессий на –*ник*» [83: 92], в данном случае – *колесник*, *мельник*. Фамилия *Мастеров* входит в подгруппу фамилий, «образованных от наименований различных должностей и специальностей» [83: 101]. Отнесем сюда также и «говорящую» фамилию бемьшевского пономаря *Пономарева*, которому в 1834 г. было 28 лет.

Некоторые современные исследователи вполне обоснованно, на наш взгляд, исключают профессиональные именованные из разряда прозвищ на том основании, что если прозвище – это «сугубо индивидуальный идентификатор», то профессиональное наименование «могло относиться к двум и более индивидам, объединенных родом занятий» [27: 7].

Немало среди отпрозвищных именованных, появляющихся в записях этого времени, антропонимов, в основе которых со-

держится какое-либо нарицательное слово, причем нередко **диалектного происхождения**: по части тела – *Башкин (башка)*, *Кулаков (кулак – переносно)*, по внешнему признаку – *Усачев (усач)*, по особенностям поведения – *Бодрин (бодр)*, по предмету быта – *Бускин (буска)*, *Лоханин (лохань)*, *Лошкин (ложка)*, по еде – *Гуцин (гуща)*. В формах современных фамилий часто сохраняются очень старые слова, областные, диалектные, или просто устаревшие, давно вышедшие из состава нашего языка, в таком случае для изучения происхождения таких фамилий необходимо привлечение данных исторических и диалектных словарей. «Однако в составе современных русских фамилий могут быть выделены и слова, не зафиксированные ни в одном из областных словарей» и об их значениях мы можем догадываться лишь из сопоставления с другими словами [76: 53]. Кроме того, «можно назвать немало слов, которые имеют в литературном русском языке одно значение, а в его диалектах – совсем другое» [76: 55]. Этот вывод можно отнести, в частности, к фамилиям *Бускин* и *Кулаков*.

«**Переносные прозвища**», по мнению Б.О. Унбегауна, возникали стихийно под влиянием каких-то случайных ассоциаций, которые нельзя реконструировать [83: 146], в Бемыже это фамилии *Гуцин*, *Лоханин* и некот. др. У Н.В. Подольской подобные антропонимы называются «метафорическими именами» [58: 84]. Явно от прозвища, то есть именованья человека по его признаку (характеристика внешности, поведения), образовались фамилии *Усачев*, *Бодрин*. При этом не может быть однозначно проинтерпретирована оценочная составляющая.

В четвертом десятилетии XIX в. в составе бемышевских фамилий появляется ряд антропонимов неясного образования, таких, которые сложно интерпретировать с точки зрения их происхождения. Это, например, фамилии *Тюнин* и *Чичканов*.

Фамилия *Маринин*, появляющаяся в бемышевском антропонимиконе в этот период, – матронимическая по своему происхождению, она указывает на предка женского пола [47: 198]. **Матроним** – дериват от имени матери: прозвище, прозвание, «отчество» от имени матери, фамилия от прозвища матери [58: 83]. Матроним мог появиться как отличительное именование ребенка вдовы, солдатки или незаконнорожденного и пе-

рейти к следующему поколению уже в качестве фамилии (сначала – уличной). Незаконнорожденный ребенок по старинному обычаю мог получить фамилию, производную от крестильного имени или прозвища матери. «Этим объясняется редкость матронимических основ во всех типах русских фамилий» [83: 181].

К фамилиям с иноязычными основами относятся, прежде всего, *Бернатов, Галеев, Кусекеев, Лашенков*. Немало русских фамилий было образовано **от тюркских личных имен**, поскольку русское население тесно общалось с тюркоязычными народами не только во время татаро-монгольского нашествия, но и после него. «Поволжье и Приуралье составляют сложную по этническому составу историко-этнографическую область» [52: 4]. В Среднем Прикамье русские были связаны с татарами, башкирами, что привело к проникновению в русские фамилии тюркских основ – как имен, так и прозвищ [60]. В целом же, как пишет Унбегаун, «множество русских фамилий образовано от иноязычных имен и слов. Такие фамилии, будучи оформленными соответствующими суффиксами, с формальной точки зрения становятся полностью русифицированными» [83: 32].

Впервые в это время в бемышевских памятниках письменности фиксируется фамилия, в основе которой находится этноним (*башкир*), – это фамилия *Башкиров*. **Этноним** – название какого-либо этноса (этнической группы, народа, национальности). Поскольку на Бемышевский завод еще в XVIII в. были присланы этнические башкиры из Уфимской губернии, есть основания полагать, что данная фамилия была мотивирована прямым именованием заводского крестьянина по его этнической принадлежности, а не метафорическим прозвищем (к слову сказать, в семье Башкировых, проживавших в селе Бемыж в середине XX в., все были черноволосыми). И всё же вспомним слова В.А. Никонова, который предупреждал исследователей от «наивного» понимания этнонимов, отраженных в фамилиях, как «доказательства этнического происхождения предков» [47: 192]. Он писал: «Именование по месту происхождения или прежнего жительства у нас не всегда отделимы от именовании по этническому признаку. Кто был тот дальний предок, на которого указывают фамилии Пермяков, Литвинов? Литвин мог быть литовцем, а чаще – переселенцем из Литовского государ-

ства, то есть вероятней всего, белорусом или русским со Смоленщины. Но объединение этих групп в одну оправдано и по существу: для называющих был существенным только признак «не свой», а различие территориального признака и этнического мало интересовало» [47: 191–192].

Далее рассмотрим фамилии, впервые упоминаемые в документах с середины XIX в. (1840–49-х гг.).

Айдашев. Фиксируется в метрических книгах в 1840, 1850, 1858, 1880, 1897 (Бемьшевского завода солдат) гг. В протоколах партсобраний Бемьжской МТС за 1956 г. упоминается фамилия **Ардашев** – возможно, более поздний вариант этой фамилии [110]. Фамилия *Айдашев*, скорее всего, тюркского происхождения. Б.О. Унбегаун рассматривает вариант *Адашев* < *Адаш* < *Адам* [83: 66]; Адаш – из тюркс. *adas* < *atdas* «тезка» [5: 30].

Бабаев. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1844, 1845, 1857, 1860, 1869, 1875, 1893, 1911 и в др. гг. В исторических документах упоминается также бемьшевский крестьянин Л. **Бабьев**, в 1845 г. посаженный в Елабужскую тюрьму во время крестьянских волнений. Это, возможно тот же Бабаев (фамилия Бабьев в церковных книгах нам не встретилась). Фиксируется фамилия Бабаев в Бемьже и в «Книге памяти» (1941–1945 гг.) [105].

Фамилия *Бабаев* была образована как отчество от тюркского (тат., башк.) *Бабай* – «старик, дед» [49] или «отец» [76: 161].

Барзымов. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1840, 1857, 1859, 1864, 1881, 1888, 1893 (старший унтер-офицер 25-ти лет), 1898, 1912 и в др. гг. Фамилия может быть связана (как производное или как производящее) с названием деревни (починка) *Барзымово*, которая входила состав Старокармыжского сельского поселения. В начале своего освоения починки обычно носили полное имя основателя, а позднее от самого названия селения могли возникать новые фамилии.

Белов. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1840, 1858, 1860, 1866, 1871, 1888, 1894, 1911 и в др. гг. Упомянут носитель этой фамилия и в «Книге памяти» (1941–1945 гг.) [110]. Фамилия *Белов* была образована как отчество от прозвища *Белый*, мотивированного прилагательным *белый* [83; 76: 117]. Б.О. Унбегаун говорит о том, что «бессуффиксальные прилагательные редки в русском языке, так же как и фамилии, производные от них» (Белов, Кривов, Рыжов, Чернов и др.) [83: 141].

Бонькин. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1842 (*Бонкин*), 1845, 1857, 1859, 1869, 1883 (крестьянин Кирилл Андреевич), 1896, 1901, 1911 (у Василия Бонькина не состоялся брак с Червяковой) и в др. гг. В 1849 г. И. Бонькин в числе других крестьян Бемышевского завода был арестован и заключен в тюрьму в Елабуге [2: 116]. В 1861 г. Т. Бонькин от имени всех крестьян писал прошение мировому посреднику в связи с тем, что сроки оформления грамоты о раскрепощении умышленно затягиваются [2: 118]. Носители данной фамилии проживают в Бемыже и в настоящее время.

Фамилия *Бонькин* могла быть образована, на наш взгляд, как отчество от *Боня*, *Бонька* – сокращения личного имени *Бонифаций* или же от ласкательного именования ребенка, нередко в семейной речи («Ты мой боня!»). Возможна также связь с диалектным глаголом *бонкать* – «бить в колокол», записанным в Бемыже: «Колокола бонкнули пожар» (Трусова А.А., 1920 г. рожд.) [106].

Ботохин. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1842, 1850, 1857, 1859, 1861, 1867, 1878, 1880, 1887 (Никита Гаврилович *Ботохин*), 1891, 1901 (крестьянская девица Ботохина расписалась сама за себя очень крупными буквами), 1911 (Иван 26-ти лет) и в др. гг. Проживают Ботохины в Бемыже и в настоящее время.

Фамилия *Ботохин* могла быть образована как отчество от прозвища на –оха (Ботоха), хотя Б.О. Унбегаун говорит о том,

что «вопрос о происхождении фамилий на –хин не всегда ясен» [83: 129]. Он же приводит ряд таких фамилий, образованных от уменьшительных форм (Самохин < Самоха < Самойло, Ермохин < Ермоха < Ермолай) [83: 70], сравним также у В.А. Никонова: Анохин < Аноха < Анофрей (Анофрий) [47: 188]. Таким образом, мы также можем предположить наличие подобной цепочки в случае с фамилией Ботохин: *Ботохин* < *Ботоха* < какое-либо полное имя с начальным Бо- или Ба-. Хотя вполне возможна и отпрозвищная модель образования данной фамилии, так как в русских диалектах зафиксированы следующие созвучные слова: *ботя* – шутовское прозвище полного, тучного, а также добродушного человека; *бота* – лодка с высоким носом; *ботать* – выдалбливать *бот* (лодку из дерева), а также «говорить неразборчиво»; *ботаха* – деревянный стакан на конце бота, ударом которого по воде пугают рыбу [69].

Бусыгин. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1845 (Бусыгин), 1858 (*Бусагин*), 1865 (Бусагин), 1889 (Бусыгин), 1891 (Бусагин) и в др. гг. Отметим также елабужских купцов (1870) – В.В. Бусыгина, имевшего пряничный завод, и А.Д. Бусыгина, торговавшего железом [30: 341; 41: 319]. Бемыжский житель Бусыгин фиксируется в «Книге памяти» (1941–1945) [105]. В протоколах партсобраний Бемыжской МТС за 1956 г. отмечены выступления Г.А. Бусыгина [110]. В.Ф. Бусыгин в 1961–1965 гг. был директором Бемыжской школы [34: 117].

Фамилия *Бусыгин* могла быть образована как отчество от древнерусского имени или прозвища *Бусыга* < *бусый* «темносерый» [77], *бусыга* – «хвостун» [83: 123] или «пьяница» (от *бусать* – «пить»). В последнем значении это слово использовалось в речи ремесленников-отходников. «Огромно количество фамилий, происшедших от диалектных слов», – пишет В.А. Никонов [49: 201].

Бычков. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1843, 1845, 1857, 1859, 1860, 1865, 1868, 1880, 1893, 1900 и в др. гг. В протоколах Бемыжской МТС за 1935 г. упоминается **Быков** [110]. Фамилия *Бычков* могла быть образована как отчество от прозвища *Бычок* или, как пишет А.В. Суперан-

ская, от древнерусского имени *Бык*, которое имело в семейном обиходе формы *Бычок*, *Бычко* [76: 50].

Вдовин. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1840, 1854, 1857, 1859, 1862, 1866 (крестьянин Кушвинского завода), 1878, 1888, 1890 и 1892 (**Удовин**), 1893, 1900, 1911 (солдат Василий Вдовин 29-ти лет) и в др. гг. В протоколах партсобраний Бемыжской МТС за 1935, 1937 гг. также упоминается эта фамилия [110]. Носители данной фамилии проживают в Бемыже и в настоящее время. В 1984 г. И.П.Вдовин (1908 г. рожд.) и А.А.Вдовина (1908 г.рожд.) рассказывали студентам-филологам о прошлой жизни в Бемыже:

«Повидали много, дак чё толку-то. Возились в сельском хозяйстве. Земли имели под гектар, мало. Приходилось прикупать землю-то, сеять в деревнях. В семнадцатом году – революция. На душу землю делили, сколь едоков, по едокам делили. В девятнадцатом году Колчак пришел, подводы забрал, и лошадь забрал, и уехать не сумели. Лошадь оставил и домой пришел. Пришлось пахать людям. Пахал родне и себе до октября месяца. А в октябре купили лошадь-то уж свою. В двадцать втором взяли в армию. С двадцать четвертого года по борьбе с басмачеством отправили нас. Демобилизовали домой, банду разбили. Потом колхоз образовался, в тридцатом-то году. Я в колхозе уж был. В тридцатом году конюхом был, потом шорником был, сбрую чинил, хомуты, седёлки налаживал. Перевели заведующим свиноводческой фермой. Свиной ликвидировали, продали в другой колхоз. После бригады-то уж заместителем председателя колхоза тоже три года был. Потом меня перевели на склад, на складе проработал восемь лет. Потом пришла машина Остри, заставили сортировать зерно. Сейчас уж лежит на складе, на свалке. Хороша была, хорошо очищала. В сорок первом взяли в армию, тридцатого августа взяли. Пробыл до сорок шестого году. На Калининском фронте был. В сорок втором году ранило, ногу перебило, обе кости. И попали в окружение. Вот и в плен попал, не сумели меня вывести. Девятого меня ранило, а восемнадцатого в лесу валялся раненым девять суток. Думал – червяки съедят. Потом женщины тро-

феи собирали и вытаскивали меня в деревню. Из Германии уж нас освободили Франция, англичане» [108];

«Под лапти портянки обвернешь, ходишь. Сарафан в семь точек был, вот это точка (показывает ширину полотенца), а их семь. Широкие были сарафаны. На голове сетки носили, чёхлы. Кисейка была, тут кисейкой обошьют. Нынче обтягают задницу, а раньше широко шили. Ткали холст разноцветный, «пестрый холст» назывался. Носили нижнюю рубаху, на ее кофта, нижняя юбка, а там уж сарафан. Если в чем в церкву ходили, то гулять не надевали, чтобы неморана была одёжа, чистая. В церкву идешь после бани. В масленицу у нас на конях катаются. А тогда у всех лошади были. Один год на масленицу десять свадеб было. Молодушки в кошовках катаются. Кошовка – она состроена ящиком, а сзади покрашена. Ужась, как весело было.» [108].

Фамилия *Вдовин* могла быть образована как матроним от *Вдовин сын*, то есть «ребенок вдовы» [83; 76: 105].

Векшин. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1840 (75-летний крестьянин), 1857, 1860, 1866, 1868, 1880, 1894, 1896, 1911 и в др. гг. В ноябре 1846 г. И. Векшин и другие крестьяне Бемьшевского завода обратились к вятскому гражданскому губернатору с просьбой заставить заводчика снабжать хлебом детей и стариков [2: 114]. Носители данной фамилии проживают в Бемьже и в настоящее время.

Фамилия *Векшин* могла быть образована как отчество от прозвища *Векша* – «белка» [83], хотя отметим еще одно, техническое, значение слова *векша* – «механическое приспособление, блок» («векша подъемная»), которое, в связи с ведением рудокопных дел на Бемьшевском заводе, могло использоваться в речи бемьшевских крестьян, в том числе как прозвище человека.

Волков. Фиксируется в метрических книгах в 1844, 1850, 1857, 1864 (крестьянин Кушвинского завода), 1890 и в др. гг. Проживают носители данной фамилии в Бемьже и в настоящее время.

Фамилия *Волков* была образована как отчество от прозвища *Волк* или от некалендарного имени, *данного* при рождении как охранное, чтобы ребенок не погиб при встрече с этим животным [76: 32], как «пожелательное», чтобы человек рос здоровым и сильным [51: 65]. В.А. Никонов пишет о фамилиях подобного рода: «*Зайцев* не от слова *заяц*, между ними целая цепочка звеньев. Первоначальное значение фамилии – «зайцев сын», не *зайца*, а *Зайца*. Имя *Заяц* было у русских частым до конца XVII в.» [49: 205], эт же можно сказать и об имени Волк.

Голованов. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1840 г. (74-летний крестьянин). Фамилия *Голованов* была образована как отчество от прозвища на *-ан* [83]: *Голован*.

Горбушкин. Фиксируется в метрических книгах дважды – в 1844 и 1851 гг. Фамилия *Горбушкин* могла быть образована как отчество от прозвища *Горбушка* < *горбуша* «горбун» или *горбушка* «верхняя часть спины, загривок»; «доска-горбыль»; «верхняя корка хлеба» [69].

Дранков. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1843, 1856, 1857, 1860 (Дранкова – «крестьянская дочь» из Лубян, вышедшая замуж за бемышевского крестьянина), 1866, 1870, 1875, 1888 («*евфрейтор запасный*» Дранков), 1894, 1911 и в др. гг. В 1846 г. И. Дранков был одним из организаторов вступления бемышевских крестьян совместно с канинскими рудокопами [2: 111]. Фиксируется Дранков и в «Книге памяти» (1941–1945) [105]. Среди известных выпускников бемыжской школы – В.И. Дранков, генеральный директор ООО «Удмуртрегионгаз».

Фамилия *Дранков* могла быть образована как отчество от прозвища *Дранко*, которое восходило либо непосредственно к прилагательному *драный* (рваный), либо имело соотнесенность с одним из диалектных существительных следующего ряда: *дранка* «сосновая кора», *дранки* – «полоски тряпок, из которых плетут коврики» [106], *дранка* – «что-л. рваное, истрепанное» или о человеке, которого «драл медведь» [69].

Духтанов. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1840, 1843, 1851, 1859, 1862, 1870, 1878, 1882, 1887 (Ермолай), 1888, 1893, 1911 и в др. гг. В протоколах партсобраний Бемыжской МТС за 1956 г. упоминается М.М. Духтанов [110]. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время.

Фамилия *Духтанов* могла быть образована как отчество от предполагаемого прозвища *Духтан* (неизвестной этимологии; сравн., напр. – древнерус. имя Лухтан < лухта «вздор, чепуха») или от тюркс. основы *тухтан-* (сравн.: Тухтангулов) с озвончением первого согласного. Б.О. Унбегаун пишет: «Фамилии на –анов происходят от прозвищ на –ан, образованных от основ существительных, прилагательных и (реже) глаголов. Обычно эти прозвища характеризуют физические особенности человека. Происхождение многих из них неясно» [83: 126].

Залогин. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1840, 1845, 1860 (Бемышевского завода уволенный по билету солдат П.Ф. Залогин), 1869, 1890, 1900, 1911 и в др. гг. Фиксируется Залогин и в «Книге памяти» (1941–1945) [105].

Фамилия *Залогин* могла быть образована как отчество от прозвища по месту жительства – *за логом*, так как на территории села Бемыж несколько логов (*лог* – длинная глубокая впадина на земной поверхности с пологим и крутыми склонами). Сравн.: Забродин < *за бродом* [49], Заболотников < *за болотом* [83: 112]. Хотя были также древнерусские имена-прозвища типа Заброд «вожак, заводила» [77], представляется вполне вероятным существование в прошлом личного имени Залог (тем более что существует такое нарицательное имя).

Камаев. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1842 (Камаев), 1850, 1859, 1860 (**Камашев**), 1868, 1874, 1880, 1895, 1911 (Камашев) и в др. гг. Носители фамилии Камаев проживают в Бемыже и в настоящее время. Фамилия *Камаев*, возможно, была образована как отчество от личного татарского имени *Камай* (напр., был казанский хан Камай – 1646 г.).

Каузов. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1842 (Каузов), 1864 (**Коузов**), 1870, 1880, 1888 (Коузов), 1894 и в др. гг. Фамилия *Каузов* по своему происхождению может быть связана с техническим термином *кауз*, которым обозначалась, в частности, «труба в плотине для спуска лишней воды», «желоб наподобие ящика, по которому вода течет на мельничное колесо», «деревянный желоб, по которому вода течет на огороды для полива» [69].

Кирилов. Фиксируется в метрических книгах и в книгах записи «оглашений о вступлении в брак» в 1842, 1844, 1862, 1866, 1911 и в др. гг. Фамилия *Кирилов* (*Кириллов*) была образована как отчество от календарного имени *Кирилл* [77].

Корягин. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1843, 1859, 1861 (мастерской Кушвинского завода), 1866, 1870 (уволенный по билету солдат Шуйского полка обозный рядовой), 1878, 1891, 1897 и в др. гг.

Фамилия *Корягин* могла быть образована как отчество от прозвища *Коряга*. Б.О. Унбегаун пишет, что фамилии на –ягин образуются от основ прилагательных и глаголов, например: Беднягин < бедняга < бедный [83: 122]. Можно предположить наличие следующей цепочки: *Корягин* < прозвище *Коряга* < *корявый* – «о человеке с изогнутыми и неуклюже раздвинутыми, растопыренными ногами; раскоряка» или по другим признакам – «неповоротливый; упрямый; черствый; скупой» [69].

Кривов. Фиксируется в метрических книгах в 1840, 1856, 1858, 1859, 1861, 1874, 1894 и в др. гг. Фамилия *Кривов* могла быть образована как отчество от прозвища *Кривой* (Унбегаун отмечает ее среди фамилий, производных от прилагательных). А.В. Суперанская предполагает, что *Кривой* было внутрисемейным именем, предохранявшим человека от злых сил [76: 36]. В словаре народных говоров *кривой* – «хромой» [69].

Кузнецов. Фиксируется в метрических книгах в 1845, 1866 гг., упоминается также в протоколах парторганизации Бемьжской МТС за 1936 г. и в «Книге памяти» (1941–1945) [105].

Артиллерист С.Н. Кузнецов (1918 г. рожд.), призванный в армию Бемыжским РВК в 1938 г., – Герой Советского Союза. Фамилия *Кузнецов* была образована как отчество от профессионального прозвища отца *Кузнец* [83; 76: 41]; это одна из самых распространенных русских фамилий [83: 99].

Куимов. Фиксируется в метрических книгах и в книгах записи оглашений о вступлении в брак в 1844, 1845, 1854, 1857, 1859, 1861, 1862 (**Куюмов**), 1870, 1875, 1888, 1891, 1911 и в др. гг. Упоминается Куимов и в «Книге памяти» (1941–1945) [105]. Фамилия *Куимов* происходит, скорее всего, от слова *куим* «три» из языка коми [83; 25: 122]. В.А. Никонов, однако, пишет, что в основе этой фамилии лежит диалектное слово, имеющее в разных местностях особые оттенки значения: северное *куим* – «глухой» или «нелюдимый», псковс. и вологодс. – «молчаливый», олонекское – «немой» [49].

Лавров. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1842 г. Фамилия *Лавров* была образована как отчество от календарного имени *Лавр* (Лаврентий) [83; 77].

Майников. Фиксируется в метрических книгах в 1848 (Майников) и ранее, 1857 (**Майнов**), 1861 (**Майнин**), 1874 (**Маев**), 1880 (Майнин), 1890 (Майнин) гг. В протоколах партсобраний Бемыжской МТС за 1935 г. упоминается *Маев* [110].

Наиболее ранние из известных нам фиксации из данного ряда вариантов имеют форму *Майников*, но далее, от десятилетия к десятилетию, обнаруживаются однокоренные антропонимы с разным морфемным оформлением: *Майнов*, *Майнин*, *Маев*. Поскольку в целом фиксаций не так много, мы сочли возможным объединить их как варианты одного антропонима. Учитывая характер горнозаводских работ на Бемышевском заводе, можно предположить, что все они первоначально могли быть связаны с профессиональным словом *майна* – команда при погрузке, разгрузке, обозначающая «опускай!», «вниз!»; в таком случае, возможно, *майник* – тот, кто *майнает* (опускает груз или кричит «майна»).

В то же время нельзя исключать и возможности связи данных фамилий со следующими диалектными словами: *май* – «го-

ремыка, тот, кто мается»; *маить* – «мыкать горе, жить в нужде» [69] – эти слова, как характеризующие человека, могли породить фамилию *Маев* (хотя она могла быть образована и от детского именованья – «тот, кто родился в *мае*»; *майна* – «попынья; глубокое, не застывающее зимою место на реке, озере» [69] – прямой деривационный путь к фамилии *Майнин*; *майный* – «душный, жаркий», «утомительный», *майник* – «душный, жаркий день» [69], отсюда – *Майников*.

Макарчиков. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1840, 1856 (отданный в военную службу), 1860, 1863, 1875, 1888 и в др. гг. Фамилия *Макарчиков* была образована как отчество от уменьшительной формы календарного имени Макар (Макарий) – *Макарчик*.

Морданов. Фиксируется в метрических книгах в 1841, 1851 (*Марданов*), 1857 (Марданов), 1860, 1862, 1867 и в др. гг. Можно предположить, что фамилия *Морданов* образовалась как отчество от уменьшительной формы имени Мардарий или Мартемьян [77, например, Унбегаун приводит такую цепочку: Серганов < Серган < Сергей [83: 71]. Хотя отметим также и наличие в словаре народных говоров слова *мордан* в значении «человек с полным, толстым лицом», «круглолицый человек» [69].

Мурашов. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1840 (заводская девица Евдокия), 1842, 1850, 1860, 1865, 1869, 1874, 1893, 1911 (*Мурашев*) и в др. гг. В протоколах партсобраний Бемьжской МТС за 1936 г. отмечены выступления «тов. Мурашовой» (партийный стаж с 1920 г.), говорившей, в частности, о том, что «в больнице с беременными женщинами обращаются не по-человечески», что «отдельные коммунисты занимаются многоженством, которое впоследствии приводит не к хорошему» [110]. Фиксируется эта фамилия и в «Книге памяти» (1941–1945) [105].

Фамилия *Мурашов* была образована как отчество от прозвища *Мураш* – по «названию насекомого» [83]; *мураш* – «мелкий муравей. Показательно еще одно старинное значение: *мураш* –

«в дореволюционное время – крестьянин, занимающийся оптовой торговлей», с примечанием: «Товар обычно продают купцам, приезжающим из с. Мураши Нижегородской губернии» [69].

Никаноров. Фиксируется в метрических книгах дважды – в 1844 и 1860 гг. Фамилия *Никаноров* была образована как отчество от календарного имени *Никанор* [83; 77].

Никифоров. Фамилия фиксируется в метрических книгах в 1841 и 1842 гг. Фамилия *Никифоров* была образована как отчество от календарного имени *Никифор* [83; 77].

Огурцов. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи «оглашений о вступлении в брак» и в брачных обысках в 1840 (*Агурцов*), 1850 (Огурцов), 1853, 1865 (крестьянин Кушвинского завода), 1869 (крестьянин Бемьшевского завода), 1888, 1912 и в др. гг. В 1853 г. К. Огурцов был среди крестьян, наказанных розгами за неповиновение [2: 114]. Фамилия *Огурцов* могла быть образована как отчество от прозвища *Огурец*, которое представлено в русских памятниках XVII в. [93: 13].

Пальчиков. Фиксируется в метрических книгах дважды – в 1841 и 1856 гг. Фамилия *Пальчиков* образована как отчество от прозвища *Пальчик* < пальчик «мизинец» (Унбегаун указывает только форму *Пальцев* [83]).

Пинисов. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак в 1845 (**Пенисов**), 1852 (**Панисов**), 1858 (Пинисов), 1860, 1862 (Панисов), 1874, 1894, 1900 (Пинисов взял в жены крестьянскую девушку из Пермской губ. Соликамского уезда Кудымкарской волости) и в др. гг. В статье А.А. Александрова упоминается мастеровой «Е. Панисов», который был в 1862 г. доверенным от общества бемьшевских мастеровых [2: 120]. Фиксируется Пинисов и в «Книге памяти» (1941–1945) [105]. Люди с такой фамилией (ударение на втором «и») до сих пор проживают в Бемьже.

Образование фамилии *Пинисов* неясное. Можно предположить существование в прошлом в русском языке уменьши-

тельных форм *Пинис, Пиня*, например от календарного мужского имени *Пионий*. Б.О. Унбегаун пишет о том, что суффикс *-ис*, который встречается в полных именах типа Борис, Денис, также использовался в качестве уменьшительного, например: Ирисов < Ирис < Ириней или Иринарх, Харисов < Харис < Харитон [83].

Платонов. Фиксируется в метрических книгах трижды – в 1841, 1866, 1868 гг. Фамилия *Платонов* была образована как отчество от календарного имени *Платон* [83; 77].

Плотников. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1840 г. Фамилия *Плотников* была образована как отчество от именованья по профессии *Плотник* [83], возможно, и по названию промысла. У крестьян, которые начинали заниматься отхожими промыслами, сразу появлялись фамилии (например, Стекольников, Лошкарев). Профессии выделяли их из среды земледельцев, а названия профессий легко превращались в прозвища, которые передавались из поколения в поколение, а затем – и в фамилию [46: 84].

Подгорнов. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1840, 1842, 1857, 1859, 1863, 1868, 1875, 1897 и в др. гг. Фамилия *Подгорнов* могла быть образована от топонима (среди названий водоемов правобережья Вятки исследователи отмечают, например, гидроним *Подгорный* [29: 286]), или как отчество от прозвища по месту жительства. Унбегаун приводит следующие фамилии этого ряда: *Занадворов* – от *за-над-двор* «позади двора», *Межуполев* – от *межу-поле* [83].

Потехин. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1841, 1855, 1857, 1860, 1861, 1864, 1869, 1888 (бракосочетание бемьшевского завода ефрейтора Потехина, 26-ти лет), 1912 и в др. гг. В 1910 г., когда в Бемьже была открыта изба-читальня, первым избачом стал И.П. Потехин [34: 164]. Люди с такой фамилией до сих пор проживают в Бемьже. Фамилия *Потехин* была образована как отчество от нецерковного мужского имени *Потеха*, нередкого в России в XV–XVII вв. [49].

Ракмашов. Фиксируется в метрических книгах и в книгах записи оглашений о вступлении в брак в 1840 (**Рохмашов**), 1857 (Ракмашов), 1859, 1864, 1870, 1878, 1894, 1911 (*Рахмашев*) и в др. гг. Люди с такой фамилией проживают в Бемьже и в настоящее время. Фамилия *Ракмашов*, возможно, является тюркской по происхождению (сравн.: *Рохманин*, *Рахманинов*, личное имя *Рохман*) [5: 42, 191].

Рогожин. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1840, 1850, 1859, 1860, 1864, 1866, 1868, 1870, 1874, 1880, 1888 (крестьянин, сам расписавшийся за себя), 1892, 1911 и в др. гг. Люди с такой фамилией проживают в Бемьже и в настоящее время. В 1984 г. жительница с. Бемьж Ю.П. Рогожина (1908 г. рожд.) рассказывала студентам-филологам о своей жизни: *«Я в этом краю родилась, а в Польше [«Польшей» и «Украиной» называются две части села Бемьж] жила, замуж вышла туда. Восемнадцать лет еще не было вышла. Раньше-то ведь венчались, а сейчас не венчаются. Раньше свадьбу справляли – сперва всю родню обойдут, женихову, невестину. А пока обходят, молоды-то катаются. Кони свои были. ...Я в колхозе-то больно работала. И конюхом работала, и везде работала, директором только не была. Детей всех-то шесть штук, накормить, одеть надо. ...Солнышко взходит – мы уж пошли в поле. Далёко поля были, боле десяти километров. Одна машина, единственная в колхозе была»* (записано проф. Б.И. Осиповым) [108].

Фамилия *Рогожин* могла быть образована как отчество от прозвища *Рогожа* – по названию предмета *рогожа* [83] – грубая упаковочная ткань из мочальных лент.

Слободской. Фиксируется в метрических книгах дважды в 1840 г. (титулярный советник и священник). Фамилия *Слободской* могла быть образована как отчество от прозвища по месту проживания: *слобода* [76: 112] – «поселение вольных (незакрепощенных) людей». Прилагательное *слободской* содержится в составе таких сочетаний, как «Слободские казацкие полки», «слободские казаки», что может косвенно свидетельствовать о казацком происхождении фамилии Слободской.

Сомов. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1843, 1859, 1866, 1874, 1891, 1912 и в др. гг. Отмечен Сомов и в «Книге памяти» (1941–1945) [105]. Фамилия *Сомов* могла быть образована как отчество от прозвища по названию рыбы – *сом* [83] или от дохристианского личного имени *Сом*.

Соснин. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1841 (Соснин), 1858 (**Соснов**), 1878 (Соснов), 1898 (Соснов) гг.

Формы с разными суффиксами (-ин- и -ов-) *Соснин* и *Соснов* объединены нами в связи с их редкой фиксацией в бемышевских источниках и в связи с общностью основы. Поскольку в русском языке формы на –ов/-ев преобладают, то некоторые фамилии, которые должны были бы оканчиваться на –ин, также выступают иногда с суффиксом –ов/-ев [83: 44]. В данном случае производящее слово *сосна* оканчивается на –а, то следовало бы ожидать только форму на –ин (Унбегаун приводит только эту последнюю форму).

Фамилия *Соснин* была образована как отчество от прозвища *Сосна*; следует учитывать также и наличие соответствующих топонимов – например, в Сарапульском уезде в XIX в. было село *Сосново*.

Танаев. Фиксируется в исторических документах, метрических книгах и в брачных обысках в 1847 (мастер Танаев с другими рабочими покинул рудник из-за низкой оплаты труда), 1859, 1866, 1869, 1875, 1888 (солдатка Танаева), 1890 (Бемышевского завода ефрейтор Федор Емельянович Танаев), 1896 (рядовой) и в др. гг. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время. В 1984 г. жители Бемыжа М.И. Танаева (1902 г. рожд.) и А.И. Танаева (1930 г.р.) рассказывали студентам-филологам о своей жизни: *«Без отца выросла. Четыре брата было. Всех братьев на фронте убили, погибли. Корни таскали да ели в войну»;*

«В войну осталась я сиротой. Мачеха взяла в дети, потом из детей выгнала. Сбирала ходила. ...Свёкра третьего марта схоронили. Ветеран войны был наш папашенька. Семь лет про-

шел войну-то. Действительно служил, не успел отслужить – война. Немцев разбили, его в Японию послали. Там ранили, на клюшках на двух ходил, а ни черта пенсии не добился. Раненый лежал, госпиталь разбили, все документы пропали. ...Папа-то не верил в Бога, коммунист был, людей в колхоз загонял, а все на его сердились. Женщины сердились. Всё завоевывал жизнь, а детей оставил сиротами. Всё говорил: «Настенька, я никогда не умру». Не тюрьма, так живой бы был, может. ...А мама тифом умерла. Я видела маму, помню. Помню родники вот тут, больше ничего. ...За логом – «Польша». Из «Польши» парней не пускали в «Украину», не давали с девками своими ходить. Драча была» (записано проф. Б.И. Осиповым) [108].

Фамилия *Танаев* своим происхождением может быть связана с топонимами: село *Танайка* и речка *Танайка* в Вятской губернии. Возможна также связь с татарскими словами *таньк*, *таньш*, *танак* в значении «дока, мастер, знаток, смышленный делец», к которым Н.А. Баскаков возводит фамилию *Танеев* [5: 211].

Тимошин. Фиксируется в церковных документах в 1845 и 1867 (крестьянин Кушвинского завода) гг. В 1853 г. Х. Тимошин в числе других крестьян был наказан розгами за неповиновение [2: 114]. Фамилия *Тимошин* была образована как отчество от уменьшительной формы календарного имени Тимофей – *Тимоша* [77]. В общерусском антропонимиконе чаще представлена крестьянская фамилия от уничижительной формы *Тимошкин* < *Тимошка*.

Трусов. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1845, 1857, 1859, 1862, 1866, 1869, 1875, 1883, 1891, 1894, 1911 и в др. гг. В протоколах партсобраний Бемьжской МТС за 1936 и 1956 гг. также упоминается Трусов [110]. Люди с такой фамилией проживают в Бемьже и в настоящее время. Фамилия *Трусов* могла быть образована как отчество от прозвища *Трус* [83], известного как имя собственное уже в середине XV в.

Хабаров. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1841, 1850, 1856, 1857, 1859, 1862, 1866, 1875, 1880, 1888, 1891

(грамотный крестьянин), 1898, 1900 («*кресънская девица Серафима Павлава Хабарава*» сама расписалась за себя), 1911 и в др. гг. В протоколах партсобраний Бемыжской МТС за 1936 и 1938 гг. также упоминается Хабаров [110]. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время.

Фамилия *Хабаров* была образована как отчество от древнерусского личного имени *Хабар* < *хабара* «счастье, удача» / тюркс. *хабар* «весть, известие» [77].

Червяков. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1840 (священник), 1857, 1860, 1861, 1870, 1896, 1900, 1911 и в др. гг. В 1984 г. жительница Бемыжа Н.Л. Червякова (1905 г. рожд.) рассказывала студентам-филологам о своей жизни: «*Рано сироткой осталась. Земля была за нами – единоличники были. После смерти родителей пахала сама, обрабатывала землю. Мужа взяла себе, 15 лет с ним прожила, осталась с пятерыми детьми. Трудно было. Поле-то раньше полосами было, яровое поле, озимое, третье – пар. Бурачок в руки – и пошла. Из бурачка-то пили. На березе береста есть – из нее шили*» [108]. Люди с такой фамилией до сих пор проживают в Бемыже.

Фамилия *Червяков* могла быть образована как отчество от прозвища *Червяк* [83].

Чувьгин. Фиксируется в исторических документах, в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1840, 1844 (у Леонтия Афанасьевича *Чювыгина* родился сын; это, видимо, тот самый «грамотный и энергичный крестьянин» Леонтий Чувьгин, посаженный в 1845 г. в Елабужскую тюрьму), 1846 [2: 112], 1856 (Иван Афанасьевич), 1858, 1859, 1861 (Василий Леонтьевич – явно сын «легендарного» Леонтия), 1869, 1895 (Сергей Алексеевич из Кушвы), 1911 (Никон Леонтьевич) и в др. гг. Отмечен Чувьгин и в «Книге памяти» (1941–1945) [105]. *Николай Александрович Чувьгин* (род. в 1928 г. в Бемыже) преподавал русский язык и литературу в вузах Ижевска. В энциклопедии «Удмуртская Республика» о нем сказано: закончил филологический факультет Казанского госуниверситета, получил образование в Ленин-

градском театральном институте, работал в редакциях газет «Новая жизнь» (Кизнер) и «Удмуртская правда» (Ижевск) [82].

Фамилия Чувьгин могла быть образована как отчество от возможного диалектного прозвища *Чувьга* (по модели «Бусыгин, Бусыга – от *бусать*»). Унбегаун сообщает, что фамилии на –ыгин образуются от основ прилагательных и глаголов (например, Косыгин – от «косоглазый») [83: 123]. «Фамилия не возникла из ничего, – пишет В.А. Никонов. – Раз есть Берсенев, Каманин, Охрютин, значит, существовали слова берсень, каманя, охрюта, но они давно исчезли, оставив единственный след – фамилию» [49: 200]. В случае с фамилией Чувьгин можно провести параллель с так называемым «методом внутренней реконструкции», который предполагает «восстановление лексем по сохранившимся производным» [3: 35]: если есть фамилия Чувьгин, значит должно было существовать слово *чувьга*, производное от какой-либо диалектной лексемы, даже если она и не зафиксирована словарями.

Шелованов. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1841 (*Шолованов*), 1854 (*Шалованов*), 1859, 1864 (*Шилованов*), 1869, 1878, 1880, 1888 (Михаил Николаевич и Михаил Иванович Шеловановы), 1891, 1911 и в др. гг. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время. Фамилия *Шелованов*, возможно, была образована по аналогии с фамилией Шалавин или Шелавин (с учетом промежуточного производного *шелован*), которую исследователи объясняют через диалектное *шалава*, *шалавый* – «беспутный, шалый» или «быстрый, проворный» [49].

Шипелев. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1840 (Шипелев), 1858, 1861, 1866 (*Шипилов*), 1870, 1880, 1891 (Шипилов), 1900 (Шепелев) и в др. гг. Можно предположить образование фамилии *Шипелев* как отчества от прозвища с глагольной основой на –ил/-ило– *Шипило*. Б.О. Унбегаун дает вариант *Шипилов* – «тот, кто шипит» [83: 124]. В русской антропонимике представлена также фамилия *Шипилин*.

Шишкин. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1840 (слабужский мещанин Иван Федорович), 1843,

1888 (мещанская девица Татьяна Алексеевна 18-ти лет), 1900 (мещанская девица Наталья Алексеевна, «жительствовавшая доньше в г. Елабуге» и вышедшая замуж за бемышевского крестьянина Романова) и в др. гг. В XIX в. был известен елабужский купец И.В. Шишкин (отец знаменитого художника) – собиратель древностей. В протоколах партсобраний Бемыжской МТС за 1938 г. также упоминается фамилия Шишкин [110]. Фамилия *Шишкин* была образована как отчество от нецерковного русского имени *Шишка*, часто встречавшегося до конца XVII в., а позже – распространенного прозвища [49].

Итак, в 1840–49-х гг. в бемышевский антропонимикон входит, по крайней мере, еще 51 фамилия. В этот период в Бемыже было очень беспокойно, и немало фамилий бемышевских крестьян и других лиц мелькает на страницах работ историков, посвященных событиям этого времени: упоминаются заводской приказчик *А. Тихонов*, приказчик *С. Поздеев*, уездный исправник *В. Износков*, «зачинщик» *Леонтий Чувыгин* и его товарищи *Н. Миронов* и *Л. Бабьев*, рабочий Таишевского медеплавильного завода *П. Куракин*, крестьянин *Н. Чернов*, написавший воззвание, унтер-офицер *Е. Храмов*, крестьяне *И. Бонькин*, *Г. Башкин*, *Д. Федотов*, *И. Дранков*, *А. Мастеров*, *М. Галеев*, *И. Векшин*, владелец завода *Александр Лебедев* и другие. Многие крестьяне, записанные в это время в метрические книги, находятся уже в преклонном возрасте, например, *Векшин* 75-ти лет, 74-х летний *Голованов* и др.

В рассмотренных нами бемышевских документах фиксируются, помимо крепостных крестьян, следующие категории работников и представителей других социальных слоев: мастер *Танаев*, елабужский мещанин *Шишкин*, титулярный советник *Слободской*, священники *Слободской* и *Червяков*. Внутренняя форма некоторых фамилий отражает существование таких профессий, как кузнец (*Кузнецов*) и плотник (*Плотников*). Даже фамилия *Векшин* могла быть связана своим происхождением с названием подъемного механизма, применявшегося в рудопром деле («векша подъемная»).

С пятого десятилетия XIX в. и на протяжении всей истории Бемыжа вплоть до конца XX в. (либо и до настоящего времени) устойчиво фиксируются следующие фамилии: *Айдашев*,

Бабаев, Барзымов, Белов, Бонькин, Ботохин, Бусыгин, Бычков (Быков), Вдовин, Векшин, Волков, Дранков, Духтанов, Залогин, Камаев, Каузов, Кирилов, Корягин, Кривов, Кузнецов, Куимов, Макарчиков, Мурашов, Огурцов, Пинисов, Подгорнов, Потехин, Ракмашов, Рогожин, Сомов, Танаев, Трусов, Хабаров, Червяков, Чувыгин, Шелованов, Шипелев. В последний раз, по нашим данным, в 1867 г. фиксируется фамилия *Морданов*.

Фамилии *Голованов, Лавров, Плотников* были отмечены нами в церковных документах XIX в. всего по одному разу, фамилии *Горбушкин, Никаноров, Никифоров, Пальчиков, Слободской, Тимошин* – по два раза, *Платонов* – трижды. В связи с этим их нельзя причислить к устойчивым компонентам бемышевского антропонимикона.

Структурные особенности фамилий, появившихся в 1840–1849 гг. следующие: 36 антропонимов на –ов (-ев), 14 на –ин (в том числе –кин, –охин, –ыгин, –шкин). Помимо этого, у двух фамилий форма варьируется в суффиксальной части (*Маев, Майнов, Майников, Майнин; Соснин, Соснов*), что может свидетельствовать об их разной мотивированности. Одна малочастотная фамилия, явно перенесенная с другой территории, имеет формант –ской (*Слободской*).

Рассмотрим, какие календарные имена содержатся в составе фамилий, вошедших в бемышевский антропонимикон в это время (их намного меньше, чем в предшествующие периоды): *Кирилл, Лавр, Макар (Макарчик), Никанор, Никифор, Платон, Тимофей (Тимоша)*. Возможно, к календарным относятся также фамилии *Бонькин* (предположительно от *Боня, Бонифаций*), *Морданов* (возможно, от *Мардарий*), *Пинисов* (возможно, от *Пиня, Пионий*). Отметим, что среди них почти половина произведены от уменьшительных или сокращенных имен.

Кроме того, немало фамилий, образованных от нецерковных (древнерусских) личных имен: *Бычков* (< Бычок, Бычко), *Волков* (< Волк), *Потехин* (< Потеха), *Шишкин* (< Шишка) и некот. др.

Фамилии с более ранними фиксациями, которые продолжали использоваться в Бемыже в это десятилетие: от XVIII в. – *Агапов, Алексеев, Андреев, Афанасьев, Васильев* (солдатка Евдокия), *Воеводский* (священник), *Гаврилов, Григорьев, Егоров, Иванов, Ильин, Калинин, Корнилов, Никитин, Петров, Романов,*

Семенов, Смолин, Степанов, Терентьев, Титов, Федоров, Яковлев (священник); от 1800–1839 гг. – Александров, Андреянов, Анкудинов, Башкин, Башкиров, Бернатов, Бодрин, Бускин, Виноградов (дьякон), Галеев, Герасимов, Гуцин, Демин, Димитриев, Ельшеев, Зимин, Игнатьев, Исаков, Кабанов, Колесников, Космин, Крохин, Кулаков, Кулюшин (Кулюшкин), Куреннов, Кусекеев, Лазарев, Латин, Лашенков, Леонтьев, Логинов, Лоханин, Львов, Макаров, Маринин, Мастеров, Миронов, Михайлов, Модин, Непогодин, Николаев, Парфилов, Пахомов, Потапов, Прокопьев, Савельев, Секерин, Секерьянов, Сергеев, Силуянов, Спиридонов, Сухов, Тихонов, Тюнин, Усачев, Федотов, Филиппов, Фомин, Червяков, Чичканов, Чуманов, Шабалин, Шахтыров.

Варианты фамилий, впервые фиксирующихся в 1840–49 гг. (за все годы их использования): Бонькин / Бонкин; Ботохин / Батохин (1887); Бусыгин / Бусагин (1858); Вдовин / Удовин (1890); Камаев / Камашев (1860); Каузов / Коузов (1864); Куимов / Куюмов (1862); Майников / Майнин (1861) / Майнов (1857) / Маев (1874); Морданов / Марданов (1851); Мурашев (1911) / Мурашов; Огурцов (1850) / Агурцов; Пинисов (1858) / Пенисов (1845) / Панисов (1852); Ракмашов (1857 и др.) / Рахмашев (1911) / Рохмашов (1840); Соснин (1841) / Соснов (1858); Чувьгин / Чювьгин (1844); Шелованов (1869) / Шилованов (1864) / Шолованов (1841) / Шалованов (1854); Шипелев (1840) / Шипилов (1866).

По поводу графического варьирования фамилий исследователи, в частности, пишут: «Есть фамилии, образованные от основ, не представленных в литературном языке и, следовательно, не имеющих единой нормированной орфографии. Например, фамилия *Ланской* – *Лонской* образована от областного наречия *лони* (*лонись*) – *лани* (*ланись*) «в прошлом году». В таких случаях не ясно, как унифицировать. В результате из лингвистически одного слова получается три и более различных фамилии, например *Каржавин*, *Коржавин*, *Коржевин*, *Калмыков*, *Колмаков*, *Колмыков*, *Колмуков*. Ими зовутся члены различных семей, и юридически все они – разные фамилии. Юридически разными оказываются также отличающиеся лишь одной буквой и не отличающиеся в произношении фамилии типа *Владимирцов* – *Владимирцев*, *Первенцов* – *Первенцев*» и др. [76: 65].

Обращает на себя внимание наличие в Бемыже в середине XIX в. большого числа отпозвищных (или близких к ним) фа-

милей: например, по особенностям поведения (негативного) – *Бусыгин, Трусов*, возможно также *Шелованов*; по внешнему виду – *Голованов, Кривов*, возможно, сюда же *Корягин*; по цвету – *Белов*; по месту жительства – *Залогин, Подгорнов*; метафорические – *Горбушкин, Огурцов, Мурашов, Червяков* и др. В том числе фамилии не совсем ясного образования: *Ботохин, Дранков, Духтанов, Пинисов, Чувьгин*.

К фамилиям, образованным по месту проживания или приезда, здесь относятся только производное от микротопонима, то есть местного пространственного наименования (*Подгорнов*), и совсем нет фамилий, связанных с названиями других местностей (фамилия Слободской здесь, скорее всего, не является топонимической). Б.О. Унбегаун говорит, что «фамилии, образованные от географических названий, не так многочисленны по сравнению с фамилиями трех других основных групп» (имен и профессий), «патронимические формы этих фамилий образуются от имен, данных тем или иным лицам в связи с местом их рождения, постоянным местожительством или народностью» [83: 105].

Одна фамилия произведена от матронима: *Вдовин* (ребенок вдовы).

Фиксируются фамилии тюркского происхождения: *Айдашев, Бабаев, Камаев, Ракмашов, Танаев*. Одна фамилия – с финно-угорской основой. «При расселении в Верхнем Прикамье русские занимали обычно пустующие участки, но нередко их близкими соседями были проживающие рядом коми-пермяки и коми-зыряне. Русские входили в тесные контакты с ними, возникло много смешанных, двуязычных семей, что приводило к взаимодействию русского и коми говоров» [60].

Особенностью данного периода вхождения фамилий в антропонимикон села является сравнительно больший процент отпрозвищных образований (примерно 45 % от общего числа), в том числе соотношенные с диалектной лексикой (около 2 %). Правда, такого рода фамилии с трудом поддаются разделению на образованные от прозвищ, от древнерусских личных имен и от детских (семейных) прозваний. Например, фамилии *Белов, Бычков, Кривов* и некоторые другие не могут быть однозначно отнесены к той или иной подгруппе.

Кроме того, увеличился процент фамилий с тюркскими и финно-угорскими основами (около 14 %).

ВОЗРАСТАНИЕ ЧИСЛА НЕКАЛЕНДАРНЫХ ФАМИЛИЙ В 1850-х ГОДАХ

В 1853 г. 14 работников Бемышевского завода (среди них – Л. Пахомов, Г. Башкиров, Е. Корнилов, К. Огурцов, Х. Тимошин) были наказаны розгами как зачинщики крестьянских выступлений. Вся осень этого года прошла в подготовке к переселению, но переезд на Урал отложили до весны, так как там свирепствовала холера. За это время хозяин завода пятерых крестьян сослал в арестантские роты, четверых отдал в солдаты, двое убежали, а 13 человек скончались от избиений и недоедания [2: 114].

16 мая 1854 г. началось переселение крестьянских семейств с Бемышевского завода на Урал в район Нижнетурина (Гороблагодатский горный округ, центром которого с 1801 г. был Кушвинский завод). Переселенцев разделили на три группы, каждая из которых отправлялась в разные сроки. В первой партии было 133 мужчины и 151 женщина, во второй – 149 и 145 соответственно тех и других, в третьей – 128 и 159. Всего – 865 человек [2: 116–117]. Конечным пунктом назначения являлись Гороблагодатские казенные заводы.

Однако уже с конца 1850-х годов мастеровые начали возвращаться обратно на Бемышевский завод и до 1863 г. вернулось 60 семейств (399 человек) – в основном, с Кушвинского завода (ныне – г. Кушва Свердловской обл.). В материалах метрических книг Свято-Троицкой церкви с. Бемыж многие прихожане с 1860-го года фиксируются именно как «крестьяне Кушвинского завода», среди них – Бодрин (1866), Бернатов (1866), Бускин (1865), Вдовин (1866), Волков (1864), Гаврилов (1865), Галеев (1863), Демин (1866), Зимин (1860), Колесников (1864), Казаков (1862), Корягин (1861), Кокушкин (1862), Макаров (1861), Морозов (1862), Непогодин (1865), Огурцов (1865), Тюнин (1866), Усачев (1867), Чичканов (1861). Упоминается также Михаил Андреевич Кулаков как прибывший из Пермской губернии Нижнетурина волости.

Их возвращение было признано властями незаконным, но хозяин завода Лебедев согласился оставить вернувшихся. Его решение, возможно, было связано с появившимся еще в декабре

1858 г. предписанием губернаторам производить негласные дознания о причинах ссылок крепостных крестьян. Стало известно, что 10 % всех фактов неповиновения были вызваны именно переселением крестьян с одного места на другое. Было рекомендовано допускать переселения лишь в тех случаях, когда для людей имелись достаточные земельные наделы, жилье и продовольствие до будущего урожая [38: 706].

По всей России крепостной труд становился всё более экономически невыгодным. С естественным ростом численности заводского населения появлялся избыток рабочей силы, и заводовладельцы стали предоставлять всё большему числу крепостных право откупаться от заводских работ. К середине XIX в. значительная часть мастеровых и работных людей, заплатив за себя оброк, занималась промыслами, торговлей или же работала в качестве вольнонаемных на тех же заводах [13: 259]. В 1850 г. численность работников на Бемьшевском заводе составляла 1051 чел. [30: 163]. В конце 1850-х около семидесяти бемьшевских мастеровых получили паспорта для увольнения на оброк [2: 117], в то же время в село идут на заработки крестьяне-сезонники и ремесленники из дальних мест [2: 106].

Из общероссийских событий этого периода: в 1853–1860 гг. Россия проиграла Крымскую войну; в 1855 г. собирали ополчение (против Франции), в связи с чем в Елабуге призывали мужчин «от 20 до 45 лет, здоровой комплекции и ростом не ниже 2 аршин 2 вершков». *Ополчением* назывался тогда войсковой резерв из лиц, способных носить оружие, но не состоявших на действительной военной службе или вышедших по возрасту в запас. В Вятской губернии из-за недостатка дворян в состав ополчения включали «военно-служащих», а также местных гражданских чиновников [73: 486–488]. Известны некоторые факты о наборе в ополчение работников Бемьшевского завода: так, в 1855 г. был отдан в «государственное ополчение» Стефан Никитич Агапов [109: кн. 38].

В 1856–1860 гг. в стране произошло более 900 крестьянских выступлений. На Урале в конце 50-х гг. ряд лет были неурожайными, что повлекло за собой большое повышение цен на хлеб, резко ухудшило материальное положение крестьян и горнозаводских рабочих. Обесценились деньги. По итогам деся-

той ревизии в 1859 г. в 332 дворах Бемьшевского завода проживало 2192 жителя.

Вот как описывает жизнь в «уральской глуши» в самом конце пятидесятых годов Д.Н. Мамин-Сибиряк: «...не было еще и помину о железных дорогах и телеграфах, а почта приходила с оказией. Не было тогда самых простых удобств, которых мы сейчас даже не замечаем, как, например, самая обычная керосиновая лампа. По вечерам сидели с сальными свечами, которые нужно было постоянно «снимать», то есть снимать нагар со светильни» [44: 96].

Итак, если в середине XIX в. на Бемьшевском заводе работало несколько тысяч крестьян, то накануне крестьянской реформы числилось лишь 30 мастеровых и 390 вспомогательных рабочих, в большинстве своем – из крестьян [30: 258]. Их земельные наделы составляли 3,2–3,5 десятины на мужскую душу и были источником лишь дополнительных доходов. Уральские горнозаводчики вынуждены были всё в больших масштабах прибегать к вольнонаемному труду. Накануне отмены крепостного права на горных заводах и золотых промыслах Урала вольнонаемные составляли около 40 % всех рабочих [13: 62–63]. Мастеровые Бемьшевского завода прямо заявляли, что как только появится указ об освобождении, то они сразу же бросят завод [53: 90].

Далее рассмотрим **фамилии**, которые впервые упоминаются в известных нам источниках с **шестого десятилетия XIX в.** (1850–59 гг.).

Арбузов. Фиксируется в метрических книгах в 1850 (священник) и в др. гг. Фамилия могла быть образована от прозвища *Арбуз*, известного по памятникам русской письменности с XV в. [93: 20].

Балакин. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1855, 1857, 1860, 1864 (все эти годы – в форме *Балатин*), 1866 (Балакин), 1869 (Балакин и Балатин), 1900 (*Балатин* расписался за неграмотную женщину) и в др. гг.

Фамилия *Балакин* могла быть образована как отчество от прозвища *Балака* в значении «болтун» [83; 76: 68] от *бала-*

кать «говорить» < старорусское *балить* «болтать». В диалектной речи используется также глагол *балакаться* в значении «плескаться (бултыхаться)», отмеченный и в бемыжском говоре, например: «Тут оне в калужинах-те и балакаются рыбы-те, барахтаются» (А.А. Вдовина, 1908 г. рожд., зап. в 1984 г. [106]).

Борисов. Фиксируется в метрических книгах трижды – в 1851, 1858, 1861 гг. Фамилия *Борисов* была образована как отчество от календарного имени *Борис* [83; 77].

Горбунов. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1851, 1858, 1859, 1862, 1870, 1891, 1893, 1897 и в др. гг. Фамилия *Горбунов* была образована как отчество от прозвища *Горбун*, отражавшего физический недостаток человека [76: 82].

Долгов. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1857, 1860, 1863, 1866, 1874, 1890, 1901 и в др. гг. Фамилия *Долгов* была образована как отчество от прозвища либо от нецерковного личного имени *Долгой* в значении «длинный, высокий» [49], которое присутствует в памятниках письменности уже в XII в. [93: 22].

Дымов. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1858 г. Это был, скорее всего, крестьянин-сезонник, поскольку известна всего одна фиксация. Фамилия *Дымов* могла быть образована как отчество от прозвища, связанного со старинным значением слова *дым* – «изба, двор» («отдельное хозяйство») [49].

Канигин. Фиксируется в метрических книгах, брачных обысках и в книгах записи оглашений о вступлении в брак в 1857, 1858, 1860, 1863, 1864 (*Каныгин*), 1866, 1880, 1893, 1897, 1911 и в др. гг. Судя по первой известной дате фиксации (1857), первый Канигин в Бемыже мог быть из крестьян-отходников или он пришел с Урала вместе с «кушвинцами». Обратим внимание на то, что одна из бемыжских улиц издавна неофициально называется *Канигиной* (возможно, это было место, где посе-

лился первый носитель данной фамилии). Канигины проживают в Бемыже и в настоящее время.

Фамилия *Канигин* могла быть образована как отчество от уменьшительной формы *Коныга* от личного имени *Конон*. [83: 76], хотя многие фамилии на –игин происходят от переносных прозвищ, этимология которых неясна [83: 122]. В последнем случае в качестве мотивирующих могли выступать следующие диалектные слова: *канюкать* «клянчить», *канюк*, *канюка* «попрошайка»; *канычить* «надоедливо выпрашивать, канючить»; *каныгать* «ковылять, хромать» [69].

Капустин. Фиксируется в метрических книгах дважды – в 1858 (Сюгинского завода г-на Лебедева крепостной крестьянин Д.Ф. Капустин) и 1893 (крестьянин Бемышевского завода) гг. Носители этой фамилии проживают в Бемыже и в настоящее время. Фамилия *Капустин* была образована как отчество от нецерковного мужского личного имени *Капуста*, нередкого у русских в XV–XVI вв. [49].

Курбанов. Фиксируется в метрических книгах, в брачных обысках и в книгах записи оглашений о вступлении в брак в 1850, 1860, 1867, 1874, 1878, 1896, 1898 (Бемышевского завода младший *фейерверкер* – так назывался нижний чин в артиллерии, равный по званию унтер-офицеру), 1911 и в др. гг. Фамилия *Курбанов* была образована как отчество от прозвища *Курбан*, которое Унбегаун возводит к слову *гурбан* «жертва» в мусульманской вере [83: 296]

Кушнов. Фиксируется в метрических книгах трижды – в 1857, 1869, 1881 гг. Судя по первой известной дате фиксации, первый Кушнов в Бемыж мог прийти с Урала вместе с вернувшимися «кушвинцами».

Фамилия *Кушнов* могла быть образована как отчество от именованья по профессии – *кушной мастер* (термин фиксируется, в частности, в русских памятниках 1735 г.), или *кучной*, то есть делающий кучи (кабаны) из дров для выжига угля (сравн., были также – кучеломный мастер, кучной осыпщик, кучекладный подмастерье).

Майоров. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1853 г. Это мог быть, крестьянин-сезонник или крепостной Лебедева из других его владений.

Фамилия *Майоров*, как бывшее притяжательное прилагательное «майоров человек», могла быть связана с названием воинского звания [83: 176], тем более что в Бемыже заводчиком был именно *майор* Лебедев, а его жена нередко именовалась «майоршей Лебедевой». В.А. Никонов об этой фамилии пишет следующее: «Фамилия нередка у крестьян и рабочих, они не могли быть потомками высокого военного чина. Фамилия могла возникнуть при обозначении крепостных, принадлежащих майору, при образовании отчеств от насмешливого прозвища *Майор* (за чванство) или отчеств от прозвища из диалектного (ярослав.) глагола *маёрить* – «тратить, транжирить» [49: 69]. Однако нельзя исключить возможной связи данной фамилии и со старым календарным именем *Маиор* < лат. *майор* – сравнит. степень от магнус «большой, великий» [77].

Малов. Фиксируется в метрических книгах в 1858, 1859, 1880 (невеста А.И.Малова) и в др. гг. Фамилия *Малов* могла быть образована как отчество от прозвища или от семейного детского имени *Малой* [83].

Маслов. Фиксируется в метрических книгах и в книгах записи оглашений о вступлении в брак в 1857, 1859, 1863, 1866, 1874, 1878 (Иван Алексеевич и его замужние дочери), 1881, 1893, 1901 (у Ивана Тимофеевича родилась дочь Матрона), 1911 и в др. гг. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время.

Фамилия *Маслов* может отражать профессиональную деятельность, связанную с производством масла. В Вятско-Камском регионе среди крестьянских производств конца XIX в. были распространены маслобойни на кооперативных началах [29: 175]. Б.О. Унбегаун возводит эту фамилию к слову *масло* (группа – названия продуктов животноводства): «от существительных, ставших прозвищами, обычно образовывались патронимические фамилии на –ов/-ев, как Маслов < масло» [83: 160].

Морозов. Фиксируется в метрических книгах дважды – в 1855 (вдова) и 1862 (мастеровой Кушвинского завода) гг., позднее – в протоколах партзаседаний Бемьжской МТС в 1935 г. [110] и в «Книге памяти» (1941-1945) [105]. Фамилия *Морозов* была образована как отчество от нецерковного мужского имени *Мороз*, которое до XVII в. у русских было нередким [76: 70; 49].

Мухачев. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1850 г.

Фамилия *Мухачев* могла быть образована как отчество от прозвища на –ач (сравн.: Усачев) [83: 129] или от профессионального именованья по типу «Трепачёв – «тот, кто бьет, треплет лен» < трепать» [83: 99]. Хотя, на наш взгляд, может быть более убедительной связь фамилии Мухачев с каким-либо из следующих диалектных слов: *мухаи* – «об очень смирном человеке»; *муха* – «о назойливом, надоедливом человеке» или прозвище малорослого человека; *мухлачить* – «мухлевать (плутовать)» [69].

Попов. Фиксируется в метрических книгах в 1853 (священник), 1858, 1875 (Бемьшевского завода наставник Константин Васильевич Попов), 1901 (дочь священника Бемьшевского завода В. Попова, 27-ми лет, вышла замуж за студента Вятской духовной семинарии Геннадия Николаевича Евсевиева, 21-го года, жительствовавшего в Бемьшевском заводе) и в др. гг. Фамилия *Попов* была образована как отчество, означавшее «сын священника», либо от прозвища *Поп*, либо как сокращение от «попов работник» [49]; для Бемьжа вернее всего первая версия, поскольку здесь Поповы – это семья священников.

Пресняков. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1857 (крестьянин), 1860 (дворовый человек Лебедева), 1875 (Мамадышского уезда крестьянин), 1895 и в др. гг. Судя по датам фиксации и указанию на принадлежность к дворовым людям Лебедевых, Пресняковы в Бемьже могли появиться из Казанской губернии. Фамилия *Пресняков* была образована как отчество от прозвища *Пресняк* («тот, кто печет пресные лепешки»).

Пронин. Фиксируется в метрических книгах, в брачных обысках и в книгах записи оглашений о вступлении в брак в 1855, 1856, 1857, 1859, 1862, 1866, 1875, 1879 (Параскева Дмитриевна 24-х лет), 1880, 1883 (Егор), 1891, 1911 и в др. гг. Фамилия фиксируется в «Книге памяти» (1941–1945) [105]. Фамилия *Пронин* была образована как отчество от уменьшительного мужского имени *Проня* (от Прохор, Прокопий или Протасий) [83] или даже женского (Проня – Евфросинья) [76: 162].

Пьянков. Фиксируется в метрических книгах дважды – в 1857 и в 1861 гг. Фамилия *Пьянков* была образована, по мнению Б.О. Унбегауна, как отчество от прозвища *Пьянка* [83], хотя в таком случае скорее можно было ожидать форму *Пьянкин* (по нашему мнению, прозвище могло быть в форме *Пьянко*).

Рыжев. Фиксируется в метрических книгах в 1858, 1859, 1860, 1869 гг. Фамилия *Рыжев* была образована как отчество от прозвища *Рыжий* [83].

Сержантов. Фиксируется в метрических книгах в 1858, 1870, 1875 (Прохор Алексеевич), 1878 (Павел Прохорович), 1893, 1897 гг. Носители данной фамилии до сих пор проживают в Бемьже. Фамилия *Сержантов* могла быть образована как отчество от прозвища *Сержант* [83] - по наименованию звания военнослужащего при заводе (звание было упразднено в 1798 г.).

Сорокин. Фиксируется в метрических книгах в 1850, 1855, 1857, 1859, 1864, 1866 (отставной солдат), 1870, 1875 гг.

Фамилия *Сорокин* была образована как отчество либо от прозвища *Сорока* (Унбегаун: от названия птицы [83]), либо от нецерковного личного имени Сорока [47: 195]. В.А. Никонов пишет: «Первый Сорокин (сначала еще *сорокин* – прилагательное «чей?») не ловил сорок, не торговал ими, не был похож на сороку. Он был сыном Сороки – человека с именем (или прозвищем) Сорока. Таким образом, «птичьих» фамилий не было совсем, фамилия Сорокин не имеет отношения к птицам и ничем не отличается от фамилии Кобылин. Вопрос об особой роли птиц в жизни русских – вопрос о происхождении не фамилий,

а прозвищ и нецерковных имен, которые позже стали основами фамилий, таким образом, он отодвигается на несколько поколений назад» [47: 195].

Тукмачев. Фиксируется в метрических книгах, в частности, в 1858 (дьякон) и в более ранние годы. Фамилия *Тукмачев*, скорее всего, удмуртского происхождения.

Тулаев. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1857 г. Это был, скорее всего, крестьянин-сезонник. Фамилия *Тулаев* удмуртского происхождения.

Тюничев. Фиксируется в метрических книгах трижды – в 1859, 1860, 1874 гг. Фамилия *Тюничев* могла быть образована как отчество от прозвища, производного от фамилии же *Тюнин* (используется в Бемыже с 1836 г.) или от отчества *Тюнич*.

Усов. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1859 г. Фамилия *Усов* могла быть образована как отчество от прозвища *Ус*, отраженного в русских памятниках XVI в. [93: 23].

Фомичёв. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1859, 1862, 1875, 1897 и в др. гг., а также в «Книге памяти» (1941–1945) [105].

Фамилия *Фомичёв* могла быть образована, подобно случаю с *Тюничевым*, как «отчество от отчества». В.А. Никонов пишет, что отчество как производная форма календарного имени вполне могло послужить основой фамилии: *Фомичёв* из прилагательного *фомичёв* – «принадлежащий Фомичу», то есть сыну Фомы, *Фомичёв* – внук *Фомы*» [47: 189–190]. Отметим наличие и фамилии *Фомин* (1824) в бемышевском антропонимиконе.

Чабаев. Фиксируется в метрических книгах дважды – в 1853 и 1874 гг. Фамилия *Чабаев* может быть нерусского происхождения; не исключена связь и со старым заимствованным словом *чабан* «пастух» [19].

Чучков. Фиксируется в метрических книгах и в книгах записи оглашений о вступлении в брак в 1850 (у крестьянина Василия Михайловича и его жены Марии Михайловны родился сын Василий), 1861, 1862 (вдова Евдокия Ивановна умерла 50-ти лет), 1867, 1870 (у Александра Васильевича и его жены Анны Андреевны родился Петр), 1871 (Василий Васильевич 28-ми лет умер от горячки), 1888 (у Ивана Кирилловича и Натальи Осиповны родился сын Илья; Григорий, Кирилл и Василий Афанасьевичи Чучковы; Иван Александрович 21-го года); 1890 (Иван Корнилович; Михаил Иванович), 1891 (у Ивана Александровича родился Михаил), 1892 (Мария Васильевна 19-ти лет), 1893, 1894 (Матрона Григорьевна Чучкова сочеталась браком с Башкировым), 1896 (Надежда Васильевна 21-го года), 1900 (уволенный в запас армии солдат Василий Иванович 28-ми лет; крестьянин Федор Григорьевич 23-х лет, расписавшийся как **Чуцков**), 1911 и мн. др. В протоколах парторганизации Бемьжской МТС в 1950, 1956 гг. фиксируется М.И. Чучков [110].

Фамилию *Чучков* объясняют обычно через прозвище *Чуча*, *Чучка* или *Чучко* – «драчун» – от глагола *чучкнуться* «драться» (перм., сиб.) [19].

Шикшинский. Фиксируется в метрических книгах, брачных обысках и в книгах записи оглашений о вступлении в брак в 1850 (крестьянин), 1857, 1860, 1874, 1897, 1900, 1911 и в др. гг., а также в «Книге памяти» (1941–1945) [105]. Фамилия *Шикшинский* могла быть образована от *Шикшин* (можно предположить также перегласовку фамилии *Шишкин*).

Итак, в 1850–59 гг. в бемьшевских антропонимикон входит, по крайней мере, еще 30 фамилий. Основным событием этого периода является переселение крестьянских семей из Бемьжа на Кушвинский завод на Урале и последующее возвращение многих из них обратно. В конце 1850-х бемьшевские мастеровые нередко уходили на оброк, но в то же время в селе появились крестьяне-сезонники и ремесленники из дальних мест. Имеющиеся единичные фиксации некоторых людей в метрических книгах Свято-Троицкой церкви могут отражать как раз это

движение населения (см.: *Борисов, Дымов, Майоров, Мухачев, Пьянков, Рыжев, Тулаев, Усов*).

Помимо крепостных крестьян Бемьшевского завода, в 1850-х гг. в церковных записях упоминаются крепостной крестьянин «Сюгинского завода г-на Лебедева» *Д.Ф. Капустин* (именование с отчеством); церковнослужители *Арбузов, Попов, Тукмачев*.

Среди фамилий, появляющихся в церковных памятниках только с 1850-х гг., имеются такие, что могли быть образованы из отчеств на -ич: *Тюничев* (1859) и *Фомичев* (1859). Отметим, однако, что в 1824 г. фиксируются их более ранние параллели *Тюнин* и *Фомин*.

В этот период вошли в бемьшевский антропонимикон, как постоянные его члены, следующие новые фамилии: *Балакин, Горбунов, Долгов, Канигин, Курбанов, Попов, Пронин, Сержантов, Фомичев, Чучков, Шикишинский*, все они устойчиво использовались в Бемьже до конца XIX в. или даже начала XX века.

Структура фамилий этого периода следующая: 24 на -ов (-ев); 5 на -ин (*Балакин, Канигин, Капустин, Сорокин, Пронин*); одна на -ский неясного образования (*Шикишинский*). От полного календарного имени произведена всего одна фамилия – *Борисов*, да и та фиксируется лишь до 1860-х гг. От уменьшительных форм личных имен (предположительно) были образованы фамилии *Канигин* (Канига / Конон) и *Пронин* (Проня / Прохор / Прокопий). От нецерковных имен: *Капустин* (Капуста), *Морозов* (Мороз), *Сорокин* (Сорока). По названию воинских чинов – *Майоров* и *Сержантов*. Среди фамилий церковнослужителей находим одну от дохристианского прозвища *Арбузов*), одну, отражающую принадлежность к духовному лицу (*Попов*) и одну удмуртскую (*Тукмачев*).

В 1850–59 гг. продолжали использоваться многие другие фамилии, первые фиксации которых приходятся на предыдущие десятилетия: от XVIII в. – *Абрамов, Агапов, Андреев, Васильев, Воеводский, Гаврилов, Егоров, Ефимов, Иванов, Калинин, Корнилов, Лебедев, Осипов, Петров, Романов, Смолин, Терентьев, Титов, Федоров, Яковлев*; от первой половины XIX в. – *Айдашев, Александров, Анкудинов, Бабаев, Барзымов, Башкин, Башкиров, Бернатов, Бонькин, Ботохин, Бускин, Бусыгин, Бычков*,

Вдовин, Векшин, Волков, Галеев, Герасимов, Горбушкин, Данилов, Демин, Димитриев, Дранков, Духтанов, Енаторов, Зимин, Кабанов, Казаков, Камаев, Колесников, Корягин, Костин, Кривов, Крохин, Куимов, Кулаков, Куреннов, Кусекеев, Лазарев, Лапин, Лашенков, Лоханин, Майнов, Макаров, Макарчиков, Мастеров, Миронов, Михайлов, Модин, Монанов, Морданов, Мурашов, Набоков, Непогодин, Николаев, Огурцов, Павлов, Пальчиков, Парфилов, Пахомов, Пинисов, Подгорнов, Потанов, Потехин, Разумов, Ракмашов, Рогожин, Секерин, Селиверстов, Сомов, Соснов, Спиридонов, Сухов, Танаев, Тихонов, Трусов, Тюнин, Усачов, Федотов, Фомин, Хабаров, Червяков, Чернов, Чичканов, Чувьгин, Чуманов, Шабалин, Шахтыров, Шелованов, Шипелев.

Варьирование фамилий, фиксирующихся с 1850-х гг.: *Балакин / Балатин (1864), Канигин / Каныгин (1864), Чучков / Чуцков (1900).*

Обращает на себя внимание большое наличие отпрзвищных или близких к ним (более 50 % от общего числа): например, по внешнему виду – *Балакин, Горбунов, Долгов, Усов*, по особенностям поведения – *Пьянков, Чучков*, по цвету волос – *Рыжнев* и др. Немало профессиональных – *Попов, Пресняков, Кушнов* («кушной мастер»). Нерусского происхождения – *Курбанов, Тукмачев, Тулаев, Чабаев* (большинство из них – по одной фиксации).

ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ И ФАМИЛИИ КРЕСТЬЯН-СЕЗОННИКОВ

В 1860 г. на Бемышевском заводе добывали руду 100 крепостных крестьян и 50 вольнонаемных, на рубке, вывозке дров и углежжении работали по 80 человек тех и других [2: 106]. В селе в это время было 322 дома, в которых проживало две с лишним тысячи жителей. Кроме того, появилось два новых починка и две деревни, куда переселилась часть крестьян из Бемыжа. В метрических книгах Свято-Троицкой церкви упоминаются, например, починок *Калугина* (1875 г.) и починок *Кузнецов* (1878 г.). Починок – слово севернорусское по происхождению, оно называет новоустроенный поселок или деревню.

В пореформенное время в Удмуртии вообще появилось много новых населенных пунктов; русские переселенцы «проникали в глубинные места междуречья Камы и Вятки, где были до этого компактные поселения удмуртов» [53: 143–144]. И в метрических книгах за 1860-е гг. на Бемышевском заводе нередко фиксируются приезжие люди: крестьянин *Иванов* из Кукмора Мамадышского уезда, мастеровой Ижевского завода *А.О. Романов*, «крестьянский сын» из Уржумского уезда *Винокуров* (1860), мещанин из г. Нолинска *Овечкин* (1863), служащий из Чистопольского уезда села Сергиевского *Логинов*, «крестьянская дочь» из Лубян *Дранкова* и др.

Реформа 19 февраля 1861 г. отменила крепостное право. По манифесту «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и «Положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» крестьяне получали личную свободу, ряд гражданских прав, возможность переходить в другие сословия, хотя сохранялось их прикрепление к месту жительства, к общине. Также они были обязаны нести рекрутскую, подушную и другие повинности [Семин: 225-226]. Во всех населенных пунктах во время обнародования манифеста были предприняты необходимые меры для предотвращения возможных крестьянских волнений, а заподозренных в недовольстве высылали в Сибирь, в Тобольскую губернию [21: 168].

На частных горных заводах и промыслах на основе «Дополнительных правил о приписанных к частным горным заводам людям ведомства Министерства финансов» были отменены крепостнические отношения; горнозаводские работники всех категорий получили личную свободу и освобождение от обязательных работ на заводах [30: 257]. На Бемышевском заводе освобождению подлежал 731 человек; но кроме того здесь числилось еще 429 наличных душ, включая переселившихся с Урала кушвинцев. «На волю» еще до этого были отпущены 10 крестьян, а 54 человека проживали к этому времени в деревнях Лубяны, Куськино, а также Коневском и Сюгинском стекольном заводе [2: 119]. В 1861 г., во время оформления уставной грамоты по раскрепощению, на Бемышевском заводе были образованы два общества - Бемышевское и Новокушвинское.

Хозяин завода умышленно затягивал сроки освобождения, в связи с чем *Т. Бонькин* от имени всех остальных крестьян писал прошение мировому посреднику (набело переписал крестьянин из села Можги *Н. Набоков*) [2: 118–119]. В 1862 г. бемышевские крестьяне, потеряв всякую надежду на приобретение достаточных земельных наделов, начали разрабатывать под пашни лесные и малоудобные площади. В одной из своих жалоб они писали: «Нигде не можем найти правды и правосудия». Доверенные от общества мастеровых *Е. Панисов* и *В. Романов* ездили в столицу с просьбой вернуть земельные отрезки, но первого арестовали, а второго отпустили домой ни с чем [2: 120]. Повсюду в России во время волнений 1860-х гг. наиболее активными в среде крестьян были отставные солдаты или побывавшие на заработках крестьяне, кругозор которых был шире, чем у остальных [1: 12].

Уставная грамота по Бемыжской волости была введена только в конце февраля 1863 г., а уже в марте, по наступлении выхода из крепостной зависимости, мастеровые, не согласившись работать на прежних условиях, покинули завод и «затем совершенно оставили работы» [53: 90].

Можно взглянуть на эту непростую ситуацию и с другой стороны – глазами самого заводовладельца. В книге «История медеплавильной промышленности России XVII–XIX вв.» А.В. Черноухов говорит о том, что хозяин Бемышевского завода

в своем заявлении, написанном в это время, объективно отражал мнение подавляющего большинства уральских горнозаводчиков, прямо заявляя о том, что люди «на горные работы смотрят с крайним отвращением, никто из них не желает работать в рудниках»; «всякий специалист, близко знакомый с горнозаводским делом, вполне согласится с тем, что горнозаводское население получило в безвозмездное пользование значительное количество земли и прочно установило земледельческое хозяйство, невозможно уже удерживать производительность заводов в тех размерах, которые достигнуты были при обязательном труде. Нет рабочих рук, этой важной силы, этого незаменимого подспорья для заводов, тут и капитал уже теряет свою могучесть» [92: 88]. Из этого заявления заводчика, пишет автор книги, «становится совершенно понятным желание многочисленных предпринимателей прекратить медеплавильное производство после отмены крепостного права» [92: 88].

В Граховской волости Елабужского уезда в имении А.Е. Лебедева, по якобы «добровольному» соглашению с помещиком, крестьяне отказались от полного надела и все 298 ревизских душ перешли на «дарственный» (то есть бесплатный) надел – по одной десятина. Сами крестьяне называли такой надел «сиротским» [53: 85; 30: 256].

После 1861 г. в Бемьже была открыта школа, хотя до этого отдельные крестьяне разными путями самостоятельно приобретали грамотность [2: 108]. Инициатором создания на Урале горнозаводских школ еще в 1730-х гг. был В.Н. Татищев. Школа, которая была создана в ходе реформ в соответствии с уставом 1864 г., стала всеобщей, то есть в нее допускались дети всех сословий без различия звания и вероисповедания. Требования к учителям начальных школ и сельских училищ были тогда невысокими, за два - три года обучения школьники выучивались лишь кое-как читать и писать [7: 236, 239].

3 июля 1863 г. Бемьшевский завод официально прекратил работу «сроком на три года». Закрывая его, заводчик должен был выдать бывшим крепостным провианта на целый год, но снабдил только на два месяца. В пореформенный период экономическое положение крестьян в Вятской губернии постоянно ухудшалось: сокращалось количество земли и скота, уро-

жаи были низкими, уменьшалось количество хлеба, приходившегося на одного жителя [1: 7].

Но в то же время в 1860–1880-х гг. в Бемьже проводились ярмарки, функционировал базар, чему способствовало удобное расположение села – возле оживленных путей сообщения. Основным средством передвижения, доступным тогда для крестьянина, был гужевой транспорт [30: 374]. После реформы стал быстро меняться крестьянский быт, на это особенное влияние оказывало развитие сети железных дорог [6: 107].

С лета 1866 г. начались работы по подготовке к новому пуску Бемьшевского завода. С большим трудом удалось нанять 37 человек, многие из которых были отходниками из других уездов и губерний; местное население в большинстве случаев мероприятия заводчика бойкотировало. Жители села вспоминают рассказы стариков:

«Завод был, медь плавил где-ка речка сичас. Трубы стояли, дома. Трубы были, поверите, девчонки, конца им нет. Мы не видали, маненьки были. Завод каменный был» (А.А. Непогодина, 1905 г. рожд., записано в 1984 г.) [108], *«У нас раньше был Осокин завод, здесь руду выработывали. Медь выработывали. Раньше здесь барин был. Приезжали из деревён. Приезжали, работали. Месяц про-работает – дадут кило крупы, кило сахару. Вот за это и работали. Мельница тоже была. <...>А я была десяти лет, когда завод тут был. Дёржали мельницу, потом ее прорвало, стали другу ставить. Носили носилками землю, человек по пятьдесят. Рыбы очень много было. Когда мельницу-то прорвало, рыба прыгает в калужинах-то. Мы шесь вёдер принесли»* (А.А. Вдовина, 1908 г. рожд., записано в 1984 г. проф. Б.И. Осиповым) [108].

Количество работников на Бемьшевском медеплавильном заводе в разные годы [2: 105]:

Год	1795	1816	1850	1858	1866	1870	1880	1882
Основные работы	197	296	329	361	37	11	45	42
Вспомогательные работы	267	258	722	370	277	320	108	-

Как видно из таблицы, именно в 1860-х гг. количество основных работников резко сократилось. На заработки приходили крестьяне из других мест. Исследователи делают вывод о «бесспорном преобладании среди переселенцев крестьян-бедняков на протяжении всего пореформенного времени» [80: 153].

Так, в 1866 г. в Бемыже появляются братья *Акимовы* (Николай, Алексей, Василий, Матвей, Яков) из города Менделеевска, расположенного на высоком правом берегу Камы в 20 километрах от Елабуги. Менделеевск был образован в результате соединения сел Тихие Горы (приход в с. Тихогорском был уже в 1770-х гг.), Бондюга и Камашево, а вся прилегающая к Елабуге территория издавна была заселена русскими из северных районов Вятской губернии, которые рано были освоены новгородскими ушкуйниками (*ушкуй* – речное судно). «Судя по прозвищам, 30% из общего числа населения Елабуги составляли бывшие жители русского Поморья, 28% – из районов Верхнего Камья» [30: 58]. Переписи конца XVI в. говорят о том, что большинство крестьян вообще переселялось в Приуралье из северного (Двина, Холмогоры) и центрального Поморья (Вологда, Великий Устюг, Тотьма, Вага) [Ист. Урала 1989: 161]. *Поморьем* называется берег Белого моря. Вятская земля занимала одно из первых мест среди районов Поморья по темпам освоения в XVII в., интенсивно заселялось и сарапульско-елабужское Прикамье в первой половине XVII в. [30: 59, 68].

П.Н. Луппов в своей работе «История вятских сел» писал: «Об этом переселении на Вятку жителей Поморья говорят и устные предания, долго сохранявшиеся среди русских поселенцев Вятской земли во многих пунктах» [101: 180]. В семье потомков менделеевских-бемыжских Акимовых до настоящего времени рассказывается длинная семейная «сказка об Иване Соновиче», которая фольклористами фиксируется как раз в районе Карельского Поморья. Можно представить, как передавалась эта поморская сказка из поколения в поколение от прадедов – выходцев с Русского Севера к их потомкам, переселившимся на берега реки Камы в район старинного города Елабуги, как слушали ее долгими зимними вечерами бемыжские дети.

Пришедшие в Бемыж Акимовы были, по-видимому, родом из Бондюги – до сих пор в этом районе Менделеевска данная

фамилия частотна. *Григорий Алексеевич Акимов*, родившийся в Бемыже в 1927 г., любил повторять присказку – «как до *Бон-дюги*», когда хотел сказать о чем-то отдаленном.

Итак, основными, наиболее значимыми событиями 1860–69 гг. для Бемыжа были следующие: отмена крепостного права (1861), возвращение сосланных на Урал семей (до 1863), появление крестьян-отходников из других мест, очередной пуск завода (1866), окончательный выход из крепостной зависимости (1868). Добавим к этому, что весной 1869 г. Бемышевский завод был уже в который раз остановлен, так как нанятые рабочие не мирились с низкими расценками, бросали работу и уходили домой. В пореформенный период вся медеплавильная промышленность региона переживала упадок, что было обусловлено и технической отсталостью отрасли, и потерей заводчиками возможности использования дешевого крепостного труда, и отсутствием крупных капиталов или нежеланием вкладывать их в реконструкцию заводов, а также потерей не только европейского, но частично и внутреннего рынков меди из-за обострившейся конкуренции со стороны английской, австралийской и чилийской меди [13: 267–268]. Были закрыты почти все заводы Западного Приуралья.

В это непростое время появляются в селе новые люди и новые фамилии. Рассмотрим далее ряд бемыжских фамилий, впервые упоминаемых в церковных источниках **в 1860–1869 годах**.

Акимов. Фиксируется в метрических книгах и книге записи оглашений о вступлении в брак с 1866 г., когда на заработки на Бемышевский завод пришел первый Акимов (варианты фамилии: *Акимов, Екимов, Якимов*). Самая первая запись связана с бракосочетанием: *Бемышевского Завода крестьянинъ Николай Павловъ Акимовъ православный, первым браком, лета жениха – 19, Тогоже Завода крестьянка Татіана Григоріева Секерина православная, первым браком, лета невесты – 17. Поручителями были: “поженихе” – Иван Данилов Миронов и Иван Феодоров Сухов; “поневесте” – Александр Алексеев Секерин и Михаил Егоров Балакин.* Как

пишет в своей книге «Переселения в России во второй половине XIX в.» Б.В. Тихонов, «на предприятия фабрично-заводской промышленности шла прежде всего крестьянская молодежь, даже подростки» [80: 113].

Итак, первым на заработки в Бемыж пришел из Менделеевска девятнадцатилетний *Николай Акимов* (1847 г. рожд.; мой прадед – С. Ш.), женившийся здесь 15 мая 1866 г. на Татьяне – дочери Григория Алексеевича Секерина (1814 – 1886). В метрических книгах имя Николая Павловича присутствует далее в записях от 1867 (родилась дочь Евдокия, вышедшая впоследствии замуж за Абрамова Николая Михайловича в 1887), 1869 (крестил ребенка у Бускина), 1873 (родилась дочь Екатерина, вышедшая впоследствии замуж в 1896 г.), 1874 и 1875 гг. (был поручителем на свадьбах; родилась дочь Агриппина, умершая 16-ти лет от оспы), 1878 (родился и через три месяца умер сын Тимофей), 1881 (родилась дочь Матрона, в 1902 г. вышедшая замуж за Михаила Антоновича Калинина), 1883 г. (родилась дочь Ольга, прожившая не более года; крестил ребенка у Миронова), 1886 (родился сын Алексей), 1887 (дочь Евдокия вышла замуж), 1895 (был поручителем на свадьбе). Из данных записей видно, что у Николая было семь или девять детей, из которых четверо довольно рано умерли. Последнее из найденных упоминаний о нем относится к 1895 г., когда ему было 48 лет, хотя по семейным преданиям Николай был жив еще перед призывом в армию своего младшего внука Григория, то есть в 1940-х г.

Вслед за Николаем в Бемыже появляются его четыре брата: Алексей, Василий, Матвей и Яков. В 1866 г. 24-летний *Алексей Павлович Акимов* (1842 г. рожд.) женился на бемышевской жительнице Неониле Федоровне Тюниной (1833–1891), невеста была старше жениха на девять лет, поручителями на свадьбе были Секерины – новые родственники Акимовых. Алексей остался жить в Бемыже и в 1891 г., после смерти Неонилы, женился вторично – на вдове Татьяне Мефодьевне Лашенковой (1860 г. рожд.). Последняя из известных нам записей о нем – от 1895 г., Алексею было 53 года.

Всего один раз фиксируется в метрических книгах *Василий Павлович Акимов*, как поручитель на свадьбе в 1875 г. По-

видимому, это был либо самый старший, либо самый младший из братьев, оставшийся жить в Менделевске с родителями и приезжавший в Бемыж лишь на свадьбу.

В 1875 г. также в Бемыже состоялась свадьба *Матвея Павловича Акимова* (1854–1893), 21-го года, соединившегося узами брака с крестьянкой Феклой Ивановной Робетковой (1855–1891); среди поручителей на свадьбе застаем уже и его брата – Василия Акимова.

Последним в заводском селе появился «билетный солдат» *Яков Павлович Акимов* (1851 г. рожд.), 28-ми лет, с 1890-х гг. фиксирующийся в метрических книгах уже как крестьянин Бемышевского завода. Он также, как и его братья, здесь женился (в 1879 г. – на Параскеве Дмитриевне Прониной, 1855 г. рожд.). По-видимому, это был человек общительный, много повидавший, в селе у него появилось много знакомых: на страницах метрических книг «встречаем» его то на крестинах, то на свадьбах. Последняя из известных нам записей – от 1898 г., когда Яков крестил ребенка у Башкирова.

Таким образом, во второй половине 1860-х гг. в бемышевском антропонимиконе появилась фамилия *Акимов*, а в селе – одна из ветвей родословного древа менделеевских (бондюжских) Акимовых. Поскольку «переселенец-одиночка, явившийся в торгово-промышленное село, не имел на новом месте ни семьи, ни хозяйства, ни просто домашнего очага» [80: 115], пришедшие на заработки в Бемыж братья Акимовы первым делом – женились.

Акимовы приобрели в Бемыже уличное прозвище *Секерины* (сама фамилия Секерин, как уже было отмечено выше, фиксируется здесь с 1830-х гг.). Род Секериных был коренным для Бемыжа и уже весьма разветвленным к 1860-м гг. – к тому времени, когда в селе появились Акимовы, один из которых породнился с Секеринными, женившись на Татьяне. Односельчане стали «кликать» и его *Секериным*, поскольку Николай Акимов появлялся на свадьбах и крестинах вместе с тестем и другими родственниками жены. Когда братьев Акимовых в Бемыже стало много, уличное прозвание «Секерины» закрепилось именно за семьей Николая в связи с необходимостью отличать ее от семей других Акимовых.

Фамилия *Акимов* была образована как отчество от календарного имени *Аким*: «Акимов / Екимов / Якимов < Аким / Еким / Яким < Иоаким» [83: 46].

Асапов. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1864 г. Фамилия, скорее всего, татарского происхождения. Б.О. Унбегаун дает форму *Асафов* (< Асаф < Асафий) [83].

Вохмин. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1869 г., хотя носители данной фамилии проживают в Бемыже и в настоящее время. Фамилия *Вохмин*, по-видимому, топонимического происхождения – по реке *Вохме* в Вологодской губернии. Б.О. Унбегаун говорит, что «ряд фамилий на *-ин* прямо восходят к названиям рек на *-а*, первоначально они использовались как четкий географический ориентир, когда речь шла о людях, живущих на реках или пришедших с реки» (Волгин, Печорин, Свягин) [83: 114–115].

Глухов. Фиксируется в метрических книгах также только один раз – в 1860 г. Фамилия *Глухов* могла быть образована как отчество от прозвища *Глухой*, отмеченное в русских памятниках в XVI в.

Гуськов. Фиксируется в метрических книгах дважды – в 1861 и 1870 гг. Фамилия могла быть образована как отчество от прозвища *Гусёк* (< гусь).

Евфродитов. Фиксируется в метрических книгах в 1860, 1861, 1864, 1875 гг. Фамилия *Евфродитов* могла быть образована как «отчество» от имени матери (бабушки) *Евфродита*. Б.О. Унбегаун приводит фамилию Афродитин < Афродита как прозвищную от имени греческого божества [83: 180].

Кириянов. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1860 г. Фамилия *Кириянов* была образована как отчество от личного имени *Кириян* < Кирилл [83].

Киселев. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1867 г. Фамилия *Киселев* была образована как отчество от па-

тронима *Кисель* [76: 22]; это личное имя отражается памятниками письменности в XVIII в.

Кокушкин. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1862 (мастерской Кушвинского завода Кокушкин, умерший в 78 лет), 1869, 1880, 1894, 1911 (**Кукушкин**) и в др. гг. Носители фамилии Кокушкин проживают в Бемьже в настоящее время. Фамилия *Кокушкин* (*Кукушкин*) могла быть образована как отчество от прозвища по названию птицы [83], или от женского древнерусского имени *Кукушка* [76: 105], или, судя по устойчивому написанию с –о-, от ласкательного *кокушка* < *кока* «крестная».

Кормильцев. Фиксируется в метрических книгах два раза – в 1869 («управляющий завода» Никанор Яковлевич) и 1874 (он же) гг. Фамилия *Кормильцев* была образована как отчество от именованного человека по его функции – *Кормилец*. Б.О. Унбегаун приводит только форму Кормилицын (от названия женской профессии – кормилица) [83: 103].

Коштанов. Фиксируется в метрических книгах в 1863 г. и, возможно, ранее. В.А. Никонов указывает на различные возможные пути образования этой фамилии: как отчество от прозвища *Коштан* < диал. *коштан* «горлан на сходках», «плут», «доносчик», а также «ходатай по общественным делам») или как отчество от прозвища из прилагательного *каштановый* «краснолицый или рыжеволосый» [49].

Лагунов. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1866 (священник), 1888 (священник) и в др. гг. Фамилия *Лагунов* могла быть образована как отчество от прозвища *Лагун* < *лагун* / *логун* – «бочка, бочонок», «род бочонка или ушата с плотно входящей крышкой» (лагунок, лагушка, лагунчик) [70]; напр., существовали *пожарные лагуны*. Хотя можно предположить и образование по аналогии с другими фамилиями на –унов: Егунов < Егун < Егор, Федунов < Федун < Федор [83: 72], производящим в таком случае могло быть некое уменьшительное личное имя *Лагун*.

Легошин. Фиксируется в метрических книгах дважды – в 1866 и 1881 гг. Фамилия *Легошин* могла быть образована как отпрозвищная от *легоша* – «лентяй, лежебока», *легошить* – «облегчать себе работу» [69]. Хотя необходимо учесть имеющуюся в русском языке модель фамилий на *-ошин*: Игошин < Игоша < Игнатий, Лешошин < Лешоша < Лев [83: 69], которая позволяет предположить существование уменьшительного личного имени *Легоша*.

Мальковский. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1862 (умерла девица Евгения, 57-ми лет, проживавшая в Бемышевском заводе, дочь подпоручика И. Мальковского). Фамилия *Мальковский* могла быть образована как отчество от притяжательного прилагательного к фамилии *Мальков* (фиксируется у Унбегауна) [83:164].

Небускин. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1861 (среди поручителей на свадьбе были А.Ф. *Бускин* и Ф.Ф. *Небускин*), 1866, 1869, 1874, 1897 и в др. гг. Отмечен Небускин и в «Книге памяти» (1941 – 1945) [105].

Фамилия *Небускин* могла быть образована от фамилии *Бускин*, фиксирующейся в Бемыже с 1836 г. (по типу *Хорошев* > *Нехорошев*) [83: 145].

Увицкий. Фиксируется в метрических книгах в 1860-х гг. (священник) и в 1874 г. («дьяконская дочь» Увицкая). Происхождение фамилии может быть связано с *Увицким погостом* (Тверская земля), где в 1779 г. была построена церковь (погост Увицы; погостом называлось селение с церковью).

Устинов. Фиксируется в метрических книгах дважды – в 1867 и 1874 гг. Фамилия *Устинов* была образована как отчество от календарного имени *Устин* [83; 77].

Итак, в 1860–1869 гг., то есть в годы подготовки и проведения в стране крестьянской реформы, в бемышевском антропонимиконе появляется 17 новых фамилий. В это время происходит заметное движение населения: заселяются новые починки

и деревни выходцами из Бемыжа, на самом заводе появляются люди из других населенных пунктов. Бемышевский завод то прекращает свою работу, то возобновляет с привлечением труда наемных рабочих из других мест. По-видимому, большинство новых жителей села были молодыми людьми, как это видно на примере менделеевских братьев *Акимовых*, пришедших в Бемыж на заработки и оставшихся на жительство (самому младшему было 19 лет).

В этот период в метрических книгах и других документах массово фиксируются так называемые «кушвинцы» – бемышевские заводские крестьяне, насильно переселенные на уральский Кушвинский завод и самовольно возвратившиеся обратно. В просмотренных нами церковных документах называются «Кушвинского завода мастеровыми» следующие люди: *Бернатов*, *Бускин*, *Вдовин*, *Волков*, *Гаврилов* (умерший 36-ти лет в 1865 г.), *Галеев*, *Демин*, *Казаков*, *Кокушкин* (умер в возрасте 78 лет в 1862 г.), *Колесников*, *Корягин*, *Макаров*, *Непогодин*, *Огурцов*, *Тюнин*, *Усачев*, *Чичканов*. Это были люди, немало повидавшие на своем веку и занимавшие активную жизненную позицию.

В социальном отношении все они, в основном, были крепостными крестьянами (в том числе «дворовый человек Лебедева» – *Пресняков*), есть среди них и военнослужащие: *С.А. Елышев* – Бемышевского завода отставной унтер-офицер, солдат *Логинов*, отставной солдат *Сорокин*. Отметим также «управляющего завода» *Никанора Яковлевича Кормильцева* (1869).

Следует учитывать особую антропонимическую ситуацию, которая сложилась в пореформенной деревне вообще. В.А. Никонов пишет о том, что падение крепостного права принудило в числе прочих реформ «офамилить» население страны. На дореформенные канцелярии обрушилась непомерная задача – дать фамилии десяткам миллионов освобожденных крестьян, и эту задачу решали спустя рукава. Способов было три: превращали в фамилию отчество или дедичество (например, *Петр Федоров* стал именоваться *Федоров Петр Федоров*), записывали фамилию бывшего владельца; если имелась уличная фамилия, записывали ее (подчас искаженно, на слух), иногда придумывали наспех [48: 25].

В связи с этим представляется вполне возможным, например, появление в Бемьже фамилии *Небускин* именно по третьему сценарию: при записи Бускиных (первые фиксации этой фамилии относятся к 1830-м гг.) был задан вопрос о человеке из другой семьи: «Это тоже Бускин?», на что был дан ответ: «Нет, это *не Бускин*», так и записали: «Небускин» (а для неграмотного крестьянина – не всё ли равно). Косвенно это может подтвердить тот факт, что первая известная фиксация фамилии Небускин представляет собой запись поручителей на свадьбе (1861), где рядом стоят обе фамилии – Бускин и Небускин (1861 г.). Мастерские могли просто пошутить, подгуляв на свадьбе.

Большинство фамилий, появившихся в документах впервые в 1860–69 гг., имеют единичные фиксации: из 19 фамилий восемь – по одному разу, шесть – по два раза. Это, несомненно, фамилии людей, приезжавших лишь на некоторое время в Бемьж (для заработка или других дел). И только трое из данного списка обосновались в селе навсегда (Акимов, Кокушкин, Небускин).

В 1860-х гг. в бемьшевском антропонимиконе нередко обнаруживается трехчленная структура в именовании людей: *Иван Данилов Миронов* (1866), *Василий Леонтьев Чувьгин* (1861), и даже женщина – *Евдокия Иванова Чучкова* (1862) и мн. др. Это связано, без сомнения, с особым статусом этих людей как рабочих завода и членов их семей.

Среди фамилий, фиксирующихся с 1860-х гг., только три произведены от календарных мужских имен (*Аким, Кирьян, Устин*), одна фамилия соотносится с женским личным именем (фиксируется только в 1860–70-х гг. – *Евфродитов*), две фамилии на –ский/-цкий (*Мальковский, Увицкий*). Также имеются варианты записи у двух фамилий, появившихся в это время в Бемьже: *Акимов* (1866 и др.) / *Якимов / Екимов; Кокушкин* (1862 и др.) / *Кукушкин* (1911).

Фамилии, которые могли быть образованы как отчества от прозвищ, следующие: *Глухов* (по физическому недостатку), *Гуськов* и *Кокушкин* (по названию птиц – домашней и лесной), *Лагунов* (по названию бытового предмета), *Кормильцев*, *Коштанов* (по деятельности и особенностям речевого поведения). Две фамилии – предположительно с основной-топонимом – *Вохмин* (по реке) и *Увицкий* (по погосту). С иноязычной основой фиксируется одна фамилия – *Асанов*.

КОНЕЦ XIX в.: ФАМИЛИИ ПОСЛЕДНИХ РАБОТНИКОВ ЗАВОДА

В 1874 г. Лебедев снова подтверждает свое намерение пустить завод, в связи с чем к работе начинают привлекать крестьян из Мамадышского уезда Казанской губернии, в том числе удмуртов и татар [2: 122]. Так, в метрических книгах Свято-Троицкой церкви в этом году записан крестьянин Пашин из села Красная Горка Мамадышского уезда, в 1875 г. – «Мамадышского уезда крестьянин» Пресняков, в 1881 г. – мещанин Белоусов из Мамадыша и др. Однако в 1882 г. завод окончательно прекратил свою деятельность [32: 572], и в годовом обзоре Вятской губернии за этот год он упоминается в последний раз.

В 1874 г. одним из значительных событий для населения России стало введение всеобщей воинской повинности для всего населения России, заменившей рекрутскую и распространившейся на всё мужское население, достигшее 20-летнего возраста, без различия сословий. Для сухопутных войск был установлен шестилетний срок службы, а в целом сроки службы были разными в зависимости от образования: до четырех лет для окончивших начальную школу, до трех – городскую, до полутора – гимназию, до полугода – для имеющих высшее образование. Имеется немало фактов в церковных документах этого периода, свидетельствующих о военной службе бемышевских крестьян: в 1870 г. со службы из Шуйского полка возвратился в Бемыж обозный рядовой Корягин, в 1875 г. отправился на военную службу Яков Алексеевич Бускин и т.д. Солдаты, находившиеся в те годы на службе, обучались там грамоте, поскольку до 80 % призывников были неграмотными [66: 229–230]. В Бемыже в 1870-х гг. грамотными были среди 215 мастеровых и рабочих 14 % [32: 108].

В 1880-х гг. многие жители села Бемыж переселяются в новые починки. Повсеместно в Вятской губернии в пореформенный период были распространены крестьянские **промыслы**, особенно – вокруг Елабуги, сел Пьяный Бор, Бемышево и Кокшанского завода [40: 46]. «После реформы 60-х гг. XIX в. мелкие крестьянские промыслы получили могущественный толчок в процессе своего дальнейшего развития» [22: 184]. В целом

в Вятской губернии были представлены кожевенное производство, стружечные подборы, скорняжный и шубно-овчинный промысел, изделия из дерева, изготовление мебели, рам, ящиков, промыслы экипажный и тележный и мн. др. Именно в Бемышевской волости в конце XIX в. проживало большинство кустарей-веретёнщиков [40: 126]. Материалом для выделки веретён служила сухая прямослойная береза, после обточки на токарном станке изделия декоративно оформлялись. Среди кустарей, работавших по дереву, выделялись ложкари, самопрялочники, сундучники и др. В 1882 г. «Вятский кустарный отдел» на Всероссийской кустарной выставке завоевал 15 наград. К «коммерческим связям» Бемыжа в конце XIX века можно отнести посещение его купцами из ближних городов. Например, в метрической книге за 1894 г. записан купец Пшеничников из Елабуги.

В 1887–1889 гг. в Вятской губернии проводилась подворная земская перепись, в ходе которой выявлялись, в частности, места выхода переселенцев, причины переселения и т.д. Есть сообщение о том, что в 1889 г. Бемышевский завод снова горел.

Имеется и еще один знаменательный факт: в 1895–1897 гг. «в глухом селе Бемышево под негласным полицейским надзором» отбывал ссылку **Николай Николаевич Блинов** (1839–1917), священник, известный удмуртский писатель, этнограф и краевед. В своем письме к В.Г. Короленко он писал: «Мне под старость пришлось быть в ссылке, в селе, без книг, без семьи, в «подозрении» [7: 233]. В 1908 г. вятский губернатор сообщал, что Блинов «во всех слоях общества приобрел название «крайне левого» [цит. по: 100]. Историки отмечают, что Вятка и Вятская губерния были почти идеальным местом для ссылки разного рода вольнодумцев», существовала даже норма количества ссыльных, с тем чтобы обеспечить их разобщенность [29: 198]. Н.Н. Блинов, отбывая ссылку, служил в то же время священником в Свято-Троицкой церкви.

В 1897 г. была проведена всеобщая перепись населения. «Лица, проводившие перепись, пользовались присланными из столицы циркулярами, предусматривавшими образцы, в соответствии с которыми рекомендовалось заполнять переписные листы. Переписчики обычно четко владели формулой русского

официального трехчленного именованя и в процессе записи придавали разнородным индивидуальным именованям стереотипный облик. В процессе неоднократных переписей населения отрабатывался наиболее привычный, «стандартизированный» вид русских фамилий» [76: 14–15].

В метрических книгах и в других доступных для нас письменных памятниках **1870–79 гг.** были обнаружены следующие **фиксации новых фамилий** жителей села Бемышево:

Ассессоров. Фиксируется в метрических книгах дважды – в 1874 (Иван Евграфович) и 1880 гг., упоминается также в «Книге памяти» (1941–1945) [105]. Фамилия *Ассессоров* могла быть связана своим происхождением с названием гражданского чина *ассессор* – «заседатель» [19].

Баторин. Фиксируется в метрических книгах в 1875 (Г.В. Баторин) и в др. гг. Фамилия *Баторин* неясного образования: возможно, имеется какая-то связь с диалектным *бат* (*батыга, батырь*) – «лодка, выдолбленная из ствола дерева», *батырить, баторить* – «изготавливать такую лодку», отсюда – может быть *Баторя*. У Б.О. Унбегауна приведены только фамилии *Батоев* и *Батуев* < *бата*, монг. *бат* «сильный, стойкий» [83].

Дьячков. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках в 1874 (священник), 1884, 1888 (священник) гг. Фамилия *Дьячков* образована как отчество от названия лица по профессии *дьячок* [83] – помощник священника при совершении церковной службы.

Карновский. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1878 (крестьянка Бемышевского завода, 21-го года) г. Фамилия может быть нерусского происхождения.

Костромин. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1878, 1893, 1901, 1911 гг. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время. Фамилия *Костромин* была обра-

зована как отчество от прозвания человека по месту жительства – «из *Костромы*». Е.Н. Полякова называет эту фамилию среди других, появившихся в Прикамье еще в XVII веке вместе с переселенцами из северно-русских регионов [60].

Кочергин. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1878 г. («вдова Бемышевского завода конторщика»). Фамилия *Кочергин* могла быть образована как отчество от прозвища *Кочерга* – по названию кухонной утвари [83], либо от диалектного *кочерга* – «клюка, палка, посох» или использовалось как прозвище хромого, либо от диалектного же слова *кочерга* в значении «детская кожная болезнь, щетинка» [69]. Последнее значение подтверждается, в частности, данными записи диалектной речи в с. Нынек Можгинского района Удмуртии: «У детей бывает кочерга» [106].

Робетков. Фиксируется в метрических книгах в 1875 (крестьянка Фекла Ивановна Робеткова, 20-ти лет, по отцу – Маслова), 1878 и в др. гг. Фамилия *Робетков* неясного образования. Можно предположить его связь с глаголом *робеть* от *робя* (ребенок); *робеть* – букв. «быть подобным ребенку» [95].

Фамилии, впервые появившиеся в документах в 1880–99 гг.:

Бельский. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках дважды - в 1881 и 1888 (псаломщик) гг. Фамилия *Бельский* (упоминается в летописях с XV в.) топонимического происхождения – по названию города *Бельск* (в XIX в. входил в Гродненскую губ., с 1921 г. относится к Польше) или *Бельского* уезда в Смоленской губернии.

Болтин. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1880 г. (Иван Дмитриевич). Происхождение фамилии *Болтин* (в русских памятниках представлена уже в XV в.) неясное: возможно, как отчество от некоего прозвища *Болтя*; от существительного *болтня*, в XVIII в. означавшего «пустые разговоры»;

могло быть связано с диалектным словом *болтень* – «мешалка, мутовка для взбалтывания», «шест для пугания рыбы», «испорченное яйцо», а также – переносно «бездельник, тот, кто гуляет, а не работает, слоняется без дела», «враль, болтун, пустомеля» [69]. В картотеке русских говоров Удмуртии было записано существительное *болт* в значении «слово»: «Много написала ты этих болтов-то» (бемьжская жительница А.В. Титова, 1919 г. рожд.) [106].

Бурдин. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1893 г. (Акиндин Михайлович). Фамилия *Бурдин* своим образованием могла быть связана со словом *бурда* – «мутное питье» из *барда* – «гуща, остающаяся после перегонки вина». А.В. Суперанская относит эту фамилию к производным от названия пищи – *бурда* [76: 93]. В Бемьже и в других соседних с ним селах и деревнях *бурдой* называли брагу [106].

Козырев. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1897 г. Фамилия *Козырев* могла быть образована как отчество от прозвища *Козырь* – по названию головного убора [83] < диал. *козырь* «козырек фуражки», «фуражка, картуз», а также переносно «о бойком, энергичном, смелом и ловком человеке», «проворном парне», «независимом в суждениях и поступках», «франте, щеголе» [69].

Константинов. Фиксируется в брачных обысках один раз – в 1897 г. Фамилия *Константинов* была образована как отчество от календарного имени *Константин* [83; 77].

Корнеев (Корнев). Фиксируется в брачных обысках дважды в 1888 г. (в обеих формах). Фамилия *Корнеев*, скорее всего, была образована как отчество от личного имени *Корней* (Корнилий, Корнил) [77].

Лукин. Фиксируется в брачных обысках один раз – в 1898 г. Фамилия *Лукин* была образована как отчество от календарного имени *Лука* [83; 77].

Марков. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1894 г.; упоминается эта фамилия и в протоколах партийных заседаний Бемыжской МТС за 1935 г. [110]. Фамилия *Марков* была образована как отчество от календарного имени *Марк* [83; 77].

Мачихин. Фиксируется в брачных обысках в 1893 (крестьянин 27-ми лет), 1897, 1900 гг. *Ф.М. Мачехин*, родившийся в Бемыже в 1923 г., служил в составе 59-го гвардейского стрелкового полка, кавалер орденов Славы III и II степеней [34: 39]. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время. Фамилия *Мачихин* (*Мачехин*) матронимического происхождения – от слова *мачеха* (чей? – «мачехин»). Б.О. Унбегаун включает ее в группу фамилий, образованных от названий внутрисемейных отношений. А.В. Суперанская приводит формы *Мачехин* и *Мачихин* как производные от женского имени [76].

Паранин. Фиксируется в метрических книгах один раз – в 1890 г. (Матвей). Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время. Фамилия *Паранин*, скорее всего, также матронимического происхождения – от сокращенной формы женского имени *Прасковья* – *Параня*.

Рыжков. Фиксируется в метрических книгах, в книгах записи оглашений о вступлении в брак и в брачных обысках в 1880 (Михаил Васильевич), 1890, 1893 (Бемышевского завода солдат), 1897, 1900, 1912 гг. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время. Фамилия *Рыжков*, отмеченная в памятниках русской письменности в XVII в. [93: 24], была образована как отчество от прозвища *Рыжко* «рыжий» [83].

Соловьев. Фиксируется в брачных обысках дважды – в 1897 и 1900 гг. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время. Фамилия *Соловьев* могла быть образована как семинарская от существительного *соловей* (модель – «по птицам»). Б.О. Унбегаун пишет, что «частотность, с которой такие фамилии, как Голубев, Лебедев, Орлов, Соловьев встре-

чаются среди представителей русского духовенства, слишком высока, чтобы сомневаться в искусственном происхождении большинства их» [83: 175].

Филимонов. Фиксируется в метрических книгах и в брачных обысках дважды – в 1888 и 1894 гг. Люди с такой фамилией проживают в Бемыже и в настоящее время. Фамилия *Филимонов* была образована как отчество от календарного имени *Филимон* [83; 77].

Рассмотрим состав фамилий, которые вошли в антропони-микон села в 1870–1899 гг. (7 фамилий в 1870-х, 5 – в 1880-х, 8 – в 1890-х гг.). Многие из них имеют всего по одной фиксации, что неудивительно: крестьяне приезжали в Бемыж в поисках заработка и уезжали, не найдя работы. В это время в книгах бемышевской церкви записываются люди, прибывавшие из разных мест: мещанин *Крохин* из г. Макарьева Нижегородской губернии (1870), Михаил Александрович *Кулаков* из Пермской губернии Нижнетуриной волости (1870), крестьянин *Пресняков* из Мамадышского уезда (1875), крестьянин *Бугримов* из Нолинского уезда (1878), крестьянин *Набоков* из с. Можги (1880), мещанин из Елабуги Стефан Яковлевич *Лебедев* (1891).

Помимо крестьян, отметим церковных служителей и их родственников: священники *Дьячков* (1874) и *Лагунов* (1888), псаломщик *Бельский*, «дьяконская дочь» Увицкая (1874). В 1870 г. фиксируется «девка» Глафира *Мышкина*, исключенная из духовного ведомства и переведенная в крестьянское сословие. Профессиональная принадлежность указана также у следующих лиц: управляющий заводом *Кормильцев* (1874), конторщик *Кочергин*, военнослужащие и их родственники – младший фейерверкер *Курбанов* (1898), солдаты Бемышевского завода *Матвеев* и *Айдашев* (1875 и 1897), солдатская дочь *Кулакова* (1893), солдатка *Танаева* (1888), Бемышевского завода рядовой *Чернов* (1894), уволенный по билету солдат Шуйского полка обозный рядовой *Корягин* (1870), ефрейторы *Агапов*, *Потапов*, *Потехин* (1888, 1890) и «ефрейтор запасный» *Дранков* (1888), старшие унтер-офицеры

Бемышевского завода *Шабалин, Лебедев, Барзымов* (1893) и уволенный по билету унтер-офицер *Демин* (1874), младший медицинский фельдшер 139-го Моршанского полка *Титов*, 29-ти лет (1896).

Особенности антропонимов, вошедших в состав бемыжских фамилий в конце XIX в., следующие: в числе 20 фамилии более половины – отпрозвищные, соотносящихся с календарными мужскими именами – 5 единиц, две фамилии имеют матронимическое происхождение (*Мачихин, Паранин*), фамилии, соотнесенные с топонимами, впервые в истории села отражают территориально отдаленные топонимы (*Костромин, Бельский*).

В 1870–1899 гг. вошли в ядро антропонимикона села и присутствуют в нем до наших дней всего две фамилии: *Костромин* и *Рыжсков*.

БЕМЫЖ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.: ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ

В XX веке всё менялось стремительно и очень болезненно: «отношение крестьянина к земле, труду, друг к другу, власти, семье. Революция, гражданская война, коллективизация стали рубежом, концом в многостолетней истории крестьянской цивилизации в России. Уходила в прошлое целая эпоха народной жизни» – пишет В.А. Бердинских [6: 283].

Какой была в то время жизнь в Бемыже? Из протоколов заседаний Вятского губернского присутствия от 29 октября 1901 г. узнаём, что в селе были устроены специальные «магазины» для хранения зерна, «могущие вместить половину хлебных запасов» [87: 575]. Запасные хлебные магазины были в русских деревнях еще в XVII в., наполнялись они самими крестьянами на случай голода, хотя помещики и обязаны были кормить их в период неурожая.

В 1905 г. нехватка лесных наделов у крестьян Елабужского уезда (Бемыж до 1927 г. входил в этот уезд Вятской губернии) в 1905 г. привела к массовым порубкам казенного и помещичьего леса [30: 413]. На общие настроения крестьян заметно влияла тогда и агитационная деятельность политических партий – кадетов (отделение возникло в Елабуге в 1906 г.), эсеров, социал-демократов, призывавших к неплатежу податей, отказу от службы в армии. В Граховской волости «самоуправству крестьян» подверглись лесные владения частных землевладельцев, а в починке Каменный этой волости в 19 магазинах было разграблено около 20 тыс. пудов хлеба [30: 417]. 1906 год известен также как год «второго раскрепощения крестьянства», так как каждый желающий получил право выделяться из крестьянской общины, даже вопреки ее воле [30: 256].

В крестьянской жизни находилось место и для творчества. Так, в 1909 г. на Казанской международной выставке *У.Д. Елоторов* из с. Бемышево Елабужского уезда (по-видимому, имеется в виду крестьянин Енаторов) демонстрировал сапоги, сплетенные из лыка, а крестьянин *С.И. Пресняков* на той же выставке выставлял свои иконы [40: 123, 144]. В 1910 г. в Бемыже начала работать изба-читальня [34: 164]. Бесплатные избы-

читальни открывались тогда повсеместно. В более поздних по времени документах, в протоколах партсобраний Бемыжской МТС за 1935 г., находим следующее постановление: *«Привести надлежащий порядок в избах читальнях... Усилить уют, проводить подшивку газет, содержать в чистоте и опрятности помещения»* [110].

В книгах «Записи оглашений о вступлении в брак» за 1911–1913 гг. жители села называются то как «Бемышевского завода крестьяне», то уже как «крестьяне села Бемышево (Бемышева)» [107].

Наступил 1917 год. Житель с. Бемыж Иван Павлович Вдовин (1908 г. рожд.) рассказывал об этом времени: *«Повидали много, дак чё толку-то. Возлились в сельском хозяйстве. Земли имели под гектар – мало. Приходилось прикупать землю-то, сеять в деревнях. В семнадцатом году – революция. На душу землю делили, сколь едоков, по едокам делили»* (записано в 1984 г.) [108]. На зиму и весну 1918 г. пришелся пик конфискационных мероприятий, которые охватили все уезды Удмуртии, были национализированы Бондюжский и Кокшанский химические заводы. На сходах в Граховской, Можгинской и других волостях было вынесено решение о немедленной передаче волостным исполкомам частновладельческих мельниц и маслобоек [31: 48–49].

В период Гражданской войны положение крестьян ухудшилось в результате выкачивания продовольственных ресурсов для обеспечения армии и городов [36: 34]. Жительница села Бемыж Анна Андриановна Вдовина (1908 г. рожд.) вспоминала: *«Отец-то в ерманску войну, в ту еще, на фронте был. Два немца в плену были у нас в Бемыже. И вокурат идти на пруд – оне тут жили. Трость у них была, пальто длинное, а сзади прореха. Пришли к нам, говорят: «Нам кур бы колотых купить». Порусски говорят. Мать говорит: «Щас нету, а к вечеру приходите. Полтора рубли курица. – К вечеру двух заколола. Оне ушли. На другой день идут, я им пою: «Ты ерманец – уборванец, из-за вас идет война, мово тятеньку угнали, я осталася одна». Оне говорят: «Щас мы вас не возьмем, а ваши дети вырастут, мы вас тогда возьмем»* (записано проф. Б.И. Осиповым в 1984 г.)

[108]. Она же рассказывала следующее: *«Белые на красных наступали, у нас солдаты стояли. Кашу гречневую варили. Узорничали больно»* [108].

В конце гражданской войны деревни Вятской губернии состояли на три четверти из однолошадных дворов, сокращение количества рабочих лошадей вело к сокращению посевов [36: 39]. В мае 1919 г. дивизия под командованием В.М. Азина заняла Бемыж, преследуя армию Колчака [34: 31–32]. И.П. Вдовин вспоминал: *«В девятнадцатом году Колчак пришел, подводы забрал, и лошадь забрал, и уехать не сумели. Я лошадь оставил и домой пришел»* (записано в 1984 г.) [108].

В 1920 г. церковно-приходская школа в Бемыже была реорганизована в семилетку [34: 117]. В этом же году село стало называться *Троцкое* (в честь Льва Троцкого), в 1924–1929 гг. здесь располагался административный центр укрупнённой Троцкой волости [71: 113].

В 1921 г. в Удмуртии случилась засуха, а в июне всходы на полях и огородные посадки побил градом, в июле прошли лесные пожары. Нехватка кормов повлекла за собой падеж скота. Неизбежными спутниками голода явились эпидемии, в области тем же летом вспыхнул тиф и не прекращался в течение следующего года, вслед за ним пришла эпидемия холеры [36: 50]. Областное статистическое бюро в отчетах сообщало: *«В июне 1922 г. хлеб в чистом виде в большинстве хозяйств абсолютно отсутствовал, 40 % питались хлебом с примесями и 60 % – исключительно суррогатами... вплоть до глины»* [31: 112]. В 1921–1922 гг. население, лишённое полноценных продуктов питания, употребляло в пищу семена лебеды, гнилушки, кору и т.п. [Клишева: 51], в муку примешивали лебеду, ели лебеду с мякиной и березовой корой. Жительница с. Бемыж Шахтырова Евдокия Егоровна (1903 г. рожд.) вспоминала о том тяжелом времени: *«А жрать нечево было: вот кисленки нарубишь, её смелишь сходишь – стряпаш стряпеньки, состряпаш колабашки, щас сказать – булочки, она рассыпится. ...Оне ить распадаются, муки-то ить нет, одна эта тока – кисленка»* (записано проф. Б.И. Осиповым в 1984 г.) [108].

И.П. Вдовин рассказывал: *«В двадцать втором взяли в армию. С двадцать четвертого года по борьбе с басмачест-*

вом отравили нас. Демобилизовали домой, банду разбили. Четыре курбаша разбили, раньше курбаша-те главари были. По сто, по сто пятьдесят человек шайка-то» [108].

Для активизации заготовок хлеба в январе – феврале 1928 г. на территории Удмуртии проводились пятидневки хлебозаготовок, организовывались красные обозы [31: 178]. Крестьянское сопротивление продразверстке, принимающее крайне агрессивные формы, получило официальное название «кулацкие бунты» [36: 84]. В 1928 г. в дер. Макаровке Граховской волости был убит мерщик, который проводил землеустройство [31: 181]. Весной – летом 1928 г. бедняцко-средняцкие хозяйства получили семенные ссуды и частично были освобождены от налога. А.А. Вдовина (1908 г. рожд.) рассказывала: *«Хлеб жать надо, в поле едем – всё в сундуки. И чтоб не сгорело, на замочек в кладову везём, кирпичну. Полна кладова сундуков наберется. Раньше страховки не получали ведь» [108].*

Осенью 1928 г. в деревни Удмуртии на временную работу были присланы 25 бригад и 184 ответственных работника. В 1929 г. райзавком отправил в районы Удмуртии еще 713 человек. Многие члены бригад были вскоре избраны на различные должности и остались на постоянную работу в деревне [31: 180]. В том же году в половине селений области были проведены земельные переделы, у «кулаков» отобрали 60 тыс. га лучших земель; было образовано более 240 новых колхозов [31: 181]. Жительница Бемыжа Ёлышева Мария Петровна (1907 г. рожд.) рассказывала: *«В девках была, раскулачивали нас. Отсылать – не отсылали. Дядю совсем выслали. Суп стоял – супу не дали поест. Горя много натерпелась» (записано в 1984 г.) [108].*

В 1929–1930 гг. коллективизация в стране приняла стремительный характер. В Бемыже колхоз был образован в 1928 г., его назвали «Бедняк» [34: 164]. И.П. Вдовин вспоминал: *«Потом колхоз образовался, в тридцатом-то году. Я в колхозе уж был. Пришлось у богатых то клевы ломать, то чё. В тридцатом году конюхом был, потом шорником был, сбрую чинил, хомуты, седёлки налаживал. Перевели заведующим свиноводческой фермой. Свиной ликвидировали, продали в другой колхоз, в Верхний Бемыж. После свиной-то бригадиром три года был. После бригады-то уж заместителем председателя колхоза*

тоже три года был. Потом меня перевели на склад, на складе проработал восемь лет. Потом пришла машина «Остри», заставили сортировать зерно. Сейчас уж лежит на складе, на свалке. Хороша была, хорошо очищала» [108].

Жительница Бемыжа Танаева Анастасия Ивановна (ок. 1930 г. рожд.) вспоминала о своем отце - коммунисте: *«Папа-то не верил в Бога, коммунист был, людей в колхоз загонял, а все на его сердились, женщины сердились. Всё завоевывал жизнь, а детей оставил сиротами. Всё говорил: «Настенька, я никогда не умру». Не тюрьма, так живой бы был, может»* (записано проф. Б.И. Осиповым в 1984 г.) [108].

В 1929 г. Троицкая волость была упразднена и село вошло в состав Граховского района [71: 114]. Определенную роль в преобразовании сельского хозяйства сыграли тогда машинно-тракторные станции (МТС) – государственные предприятия, производившие в колхозах сельскохозяйственные работы по договору за денежную и натуральную оплату. МТС стали центрами «пролетарского» влияния на крестьянское население и просуществовали до конца 1950-х гг. [31: 191]. В Бемыже МТС была организована в 1935 г., она обслуживала 33 колхоза [34: 63].

2 марта 1933 г. село Троицкое стало называться село Бемыж, в 1935 г. колхоз «Бедняк» переименован в колхоз им. Куйбышева, и с 1935 по 1956 гг. здесь располагался административный центр Бемыжского района. В феврале 1935 г. был образован Бемыжский райком партии.

Засуха 1936 года принесла новый голод, ели падаль, гнилую солому, древесину; снова разразилась эпидемия тифа [31: 191]. Танаева Анастасия Ивановна (1930 г. рожд.), жительница с. Бемыж, рассказывала: *«А мать тифом умерла. Я видела маму, помню»* [108].

29 марта 1939 г. в Бемыже была закрыта церковь. Историк В.А. Бердинских пишет, что именно в 1930-х гг. началось «полное уничтожение всей крестьянской цивилизации России» [6: 28]. Жительница Бемыжа А.А. Вдовина вспоминала: *«Раньше в церкви отпевали, кстили, венчали. Перед войной поставили новый клуб, он сгорел, и вот церкву нарушили, клуб в ей топерь. Было колоколо, цела тонна, и вот его сняли, и взяли его разбили.*

А то где загорит, как зачнут бомкать – все на ногах, все на улице. А теперь сгорит и не услышишь. Дежурили по ночам. Идешь дежурить, подсолнышки берешь в карман. Ходишь, брячишь, что идет караульщик. Отдежурили, отметимся, что караулили. А совецка влась до чего распустила народ: воруют – ничё, убивают – тоже не ищутся уж. А которы мужики снимали колокола-ти, их поразило. Так и надо! Один ходить даже не мог.» (записано проф. Б.И. Осиповым в 1984 г.) [108].

В 30-х гг. не останавливалась заведенная машина репрессий, врагов народа «находили» во всех районах [31: 200]. Не отставали и бемьжцы в поисках «контрреволюционеров», отыскивая «врагов народа» среди своих односельчан. Из протоколов районных партсобраний Бемьжского райкома ВКП(б) 1935 г.: «Решение: Выправить и искоренить из рядов нашей парторганизации замаскировавшиеся остатки белогвардейщины, двурушников...»; «нужно бороться с вылазками остатков классового врага»; «Я вношу предложение просить правительство всех контрреволюционеров троцкистско-зиновьевского блока расстрелять»; «в нашем колхозе есть бывший раскулаченный кулак, который ведет разлагательскую работу среди колхозников... Сам теперь в колхозе не работает, а ходит удить на Умяк»; «есть контрреволюционные враги при селе Бемьже» [108]. Позднее жительница села Е.Е. Шахтырова вспоминала: «*Не все ить в колхоз шли. Мы-то, мы с мужиком, желали в колхоз ийти. А старики нас не пускали. Не заходили мы в колхоз. Вот, дедушка не пускал. ...А ийти надо всё равно в колхоз, как хошь. Лошадь отобрали у нас, корову отобрали. Всё. А его, дедушку, за лог садили, водили в этот, в тюрьму. Етта тюрьма была у нас»* [108].

Всего за пять лет (1930 – 1934 гг.) в Удмуртии было осуждено 56913 человек, большое количество репрессированных – из аграрной сферы [64: 174-175]. Житель Бемьжа Алексей Николаевич Акимов (1886 – 1964) в 1931 г. отсидел год в тюрьме в с. Грахово как «крепко-зажиточный» и имевший двух лошадей, несмотря на то что он сразу признал советскую власть, а все четыре его сына служили в Красной армии. Ходатайство о помиловании было удовлетворено 25 августа 1932 г., в справке говорилось: «...из группы твердооблагаемых исключить и вос-

становить в группу середняков, как семью красноармейца” [из семейного архива].

Вся жизнь *Алексея Николаевича Акимова*, коренного бемыжанина, была наполнена трудом. В конце XIX в. он закончил четыре класса бемыжской церковно-приходской школы, стал грамотным человеком, любил читать Библию, был избран церковным старостой. Здороваясь, всегда кланялся в пояс: “Здравствуй, понимаешь”. Никогда не пил и не курил. Женился на дочери зажиточного хлеботорговца *Татьяне Михайловне Федотовой* (1886–1949), которая, по воспоминаниям родственников, была доброй, трудолюбивой и «бойкой» женщиной. Алексей Николаевич умело столярничал (был подрядчиком по плотницкой части), вставлял односельчанам оконные стекла, сеял у бедняков исполу землю, торговал хлебом, имел лошадей, молотилку у, пасеку. В его просторной пятистенной избе по улице Куйбышева останавливались на ночлег проезжающие торговцы хлебом. При доме был большой огород с садом, где рос крыжовник, в просторном дворе – конюшня и крепкие амбары.

Дом Алексея (находился на левой стороне улицы Куйбышева от въезда в село, сейчас на этом месте пустырь) имел вид настоящей русской избы: в «сенцах» справа от ступенек стояли вёдра с водой; невысокая дверь слева вела в “холодную” комнату, где хранились продукты. Дома русских жителей Урала всегда были близки к постройкам Русского Севера; избы, рубленные из елового или соснового леса, ставили на выский подклет; к жилой части примыкали сени и клети, используемые в хозяйственных целях [32: 253].

Жилое помещение в доме Акимовых состояло из одной комнаты, в которой выделялась кухня (“упечь”), где готовили еду для себя и для скотины и где с потолка свешивались цепи, на которых покачивался средневекового вида чугунный умывальник, похожий на чайник с двумя носиками, под ним стоял таз. Остальное место в избе занимали широкие лавки вдоль стен, стол, иконы

в переднем углу и высокая кровать слева от двери. Умер Алексей Николаевич Акимов в 1964 г. от кровоизлияния в мозг, похоронен на Бемыжском кладбище.

У Алексея и Татьяны Акимовых было пятеро детей – Иван, Михаил, Василий, Прасковья и Григорий. Старший сын *Иван Акимов* (1906 г. рожд.), был женат на “кулацкой дочери” Надежде Федоровне, по характеру был спокойным, несколько даже мрачноватым, хозяйственным человеком. В Великую Отечественную войну воевал и пропал без вести. *Михаил Акимов*, в отличие от старшего брата, был человеком веселым, «ухарем». Перед войной он служил в г. Рыбинске, где у него украли пистолет, за что он был разжалован до рядового. Во время войны Михаил был в пехоте, стал кадровым военным, офицером, воевал с басмачами в Туркестане. После войны вернулся в Бемыж без руки, с туберкулезом легких, пристрастился к водке. Однажды он пошел в бемыжский исполком требовать тёсу на дом, но при этом за пояс заткнул топор, возможно, угрожал им, за что на сутки бал забран в милицию, хотя и тёсу дали. Позднее лечился в ижевском госпитале, там и умер в 1950 г. Третьим сыном Алексея Николаевича был *Василий*. Он был эпилептиком, его мучили припадки, и в 1939 г. он захлебнулся в бемыжском пруду во время рыбалки. Единственная дочь *Прасковья* (Паня), по воспоминаниям, была красавицей, но также рано умерла (лет 13-ти), угорев в бане.

Младший сын Алексея Николаевича *Григорий Акимов* (1927–1975) прожил короткую, но добрую жизнь. В бемыжской семилетке он учился очень легко: заданные на дом задачи решал в уме еще по дороге из школы домой. Он рассказывал, как однажды шли они с ребятами из школы, а навстречу – отец Васи Чучкова, они его спрашивают: “Чего Васька в школе не был? Мы сегодня дроби проходили!”. На что тот ответил: “У, пан-де-бать, дроби! Мой Васька порох знат!”. Гриша был веселым и жизнерадостным парнем, за что имел прозвище *Гриня Бодро*. С детства он очень любил петь,

пел на школьных вечерах, в кругу друзей, на сцене Бемьжского Дома культуры. В 1941 г., закончив семилетку, работал в колхозе землемером, активно участвовал в комсомольской работе, в 1944 г. был делегатом районной комсомольской конференции. Затем – учеба в лётном училище в г. Троицк Челябинской области, где он получил специальность “механик самолетов”. Служба проходила сначала в Северной Корее, потом – на Дальнем Востоке, в Приморье, в лётном гвардейском полку. Служил механиком, был комсоргом полка, затем – секретарем политбюро лётной части, был отличником боевой и политической подготовки. Все годы службы Григорий – запевала в хоре полка, участник театральных постановок. В 1949 г., получив отпуск в связи с болезнью матери, приехал в Бемьж, где посватался к медсестре Тамаре Николаевне Уваровой (1928–2011). В 1951 г., во время очередного отпуска, они поженились и вместе уехали на Дальний Восток. Там родилась первая дочь – Светлана (автор этих очерков). В 1956 г. семья по настойчивому требованию отца (Алексея Николаевича) вернулась в Бемьж. Григорий демобилизовался в звании лейтенанта. В Бемьже Акимовы поселились поначалу в доме Алексея Николаевича.

С 1956 г. Григорий Алексеевич Акимов был избран секретарем партийного бюро первичной организации Бемьжской МТС. Из протокола: «Акимов Г.А., 1927 г. рожд., русский, образование 9 классов, член КПСС с 1949 г.». От МТС выделили отдельную квартиру на втором этаже двухэтажного наполовину кирпичного дома, который и до сих пор стоит слева недалеко от въезда в село. В Бемьже Григорий Алексеевич стал активным участником сельской художественной самодеятельности. В районной газете о нем писали: “Голос его стал богаче и сильнее. В свой репертуар Акимов включает сложные классические вещи, такие, как партия Карася из оперы “Запорожец за Дунаем”, “Сомнения” Глинки, “Мельник” Даргомьжского”. В 1957 г. в составе делегации от Удмуртии он выступал на фестивале Уральской зоны

в Свердловске; позднее пел на ВДНХ в Москве, откуда привез грамоту, бронзовую медаль и премию – тульское охотничье ружье; в Москве он выступал также на заводе “Калибр”, в Колонном зале Дома Союзов, в Кремлевском театре перед депутатами Верховного Совета РФ (в составе удмуртского народного хора).

Жизнь в послевоенном Бемьеже была ключом. Было много молодежи, каждое воскресенье стряпали пельмени, ходили друг к другу в гости. 12 июля 1958 г. у Акимовых родилась вторая дочь – Татьяна, названная так в честь рано скончавшейся матери Григория. В этом же году семья переехала в поселок Кизнер, куда Григорий Алексеевич был переведен директором Районного дома культуры (РДК). В Кизнере он закончил 11 классов вечерней школы, заочно поступил в Ижевский сельхозинститут, но по состоянию здоровья завершить учебу так и не смог.

Годы работы Акимова в должности директора Кизнерского Дома культуры были временем его активной творческой деятельности. Регулярно совершались выезды агитбригад в колхозы района. Во время ежегодных смотров художественной самодеятельности зал Дома культуры всегда был переполнен. В новогодние праздники на площади перед Домом культуры, на которых Акимов неизменно исполнял роль Деда Мороза, собирались все жители поселка от мала до велика. Талант его проявлялся во многих областях: он не только прекрасно пел, но еще и хорошо рисовал и был одарен артистически. В 1960 г. Григорий Алексеевич на кизнерской сцене исполнял роль Дикого в драме Н.А. Островского “Гроза”.

За активное участие в развитии художественной самодеятельности Г.А. Акимов неоднократно награждался почетными грамотами разных государственных организаций – Кизнерского отдела культуры исполкома райсовета, дирекции Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького в Ижевске, Президиума Удмуртского обкома профсоюза работников культуры, Президи-

диума Верховного Совета Удм. АССР, Министерства культуры УАССР. Позднее Акимов работал инструктором в Кизнерский райкоме партии, много ездил по району. Некоторое время заведовал районным отделом культуры. В 1963 г. был награжден Благодарственной грамотой общества по распространению политических и научных знаний РСФСР. При этом он продолжал оставаться активным участником художественной самодеятельности, ежегодно выступал не только на районных, но и на республиканских конкурсах. В 1967 г. вновь был награжден Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета УАССР, в 1968 и 1970 гг. ему были вручены Дипломы оргкомитета республиканского фестиваля Удмуртии. В 1968 г. в газете “Советская Удмуртия” была опубликована статья о нем.

Но потом Григорий Алексеевич серьезно заболел, в Киеве ему сделали операцию на сердце. Как он сам полагал, сказалась детская простуда: когда-то на Бемьжском пруду он провалился в полынью, простудился и всё лето проходил в валенках, была сильная ангина. Весьма показателен следующий эпизод: однажды в Кизнере в дверь к Акимовым постучали и вошла приехавшая “в район” колхозница: “Мы слышали, Лексеич, что ты болеешь. Вот я тебе носки связала”. Его действительно все любили и уважали.

В 1975 г. Г.А. Акимов скончался и был похоронен на кизнерском кладбище. Кто знал Григория Алексеевича, помнит его как веселого, жизнерадостного человека с неиссякаемым запасом юмора, обаятельного, доброго и ответственного, человека с чистой совестью, остро переживавшего при столкновении с несправедливостью, ложью, лицемерием, человека высокой культуры и широких знаний.

В 1930–40-х гг. в Бемьже была развернута борьба с неграмотностью. Из протоколов партсобраний Бемьжской МТС 1935 г.: «...молодежь из-за неграмотности занимается антисоветскими частушками») [110]. В 1938 г. были открыты ясли и детсад

[34: 132]. В 1940 г. в двухэтажном доме раскулаченного И.В. Чернова размещались библиотека, типография и редакция газеты «Колхозное знамя» [34: 164].

В 1940 г. в сельской местности в Удмуртии действовало 126 киноустановок [79: 100]. Старожилы Бемыжа еще помнят вечерние кинопоказы под открытым небом на базарной площади, куда зрители приходили со своими табуретками и с удовольствием смотрели на светящийся в темноте экран, отмахиваясь от комаров.

В военные годы повсюду большой объем работ в селах выполняли женщины - они были на полях, на фермах, в руководстве. М. Есипова из Бемыжской МТС вспахивала по 5 га земли при норме 4,24 га. Рогожина Юлия Петровна (1908 г. рожд.) вспоминала: *«Я в колхозе-то больно работала. И конюхом работала, и везде работала, дирехтором тока не была. Детей всех-ту шесть штук, накормить, одеть надо»* [108].

И.П. Вдовин рассказывал: *«В сорок первом взяли в армию, тридцатого августа взяли. Пробыл до сорок шестого году. На Калининском фронте был. В сорок втором году ранило, ногу перебило, обе кости. И попали в окружение. Вот и в плен попал, не сумели меня вывести. Девятого меня ранило, а восемнадцатого в лесу валялся раненым девять суток. Думал – червяки съедят. Потом женицины трофеи собирали и вытащили меня в деревню»* [108].

В самом Бемыже в 1941 г. располагались два стрелковых батальона и одна саперная рота [34: 35]. Тяжелую ситуацию с работниками на селе несколько смягчило прибытие эвакуированных [31:241]. В 1941–42 гг. в Граховском районе размещались эвакуированные 20-ти национальностей (больше всего было поляков). В Можге на 1 января 1942 г. находилось 1320 человек эвакуированных, в Граховском районе – 498, на 1 февраля 1943 г. в Бемыжском районе – 1850, в Граховском – 1450. А.А. Вдовина рассказывала: *«А в эту войну не было у нас немцев. Японцев по селу гоняли, прогоняли куды-то дальше»* [108]. После июля 1943 г. численность эвакуированных стала сокращаться, а через некоторое время началась и реэвакуация [31: 267–268].

Танаева Марья Ивановна (1902 г. рожд.) вспоминала: *«Четыре брата было. Всех братьев на фронте убили, погибли. Корни таскали да ели в войну»* [108].

История Бемыжа и уникальна, и типична для сёл России. Ее уникальность – в прошлом этого села, в происхождении его первых жителей, а также – в особенностях бемыжской речи и составе бемыжских фамилий. Типичность же в том, что люди, жившие и живущие на этой земле, – большие труженики, пережёвшие все тяготы разрухи и войны, социальных потрясений.

Фамилии этих людей уходят вглубь истории, отражают характеры бойких на язык и на дело мастеровых людей и их заводские профессии.

ПЯТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ СЛОЁВ БЕМЫЖСКИХ ФАМИЛИЙ

В современном российском обществе фамилия связывает человека с родителями, дедами и прадедами. Приходя из глубины веков как значимая весть от предков потомкам, она сообщает нам нечто о нас самих, указывая на наши корни. Фамилии жителей старинного русского поселения – это как шкатулка с драгоценностями, в которой хранятся и нитки простых бус – фамилии, связанные своим происхождением с календарными именами (*Иванов, Петров, Сидоров*), и самодельные перстеньки да колечки – отпрозвищные, диалектного происхождения фамилии (*Бусыгин, Чувыгин, Чуманов*), и сработанные под античное золото и серебро искусственные фамилии духовенства (*Виноградов, Капачинский*), и заморские диковинные браслеты – фамилии с иностранными корнями (*Ракмашов, Лашенков*), и национальные экзотические украшения – фамилии этнического происхождения (*Башикиров*).

Мы обратились к истории антропонимикона старинного русского села Бемыж, возникшего как поселение при медеплавильном заводе в середине XVIII века. Источниками антропонимического материала послужили рукописные книги Свято-Троицкой церкви села Бемыж, хранящихся в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР, фонд 72, опись 1): *Метрические книги* (1825–1902 гг.), *Брачные обыски* (1888–1901 гг.), *Духовные росписи* (1798–1835 гг.), *Записи оглашений о вступлении в брак* (1911–1913 гг.); а также данные некоторых деловых памятников – рапортов, жалоб и т.п. (1755–1799 гг.), цитируемых в работах современных историков.

В доступных для нас записях второй половины XVIII в. упоминается уже 35 фамилий крепостных крестьян и других категорий «работных людей» Бемышевского медеплавильного завода, а также 2 фамилии заводовладельцев. Основными событиями этого периода были пуск завода (1756 г.), переселение крестьян с Кунгурских соляных промыслов (1760-е гг.), перевод крепостных из Нижегородской губернии и Свяжского винокуренного завода (1790-е гг.). Возможно, уже вместе с балахнин-

скими купцами в 1750–60-х гг. появились в Бемыже *Васильев, Воеводский, Гаврилов, Семенов, Яковлев*, упоминаемые в исторических документах как «заводские служители», а также приказчик *Титов*. Кроме этого, среди носителей первых бемыжских фамилий были и другие категории людей – мастеровые, куренные надзиратели, отставные солдаты.

В источниках этого времени используются только двучленные именованья (*Василий Титов, Петр Васильев, Иван Корнилов* и т.п.), вторые компоненты которых до сих пор бытуют в Бемыже в качестве официальных фамилий (*Титов, Васильев, Корнилов*). Однако являлись ли они настоящими фамилиями в тот период? В.А. Никонов утверждает, что «в документах XVIII–XIX вв. *Иван Петров, Семен Васильев* – не фамилии», «Видимое тождество с фамилиями обманчиво. Это не фамилии, а отчества» [49: 171, 220]. И все же в истории становления русского антропонимикона многие отчества – это, в перспективе, будущие фамилии. Можно с уверенностью говорить о том, что «первые бемышевские фамилии» – это «зародыши» будущих настоящих фамилий. Из некоторых разовьются позднее полноценные современные фамилии бемыжских жителей (*Абрамов, Калинин, Корнилов, Никитин, Титов* и мн. др.), другие останутся в статусе отчеств и не выйдут за пределы XIX века.

Из 37 фамилий, впервые фиксирующихся во второй половине XVIII в., 14 единиц вошли в **ядро бемыжского антропонимикона**, то есть устойчиво использовались на протяжении всей истории села вплоть до середины XX в., а некоторые – до наших дней: *Осокин, Лебедев, Абрамов, Агапов, Афанасьев, Васильев, Иванов, Калинин, Корнилов, Осипов, Романов, Терентьев, Титов, Захаров*. Добавим к ним еще 5 фамилий, фиксирующихся до самого конца XIX – начала XX в., но, насколько нам известно, не представленных в современном Бемыже: *Дементьев, Семенов, Смолин, Яковлев*. Шесть антропонимов из этого списка перестают фиксироваться в 1860-х гг. (после отмены крепостного права их носители могли приобрести другие фамилии).

В роли производящих, в основном, выступали календарные мужские имена (*Абрам, Агап, Алексей, Василий, Гавриил, Григорий, Дементий, Евдоким, Захар, Иван, Илья, Калина, Кле-*

ментий, Степан, Терентий, Тит, Фадей и др.), то есть имена из церковного календаря, в котором канонизированные святые перечисляются по месяцам и дням их празднования.

В составе первого списка бемыжских антропонимов имеются также три фамилии, образованные от некалендарных имен: *Смолин* < *Смола*, *Осокин* < *Осока*, *Лебедев* < *Лебедь*. Две первые могли быть произведены от патронимов дохристианского происхождения: Смолин (сын) – *сын Смолы*, Осокин (сын) – *сын Осоки*. В документах даже XVII в. отчества от нецерковных имен употреблялись равноправно с отчествами от имен церковных и без какого-либо отличия от них. Фамилия *Лебедев* также может быть отнесена к этому ряду, хотя более вероятно ее искусственное происхождение (семинарская фамилия).

Еще один антропоним «первой волны» имеет формант –ский: *Воеводский*. «Во многих русских фамилиях основа указывает не на предка, а на хозяина, – пишет В.А. Никонов [47: 199]. Также и фамилия *Воеводский*, скорее всего, говорит о зависимом положении ее первого носителя.

Всего же в истории села Бемыж можно выделить **пять** отличающихся друг от друга **периодов вхождения фамилий в бемыжский антропонимикон**.

Первый слой (фамилии первопоселенцев – кунгурских крестьян и заводовладельцев, фамилии выходцев из Нижегородской губернии) в общих чертах был рассмотрен выше. Последующие *два первых десятилетия XIX века* не внесли ничего нового в структурные типы бемыжских фамилий, поэтому их также можно причислить к *первому слою* формирования сельского антропонимикона. В это время в селе наблюдался некоторый приток рабочих в связи с закрытием других заводов Приуралья, хотя на структурно-семантическом составе фамилий это практически не отразилось, по-прежнему фиксировались исключительно производные от календарных мужских имен. Приведем данные по годам первой фиксации: 1801 г. – *Матвеев, Павлов*; 1802 – *Леонтьев*; 1803 – *Михайлов, Савельев, Филиппов*; 1806 – *Александров, Антонов, Родионов*; 1807 – *Андрианов, Герасимов, Димитриев, Игнатъев, Макаров, Прокопьев, Тимофеев, Федотов*; 1810 – *Тихонов*; 1813 – *Миронов*; 1814 – *Сергеев*; 1815 – *Вуколов, Данилов, Ларионов, Николаев, Пахомов, Спиридонов*;

1817 – *Анкудинов, Потапов*; 1818 – *Исаков, Кулюшин*; 1819 – *Саввин, Сидоров*.

В ядро антропонимикона села в этот период вошли следующие фамилии: *Александров, Анкудинов, Матвеев, Миронов, Пахомов, Потапов, Спиридонов, Тихонов, Федотов*.

Второй слой бемыжского антропонимикона складывается в третьем десятилетии XIX в., когда массово появляются новые модели фамилий: образованные от уменьшительной формы имени (*Костин*), от дохристианских имен (*Беляев* от *Беляй*) и детских именований (*Крохин* < *Кроха*, *Сухов* < *Сухой*), отпрозвищные патронимы (*Набоков, Шабалин*), фамилии искусственного происхождения (*Виноградов, Разумов*). Однако всё еще больше фамилий, соотносящихся с полными календарными мужскими именами. К внеязыковым причинам изменения в именовании людей можно отнести изменившуюся ситуацию на рынке рабочей силы: помещикам было разрешено переводить крестьян из других губерний, а одним из последствий этого мог быть перенос семантических моделей имен собственных; к общим внутриязыковым факторам – развитие системы русского антропонимикона (его фамильной части), расширение типов производящих баз и формирование разряда отчеств (отграничение их от фамилий).

Перечислим все фамилии, появившиеся в селе в это время, по годам первой фиксации в книгах Свято-Троицкой церкви: 1820 г. – *Виноградов, Костин, Шабалин*; 1821 – *Беляев, Панов*; 1823 – *Агафонов, Мышкин*; 1824 – *Космин, Львов, Сухов, Фомин*; 1825 – *Евсеев, Крохин, Набоков*; 1826 – *Модин, Разумов*; 1827 – *Карпов, Селиверстов*; 1828 – *Енаторов, Кабанов, Секарьянов, Силуянов*; 1829 – *Парфилов*. В ядро антропонимикона села в этот период вошли следующие фамилии: *Агафонов, Енаторов, Модин, Сухов, Шабалин*, а также – *Беляев, Евсеев, Кабанов, Парфилов*.

Третий слой бемыжского антропонимикона формируется в четвертом и пятом десятилетиях XIX в. и характеризуется активизацией двух моделей – отпрозвищной и профессиональной, а также увеличением числа диалектных основ в составах фамилий. Если в третьем слое антропонимикона тенденция использования «некалендарных» фамилий только зарождалась, то в четвертом (период интенсивного развития завода и села) она стано-

вится ведущей, выделяя состав бемьжских антропонимов на фоне фамилий жителей соседних сел и деревень.

Приведем данные по годам первой фиксации: 1830 г. – *Бодрин, Чуманов*; 1831 – *Ашихмин, Лашенков*; 1833 – *Башкиров, Липин, Чернов, Чичканов*; 1834 – *Капачинский, Пономарев*; 1835 – *Лошкин*; 1836 – *Бернатов, Бускин, Галеев, Ельшев, Козаков, Кулаков, Куренков, Лазарев, Лоханин, Маринин, Тюнин, Шахтыров*; 1837 – *Демин*; 1839 – *Башкин, Гуцин, Зимин, Колесников, Кусекеев, Логинов, Мастеров, Мельников, Мононов, Непогодин, Секерин, Усачев*; 1840 – *Айдашев, Вдовин, Векшин, Голованов, Духтанов, Залогин, Кривов, Макарчиков, Мурашов, Огурцов, Плотников, Подгорнов, Ракмашов, Рогожин, Слободской, Червяков, Чувьгин, Шипелев, Шишкин*; 1841 – *Морданов, Никифоров, Пальчиков, Платонов, Потехин, Соснин, Хабаров, Шелованов*; 1842 – *Бонькин, Ботохин, Камаев, Каузов, Лавров*; 1843 – *Бычков, Дранков, Корягин, Сомов*; 1844 – *Бабаев, Барзымов, Белов, Волков, Горбушкин, Куимов, Никаноров*; 1845 – *Бусьгин, Кузнецов, Пинилов, Тимошин, Трусов*; 1847 – *Танаев*; 1848 – *Майников*.

В это время появляются фамилии, в основах которых отражены не только полные календарные мужские имена, но и их уменьшительные формы (*Демин, Макарчиков, Тимошин*), одна фамилия связана своим происхождением с календарным женским именем (*Маринин*); фиксируются фамилии, образованные на базе семейных детских прозваний (*Зимин* и др.), в том числе с диалектными основами (*Башкин, Бодрин, Бускин* и др.), а также неясного образования (*Тюнин, Чичканов* и др.); отпрозвищные фамилии, отражающие в своих основах внешний вид человека (*Голованов, Кривов* и др.), особенности поведения – чаще негативного (*Бусьгин, Трусов* и др.), место проживания в пределах села (*Залогин, Подгорнов*); среди отпрозвищных появляются «профессиональные фамилии» (*Колесников, Куреннов, Мастеров, Мельников* и др.), а также фамилии метафорического происхождения, связанные с понятием об овощах (*Огурцов*), предметах быта (*Лоханин, Ложкин*), насекомых (*Мурашов, Червяков*); фамилии с тюркскими и финно-угорскими основами (*Галеев, Куимов* и др.), а также одно производное от этнонима (*Башкиров*).

Уже в 1830-х гг. в церковных записях встречаем тройное именование, например: *Василий Иванов Спиридонов*. Для того

времени третий компонент в формуле имени в ономастике определяется как «дедичество», то есть это еще не современная фамилия. В.А. Никонов писал: «Историков и неисториков неизменно обманывает трехчленное русское крестьянское именование середины XIX в., которое им кажется фамилией. Безусловно нет! Это второе отчество или скользящее дедичество. Стандартный пример: в 1834 г. в с. Троицкий Сунгур Сызранского у. Симбирской губ. числится государственный крестьянин Иван Захаров Маркелов. Все принимают Маркелов за фамилию. Но в переписи 1897 г. его сын записан как Степан Иванов Захаров. Маркелов – это еще не фамилия, а скользящее дедичество» [49: 210].

В условиях заводского села тройное именование позволяло более четко идентифицировать работника и создавало базу для будущей полноценной фамилии. Наиболее широко представленным тройное именование жителей Бемьжа становится позднее – в период крестьянской реформы: *Василий Леонтьев Чувьгин* (1861), *Евдокия Иванова Чучкова* (1862), *Иван Данилов Миронов* (1866) и мн. др. «Именование становилось фамилией постепенно. Создание фамилий означает не создание новых форм, а изменение функции существующих наименований (отчеств, прозвищ и др.)» [48: 28].

В ядро бемьшевского антропонимикона в 1830–1840-х гг. вошли: с 1830-х – *Башкин, Башикиров, Бернатов, Бодрин, Бускин, Галеев, Демин, Ельшев, Зимин, Казаков, Колесников, Кулаков, Кусекеев, Лапин, Лашенков, Лоханин, Лошкин (Ложкин), Непогодин, Секерин, Тюнин, Усачев, Чернов, Чичканов, Чуманов, Шахтыров*; с 1940-х – *Айдашев, Бабаев, Барзымов, Белов, Бонькин, Ботохин, Бусыгин, Бычков (Быков), Вдовин, Векшин, Волков, Дранков, Духтанов, Залогин, Камаев, Каузов, Кирилов, Корягин, Кривов, Кузнецов, Куимов, Макаровичков, Мурашов, Огурицов, Пинисов, Подгорнов, Потехин, Ракмашов, Рогожин, Сомов, Танаев, Трусов, Хабаров, Червяков, Чувьгин, Шелованов, Шипелев*. В последний раз, по нашим данным, в 1867 г. фиксируется фамилия *Морданов*.

В последующие десятилетия XIX в. все эти тенденции сохраняются, хотя количество новых фамилий, фиксирующихся в церковных книгах, резко сокращается в связи с изменившимися обстоятельствами: в 1850-е гг. многие крестьяне были сосла-

ны на Урал, всё большее число крепостных стали уходить на заработки в другие места, завод несколько раз приостанавливал работу и т.д.

Приведем данные по **четвертому слою антропонимов** (1850–1859 гг.) в соответствии с годом первой фиксации каждой фамилии (всего 28 единиц): 1850 г. – *Арбузов, Курбанов, Сорочкин, Чучков, Шикишинский*, 1851 – *Борисов, Горбунов*, 1853 – *Майоров, Попов, Чабаев*, 1855 – *Балакин, Морозов, Мухачев, Пронин*, 1857 – *Долгов, Канигин, Кушнов, Маслов, Пресняков, Пьянков, Тулаев*, 1858 – *Дымов, Капустин, Малов, Рыжнев, Сержантов, Тукмачев*, 1859 – *Тюничев, Усов, Фомичев*. Здесь с календарными мужскими именами (в полной и неполной форме) соотносятся всего две фамилии – *Борисов* и *Пронин*; отпрзвищных же гораздо больше (77 %). Этот слой отличается от других именно последней характеристикой – самым высоким процентом фамилий, в основах которых зафиксированы прозвищные именованя людей. В этот период в ядро антропонимикона села вошли следующие фамилии: *Балакин, Горбунов, Долгов, Канигин, Курбанов, Попов, Пронин, Сержантов, Фомичев, Чучков, Шикишинский*.

Пятый слой бемыжского антропонимикона формируется в 1860-х гг., когда в связи с реформой происходит «офамиливание» всего крестьянского населения России. Основными, наиболее значимыми событиями этого периода были отмена крепостного права (1861), возвращение в Бемыж сосланных на Урал семей, появление крестьян-отходников из других мест, очередной пуск завода (1866), окончательный выход из крепостной зависимости (1868). Весной 1869 г. Бемышевский завод был уже в который раз остановлен. В пореформенный период вся медеплавильная промышленность региона переживала упадок.

В это время фиксируется 17 новых для села фамилий: 1860 г. – *Глухов, Евфродитов, Кирьянов, Увицкий*, 1861 – *Гуськов, Небускин*, 1862 – *Кокушкин, Мальковский*, 1863 – *Коштанов*, 1864 – *Асапов*, 1866 – *Акимов, Лагунов, Легошин*, 1867 – *Киселев, Устинов*, 1869 – *Вохмин, Кормильцев*. Тенденция количественного преобладания отпрзвищных фамилий сохраняется (их более половины в этом списке), в связи с чем данные фамилии отнесим к пятому слою формирования бемышевского антропоними-

кона. В ядро антропонимикона села вошли три фамилии: *Акимов, Кокушкин, Небускин*.

В 1870–1890-х гг. (период в тридцать лет) в состав бемыжских фамилий включается всего 20 единиц. Связано это с упадком производства и тем, что в 1882 г. завод окончательно прекратил свою деятельность. Среди новых для села фамилий продолжает сохраняться высокий процент отпрозвищных (52 %): 1874 – *Аессоров, Дьячков*, 1875 – *Баторин, Робетков*, 1878 – *Карновский, Костромин, Кочергин*, 1880 – *Болтин, Рыжков*, 1881 – *Бельский*, 1888 – *Корнеев, Филимонов*, 1890 – *Паранин*, 1893 – *Бурдин, Мачихин*, 1894 – *Марков*, 1897 – *Козырев, Константинов, Соловьев*, 1898 – *Лукин*.

Отметим, что две фамилии имеют матронимическое происхождение (*Мачихин, Паранин*), а фамилии, соотнесенные с топонимами, впервые в истории села отражают территориально отдаленные города (*Костромин, Бельский*). Всего за последние три десятилетия XIX в. вошли в ядро антропонимикона села и присутствуют в нем до наших дней три фамилии: *Костромин, Сержантов, Рыжков*.

Итак, в целом **состав фамилий** села Бемыж в его историческом прошлом, подтверждаемый письменными памятниками середины XVIII – конца XIX в., **складывался постепенно** с притоком сюда людей сначала с северного и северо-западного направлений, а затем и с близлежащих территорий. «Становление русских фамилий отражает этапы развития русского общества» [76]. Помимо социально-исторических факторов, на его качественный состав влияли лингвистические процессы внутри самого сельского антропонимикона, протекавшие в период интенсивного формирования общерусской системы фамилий.

Рассмотрим бемыжский антропонимикон с точки зрения его семантического наполнения (внутренней формы фамилий, не связанных своим происхождением с системой личных имен). В.А. Никонов писал, что история труда и быта оставила след в фамилиях, лексические основы которых означали социальные отношения, предметы одежды, питание, обычаи и обряды [48: 7]. В составе бемыжских фамилий середины XVIII – начала XX в.

выделяется **пять основных тематических групп**: 1) фамилии, отражающие внешний вид человека; 2) черты характера, особенности поведения; 3) специальность, профессию, занятие; 4) место жительства; 5) семейные отношения.

Во **внешнем виде** человека фиксируется рост, отклоняющийся от нормы (*Долгов < Долгой, Малов < Малой*), наиболее приметной частью тела оказывается голова (*Башкин < Башка, Голованов < Голован*), наличие усов (*Усов* и *Усачев*), цвет волос, лица представлен по контрасту «черный – белый» (*Чернов < Черной, Белов < Белой, Беляев < Беляй*), в двух фамилиях отражен рыжий цвет (*Рыжев* и *Рыжков*), среди физических недостатков такие, как наличие горба, глухота и др. (*Горбунов, Глухов, Кривов*).

Среди **черт характера и особенностей поведения** в бемыжских фамилиях зафиксированы как положительные (*Бодрин < бодра, бодрый* «полный сил, деятельности», а также «нарядный»; *Козырев < козырь* «о бойком, смелом человеке»), так и отрицательные черты (*Кулаков < кулак* «скупой человек», но также «бойкий, ловкий»; *Бусыгин < бусыга* «пьяница», «хвостун»; *Пьянков < пьянко, пьяный; Трусов < трус; Робетков < «кто робет»*); особенности речевого поведения (*Балакин < балака* «болтун»). Обратим внимание на то, что во внутренней форме ряда фамилий повторяются такие характеристики, как энергичность, бойкость, смелость – именно этими чертами отличались жители Бемыжа на протяжении всей истории села. «После 1917 г., когда Бемыж был районным центром и жизнь в нем была ключом, по всей округе известен был бемыжский норов: непокладистые и бойкие на язык (...) Уже почти ушли из языка, но не забыты старыми бемыжанами меткие прозвища (жизнерадостный, открытый парень – *Гриня Бодро*, заикающийся мужичок – *Букварь*, черноволосые отец и сын – *Чугункины*)» [96: 301–302].

Наиболее приметная черта бемыжского антропонимикона – это наличие **фамилий, связанных с работой на заводе** (*Мастеров, Кушинов, Куреннов, Векшин, Шахтыров, Колесников, Кузнецов, Каузов*), с военной службой (*Казаков, Майоров, Сержантов*) и церковным служением (*Попов, Дьячков, Пономарев*). В них отражена занятость заводского села в XIX в.

Особенно интересна история фамилии *Куренной > Куреннов > Куренков*, разные этапы становления которой хорошо от-

ражены в церковных книгах: «*Куренного сын*» (1841), «*Куреннов*» (1857), «*Куренков*» (1859) и т.д. Куренными мастерами называли углежогов, которые выполняли куренные работы (*курень* – место, где складывалась куча поленьев для выжигания угля). Фамилия *Кушинов* также была образована как отчество от именованного отца по профессии – *кушной мастер* (или *кучной*, то есть делающий кучи из дров для выжига угля). Фамилия *Шахтыров* связана своим происхождением со словом *шахта* (в Бемыже существовали рудопкпные шахты), а пренебрежительная форма *шахтыр* (шахтёр) фиксируется в некоторых местах России и в настоящее время. Фамилия *Каузов* напоминает о техническом термине *кауз* – «труба в плотине для спуска лишней воды». И даже фамилия *Векшин* здесь, скорее всего, имеет отношение не к белке-векше, а к *векше подъемной*, то есть механизму.

Место жительства отражено в следующих фамилиях: пределы села (*Залогин, Подгорнов*), тип поселения (*Слободской*), другие населенные пункты и реки (*Костромин, Бельский, Увицкий, Вохмин*).

Семейные отношения во внутренней форме фамилий являются только по женской линии: *Вдовин, Мачихин* (мужская линия, как ведущая в русском антропонимиконе, представлена через связь с личным именем отца). В составе данных фамилий отражена какая-либо ущербная черта семьи – это ребенок вдовы (отсутствие отца) либо потерявший мать.

Кроме того, в бемыжском антропонимиконе содержится множество **метафорических фамилий**. Среди них выделяются такие, в образном компоненте которых отражены птицы (*Кушкин, Сорокин, Гуськов, Лебедев, Соловьев*), животные (*Волков, Бычков*), насекомые (*Мурашов, Червяков*), рыбы (*Сомов*), растения (*Соснин, Огурцов*), пища (*Маслов, Бурдин, Гуцин, Киселев*), посуда и другие емкости (*Ложкин, Лоханин, Лагунов* – лагун «бочонок», *Чуманов* – чуман «берестяной кузов»), орудия труда (*Кочергин, Секерин* – секира «лесосечный топор»), время года и погода (*Морозов, Зимин, Непогодин*) и др. Как видим, во внутренней форме фамилий широко представлен мир крестьянского быта и окружающая природа.

Самыми частотными, по наблюдениям исследователей, фамилиями с зоокорнями в русском языке являются: Воронин,

Голубев, Воробьев (так называемые птичьи фамилии). Однако в Бемыже представлен иной набор – исходными являются слова *кукушка, сорока, гусь (лебедь и соловей* – в фамилиях искусственного происхождения). Также в общерусском ономастиконе частотны фамилии с названиями таких млекопитающих, как бык, баран, соболь (Быков, Баранов, Соболев) и таких насекомых, как комар и жук (Комаров, Жуков). В бемыжских материалах в этом ряду находим производные от прозвищ *Волк, Бычок, Мураш, Червяк*. При этом надо отметить, что «каждое прозвище, как и любое другое собственное имя, теряет все характеристики, свойственные имени нарицательному, кроме одной, которая становится ведущей для данного конкретного акта именования. При этом прозвище *Лошадь* человек может получить и за соответствующий профиль (прямой крупный нос, напоминающий морду лошади), и за крупный рост, и за то, что работает, как лошадь, т.е. каждый раз ведущая черта может быть иной» [76: 9].

Движение бемыжского антропонимикона во времени можно наглядно отразить через определение **процентной соотношенности** разных типов фамилий, появившихся **в разные отрезки времени**.

годы	«календарные»	«некалендарные»	с нерус. основами	от матронимов	с топо-основами	колич. фамилий
1756–1799	89 %	8 %	-	-	-	37
1800–1819	97 %	-	-	-	-	32
1820–1829	58 %	43 %	-	-	-	23
1830–1839	14 %	63 %	17 %	3 %	-	35
1840–1849	18 %	63 %	10 %	2 %	4% (микро-)	51
1850–1859	8 %	77 %	13 %	-	-	28
1860–1869	18 %	53 %	6 %	6 %	12% (макро-)	17
1870–1899	24 %	52 %	4 %	10 %	10% (макро-)	20

В период с начала пуска завода (1756 г.) и до конца XVIII в. из 37 выявленных фамилий 89 % приходится на единицы, образованные как отчества от календарных личных мужских имен.

Эта особенность сохраняется и в первые два десятилетия XIX в. (1800–1819 гг.), когда из 32 фамилий, впервые фиксируемых в это время, 97 % соотносены с календарными именами.

В последующее десятилетие (1820 – 1829 гг.) происходит коренное изменение в соотношении типов фамилий: из 23 зафиксированных единиц только 58 % являются «календарными» (при этом 13 % из них мотивированы сокращенными, а не полными формами личных имен) и 43 % относятся к «некалендарным», то есть были образованы как отчества от прозвищ (в том числе от древних прозвищных именовании, то есть нецерковных личных и внутрисемейных детских имен, а также от «уличных» диалектных прозвищ) или это фамилии искусственного происхождения (семинарские).

Удивительное однообразие показателей имеют четвертое (1830–1839 гг.) и пятое десятилетия (1840–1849 гг.): и в тот и в другой периоды на «некалендарные» фамилии приходится по 63 % (35 и 51 единица соответственно), при этом в составе отпрозвищных фамилий заметно увеличивается доля «профессиональных» фамилий (20 и 8 %). На «календарные» фамилии приходится всего 14 % на четвертое десятилетие и 18 % – на пятое (с увеличением почти до половины фамилий, соотносящихся с уменьшительными именами). В то же время появляются фамилии нерусского происхождения (17 и 10 % соответственно), а также матронимические (3 и 2 %). Таким образом, в целом по этому периоду (1830–1849 гг.) в составе бемьшевского антропонимикона среди новых фамилий 16 % – «календарных» и 63 % «некалендарных» (в том числе связанных с названиями профессий – 14 % и с диалектными лексемами 14 %), с нерусскими основами – 14 %.

1850 – 1859 гг. (28 фамилий) дают самый высокий за все годы наблюдения процент «некалендарных» фамилий – 77 % и самый низкий по «календарным» фамилиям – 8 %.

Последующее десятилетие (70-е гг.) и последние три десятилетия XIX в. снова демонстрируют однородность: из 17 фамилий 1860–69 гг. 53 % являются «некалендарными»; среди фамилий, впервые фиксирующихся в 1870–1899 гг. (20 единиц), 52 % также относятся к «некалендарным». Средний показатель «календарных» фамилий по всему этому периоду (1860–1899 гг.) –

21 % (в том числе 14 % составляют фамилии профессионального происхождения и 21 % – с диалектными основами). Кроме того, 5 % приходится на фамилии с нерусскими корнями, 8 % – с матронимическими и 6 % фамилий отражают топонимические наименования.

Если соотнести все эти лингвистические данные с фактами историческими, то обнаружатся интересные и показательные историко-лингвистические соответствия. Рассмотрим их.

1. **Период однородности состава** сельского антропонимикона (с 60-х гг. XVIII в. – до конца 20-х гг. XIX в., то есть первые 50 лет), когда подавляющее большинство фамилий были отбразованы как отчества от календарных полных мужских личных имен, совпадает с периодом становления и развития заводской деятельности: в XVIII в. это пуск в завода и перемещение сюда русских крепостных крестьян из Пермской, Нижегородской и Казанской губерний, а также группы башкирских крестьян из Уфимской губернии; в первые десятилетия XIX в. произошло замедление темпов роста уральской металлургии, на Бемышевском заводе работы ведутся, в основном, силами крепостных крестьян заводовладельца (в 1805 г. на производстве было занято 464 работника, а в целом в селе проживало около тысячи человек, как и в период XVIII в.); после отечественной войны 1812 г. рынок сбыта существенно сужается, продукция металлургических заводов становится невостребованной, и многие заводские работники «шатаются по селениям, питаюсь мирским подаванием».

Однородность антропонимикона первых 50-ти лет в истории села Бемыж непротиворечиво соотносится с переселением массы людей, принадлежащих к одному социальному слою, и отсутствием притока иного населения. Это был период, когда русские крестьяне в целом еще не приобрели официальных фамилий и именовались, как правило, патронимически – со ссылкой на христианское имя отца (или деда).

2. Последующий **период - «пропорциональности»** состава сельского антропонимикона (третье десятилетие XIX в.), когда в составе вновь появляющихся в селе фамилий примерно поровну оказалось единиц «календарного» и «некалендарного»

происхождения (к «некалендарным» здесь относятся фамилии, основы которых связаны не с именами собственными, а с нарицательными словами), совпадает, говоря современным языком, с периодом формирования инфраструктуры села: появляется заводская больница, при ней баня, достраивается и открывается церковь (1825 г.), помимо основного корпуса завода имеется целый ряд складов, мельниц, лесопилок и т.д.; в 1826 г. владельцам уральских заводов было разрешено переводить крестьян из других губерний.

Таким образом, коренное изменение в структуре бемыжского антропонимикона в этот непродолжительный период (одно десятилетие) совпадает со временем экономического расцвета заводского села, появлением здесь церковнослужителей (и с ними – нового типа фамилий), переездом сюда людей из других губерний.

Итак, в то время, когда застой в жизни завода-села закончился и происходит интенсивное движение людей из разных социальных слоев, качественно изменяется и именник села – в его состав массово включаются единицы с разными «некалендарными» основами: фамилии-характеристики семинарского происхождения, а также фамилии, образованные как отчества от прозвищных или нецерковных (древнерусских) имен отцов; среди «календарных» фамилий появляются производные от «полуимён», что также отражает новые веяния в крестьянской традиции – возможность образования фамилии от обиходного именованя человека.

3. Следующие два десятилетия XIX в. (четвертое и пятое), характеризующиеся **возрастанием процента «некалендарных» фамилий, в том числе профессионального происхождения**, соотносятся с годами повышенной социальной активности заводского населения: работниками завода пишутся бесчисленные жалобы, прошения, воззвания в связи с невыносимыми трудовыми и жизненными условиями, проходят коллективные выступления, аресты зачинщиков недовольств, отправка многих крестьян в солдаты, рост численности крестьян-отходников.

Новые фамилии, фиксирующиеся в это время в Бемыже, отражают, прежде всего, большую свободу в крестьянских именованях: это демонстрирует и повышенный процент «некален-

дарных» фамилий, отражающих уличную стихию и народный язык (Башкин, Бодрин, Бускин, Гущин, Лоханин, Усачев и мн. др.), в том числе фамилии от профессиональных прозваний отцов (Казаков, Колесников, Куреннов, Мастеров, Мельников, Шахтыров) как проявление высокой степени уважения трудового человека. Отметим появление в селе фамилий с нерусскими основами, что было обусловлено разными событиями: прибытием на службу новых священников (Капачинский), закреплением в этот период в фамилиях внуков дедовских башкирских имен (Галеев), контактами с тюркским и финно-угорским населением региона. Наличие фамилий матронимического происхождения отражает увеличение числа неполных семей.

4. Период 1850-х гг. отличается **максимальным количеством** фиксируемых в церковных книгах **некалендарных фамилий** (77 %) и наименьшим процентом фамилий календарного происхождения (8 %), что происходит на фоне высылки более восьмисот человек на Урал (1854) и своевольного возвращения обратно около половины сосланных, а также уход на заработки многих крестьян из села и появление на заводе крестьян-сезонников из дальних мест. Возможно, последнее обстоятельство наиболее ярко проявилось в увеличении фамилий с прозвищными основами (Балакин, Горбунов, Долгов, Мухачев, Пьянков, Рыжев, Чучков и др.).

5. В последний период – четыре десятилетия конца XIX в. – состав фамилий, с точки зрения соотношения «календарных» и «некалендарных» единиц, **стабилизируется**: последние составляют около 53 %, в их числе заметную долю занимают производные с **диалектными основами** (21 %: Бурдин, Кокушкин, Лагунов, Легошин и др.); высок процент фамилий топонимического происхождения (от названий пространственно удаленных географических объектов), а также соотнесенных с матронимами. Это был период, связанный с отменой крепостной зависимости (1861 г.), большими перерывами в работе завода, интенсивным движением населения, приходом крестьян с близлежащих территорий на заработки, в том числе удмуртов и татар (1874) и, наконец, время закрытия завода (1882 г.).

Это был очень непростой для всего российского крестьянства период. В составе новых бемыжских фамилий он косвенно

отразился в заметном увеличении диалектных основ в составе фамилий (18 % в первое пореформенное десятилетие и 24 % во все последующие годы XIX в.), то есть активного использования единиц некодифицированной крестьянской речи, а также перенесения в Бемьж фамилий с отдаленных территорий, что оказалось особенно заметным в наличии топооснов (Вохмин, Костромин и др.).

Таким образом, можно представить формирование состава бемьжских фамилий к концу XIX в. как пять последовательных наслоений: 1) однородный «календарный» состав антропонимов, 2) период «пропорционального» состава фамилий (поровну «календарных» и «некалендарных» единиц), 3) возрастание процента «некалендарных» фамилий, в том числе профессионального происхождения, 4) максимальное число «некалендарных» фамилий и наименьшее «календарных», 5) стабилизация состава фамилий (половина «некалендарных», с ярко выраженной диалектной составляющей).

Таким образом, и в начале формирования антропонимикона заводского села (начало работы завода) наблюдаем **длительную ситуацию стабильности** системы фамилий с точки зрения их мотивировки, и то же самое в конце XIX в., в период сокращения и прекращения деятельности завода (то есть 50 лет в начале и 40 лет в конце века). Но если в начале это устойчивое преобладание традиционных крестьянских «календарных» именований (по отчеству от крестильного имени отца), то в конце – преобладание фамилий «некалендарного» типа (по прозвищу и т.п.). Между этими двумя периодами находим заметное и весьма быстрое движение состава фамилий от численного равновесия между «календарными» и «некалендарными» единицами к постепенному нарастанию числа последних с преобладанием в их составе сначала фамилий профессионального происхождения, а затем – с диалектными основами бытового характера, а также появления фамилий других разрядов. В целом это процесс от однородности антропонимического пространства села (фамилии, образованные как отчества от полных мужских личных христианских имен) к его неоднородности (с численным перевесом фамилий, образованных как отчества от прозвищ и

близких им групп имен, сформированных в стихии народной речи).

Общая картина в *лингвистическом отношении* отражает глобальные процессы демократизации национального русского языка и становления русской антропонимической системы, а в *социо-культурном и историческом отношении* – процессы осознания русским крестьянином себя как индивидуума, складывание новой системы ценностей в крестьянской среде (оценка людей по их общественным качествам и профессиональным навыкам).

Диахронический анализ бемьжского антропонимического пространства (система фамилий) позволяет сделать вывод о том, что в XIX в. специфической чертой языковой картины мира жителей этого заводского села (крепостных крестьян) было восприятие человека, прежде всего, через его профессиональную деятельность (в том числе через отношение к военной службе, церковному служению). «Анализ извлеченной из антропонимов информации является основой для моделирования отдельных черт региональной языковой картины мира, особенности которых обусловлены спецификой историко-культурного развития региона и формирования языковой ситуации в крае» [50]. Ценностный компонент рассмотренной нами региональной картины мира ярко отражен в отпрозвищных фамилиях, в основе которых лежит меткое и острое слово народной речи, характеризующее человека по его общественному поведению.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авдеева В.Г. Крестьянское движение в Вятской губернии в пореформенный период. Автореф. ...канд. ист. наук: М., 1965.
2. Александров А.А. Из истории Бемышевского медеплавильного завода // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVIII – первой половине XIX вв. Сб. ст. - Ижевск, 1981. С. 98 – 122.
3. Бабаева Е.Э., Журавлев А.Ф., Макеева И.И. О проекте «Исторического словаря современного русского языка» // Вопросы языкознания, 1997, № 2.
4. Барашков В.Ф. А как у вас говорят? – М.: Просвещение, 1986.
5. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. – М.: Наука, 1979.
6. Бердинских В. А. Крестьянская цивилизация в России. – М., 2001.
7. Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. – М.: Новое литературное обозрение, 2003.
8. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983.
9. Бражникова Н.Н. История говоров Южного Зауралья по данным фамилий // Антропонимика. – М.: Наука, 1970.
10. Вагина П.А. Рабочая сила заводов Твердышева и Мясникова во второй половине XVIII века // Из истории заводов и фабрик Урала. Сб. ст. Вып. II. – Свердловское книж. изд-во, 1963.
11. Верховых Л.Н. Антропонимическое пространство сел Абрамовка Таловского района и Красное Новохоперского района Воронежской области. Автореф. ...канд. филол.наук: Воронеж, 2008.
12. Восприемник // Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1894. Т. 13. С. 281.
13. Гаврилов Д.В. Горнозаводской Урал XVII-XX вв.: Избранные труды. – Екатеринбург, 2005.
14. Глинкина Л.А. Лингвокраеведение и его основные источники // Русский язык: исторические судьбы и современность.

Сб. тезисов II Междунар. конгресса исследователей русского языка. – М., 2004.

15. Горное законодательство // Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1893. Т. 17. С.246–252.

16. Горнозаводские крестьяне // Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1893. Т. 17. С.255–257.

17. Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. – Ижевск, 1977.

18. Гурская Ю.А. Древние фамилии современных европейских ареалов: к постановке проблемы // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Филологические науки. 2010, № 8. С. 55–60.

19. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1991 – 1993. Т.1–4.

20. Денисова Т.Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации: на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области. Дисс. ... канд. филол. наук: Смоленск, 2007.

21. Долбилова Л.П. Отмена крепостного права в Вятской губернии // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). – Киров, 1994.

22. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861–1880. – М.: Наука, 1978.

23. Дьякова Н.С. Изменения в системе именований жителей г. Устюжны Железопольской в XVI–XVII вв. Автореф. ... канд. филол. наук: Вологда, 2007.

24. Евдокимов Ю.Ф. Легенды и явь. Кизнерскому району – 50. – Ижевск, 1989.

25. Жеребцов И.Л. Переселения жителей Коми края на Вятку в конце XVI – начале XVIII вв. // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). – Киров, 1994.

26. Зинин С.И. Суффиксы русских фамилий XVII – XVIII вв. // Антропонимика. М.: Наука, 1970.

27. Ильичев А.А. Структурные разновидности антропонимов и их варьирование в деловых памятниках Нижегородского

края XIV–XVII вв. Автореф. ...канд. филол. наук: Нижний Новгород, 2011.

28. Исаева Т.А. Морфемные типы и география неофициальных фамилий в Горьковской области // Ономастика Поволжья. 3. – Уфа, 1973.

29. История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). – Киров, 1994.

30. История Удмуртии. Конец XV – начало XX в. / под ред. К.И.Куликова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004.

31. История Удмуртии. XX век. – Ижевск, 2005.

32. История Урала с древнейших времен до 1861 г. – М.: Наука, 1989.

33. Калужный В.И. Состав и положение горнозаводских рабочих Урала в третьей четверти XVIII в. // Из истории заводов и фабрик Урала. Сб. ст.– Свердловское книж. изд-во, 1963.

34. Кизнер. Земля живых ключей / Сост. Н.И. Рылова. – Ижевск: Удмуртия, 2009.

35. Климкова Л.А. Региональная ономастика. – Горький, 1987.

36. Клишева В.А. Крестьянские хозяйства Удмуртии 1917–1927 гг.: социально-экономический анализ. – Ижевск, 2008.

37. Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. – Изд-во Московского университета, 1967.

38. Крестьяне // Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1893. Т. 32. С.659–725.

39. Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. – Ижевск, 1974.

40. Лигенко Н.П. Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма (60 – 90-е гг. XIX в.). – Ижевск, 1991.

41. Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. Ижевск, 2001.

42. Луппов П.Н. К истории медеплавильного Бемышевского завода // Записки УдНИИ. – Ижевск, 1936. Вып. 6. С. 187 – 196.

43. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX в. – М., 1947.

44. Мамин-Сибиряк Д.Н. Из далекого прошлого // Д.Н. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений в 12 т. Т. 12. Автобиографические произведения. Публицистика. – Свердловск, 1951.
45. Марченкова Ю.Ю. Фамилии рославльского края (синхронический и диахронический аспекты). Автореф. ...канд. филол. наук: Смоленск, 2006.
46. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.). – СПб., 2003. – Т. 1.
47. Никонов В.А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974.
48. Никонов В.А. География фамилий. – М.: Наука, 1988.
49. Никонов В.А. Словарь русских фамилий. – М., 1993.
50. Окунева Л.В. Антропонимия как источник изучения региональной языковой картины мира. Автореф. ...канд. филол. наук: Архангельск, 2010.
51. Ономастика и норма. – М.: Наука, 1976.
52. Ономастика Поволжья. 3. – Уфа, 1973.
53. Очерки истории Удмуртии XIX в. – Ижевск, 1996.
54. Павловец О.В. Метрическая книга как исторический документ // Русская речь. 2007, № 5.
55. Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Второе рассуждение. Об именах существительных. – СПб., 1842.
56. Палагина В.В. К вопросу о локальности русских антропонимов // Вопросы русского языка и его говоров. – Томск, 1968.
57. Плющевский Б.Г. Организация крестьянских отхожих промыслов в крупных вотчинных хозяйствах нечерноземного центра (вторая четверть XIX в.) // Вопросы истории Урала. Ученые записки Пермского гос. ун-та им. А.М. Горького. – Пермь, 1966. № 158.
58. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978.
59. Подольская Н.В. Антропонимика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
60. Полякова Е.Н. К истокам пермских фамилий: Словарь. – Пермь, 1997.

61. Попов С.А. Прошлое и настоящее ойконимии Петропавловского района Воронежской области // Проблемы русского слова на рубеже тысячелетий. Материалы II Всерос. науч.-практич. конф. Ч. II. – Воронеж: ВГПУ, 2003. С. 145–151.

62. Потехин А.А. Сочинения. Т. 12. Этнографические очерки, отрывки, неоконченные рассказы и воспоминания. – С.-Пб.: Типо-литография товарищества «Просвещение», 1896.

63. Пугачевщина // Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1898. Т. 50. С. 750–761.

64. Родионов Н.А. Репрессии против крестьянства и сельских кадров в Удмуртии в 1920–1940-е гг. // Проблемы экономической и социально-политической истории Удмуртии. Сб. статей. – Ижевск, 2001.

65. Салтанова И.А. Историческое и лингвистическое краеведение на уроках русского языка // Начальная школа. Плюс до и после. – 2009, № 11. С. 1–4.

66. Семин В.П. История Отечества: учеб. пос. для вузов. – М.: Академич. Проект: Гаудеамус, 2005.

67. Сими́на Г.Я. История отчеств // Ономастика Поволжья, 3. – Уфа, 1973. С. 177 – 182.

68. Скрябина Н.П. Памятники деловой письменности – источник изучения антропонимов // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров. – Красноярск, 1988.

69. Словарь русских народных говоров. – М.; СПб., 1965–2007. Т. 1 – 41.

70. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1975–1991. Вып. 1 – 17.

71. Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии 1917–1991 г. – Ижевск: Удмуртия, 1995.

72. Старостин В.А. Вятские роды // Герценка: вятские записки. Вып. № 8.

73. Столетие Вятской губернии. 1780–1880: Сб. материалов к истории Вятского края. – Т. 2. – Вятка, 1881.

74. Судовиков М.С. Численность, происхождение и деятельность вятского купечества в конце XVIII в. // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). – Киров, 1994.

75. Суперанская А.В. Структура имени собственного. – М., 1969.
76. Суперанская А.В., Сулова А.В. Современные русские фамилии. – М.: Наука, 1981.
77. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. – М.: ЭКСМО, 2005.
78. Супрун В.И. Краеведческая ономастика // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Лингвистическое изучение материальной и духовной культуры. – Сыктывкар: Сыктывк. ун-т, 1994.
79. Суханов А.И. История нашего края. – Ижевск: Удмуртия, 1981.
80. Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX века. – М.: Наука, 1978.
81. Тюрина Г.Н. Неофициальные (уличные) фамилии жителей юга Нижегородской области: способы и типы номинации // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2001.
82. Удмуртская Республика: энциклопедия / гл. ред. В.В. Туганаев. – 2-е изд. – Ижевск: Удмуртия, 2008.
83. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. – М.: Прогресс, 1995.
84. Успенский Б.А. Социальная жизнь русских фамилий // Б.О. Унбегаун. Русские фамилии. – М.: Прогресс, 1995. С. 336–364.
85. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М.: Прогресс, 1964 – 1973.
86. Федорова М.В. Русские имена в XX в. – Белгород, 1995.
87. Хрестоматия по истории Удмуртии: в 2 т. Т. 1: Документы и материалы. 1136–1917. – Ижевск, 2007.
88. Хрестоматия по истории Удмуртии: в 2 т. Т. 2. Документы и материалы. 1917–2007. – Ижевск, 2007.
89. Черкасова А.С. К вопросу о движущих силах и характере волнений в горнозаводских центрах Урала в середине XVIII в. // Вопросы истории Урала. Ученые записки Пермского гос. ун-та им. А.М. Горького. – Пермь, 1966. № 158.
90. Черкасова А.С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. – М.: Наука, 1985.
91. Черкасова М.С. Троицкие владения в нижегородском Поволжье в XV–XVII вв. // История и культура Волго-Вятского

края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). – Киров, 1994.

92. Черноухов А.В. История медеплавильной промышленности России XVII–XIX вв. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1988.

93. Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. – М.: Учпедгиз, 1959.

94. Чучкова О.В. Антропонимическая система села Бемыж Удмуртской Республики: история и современность. Выпускная квалификационная работа. – Ижевск, 2010 (рукопись).

95. Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 3-е. – М.: Просвещение, 1975.

96. Шейдаева С.Г. Материалы диалектологических экспедиций как источник по истории, этнографии и лингвистике // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). – Киров, 1994. С. 300–302.

97. Шейдаева С.Г. «Украина» и «Польша» Бемыжа // Известия Удмуртской Республики. 1997, 20 декабря.

98. Шейдаева С.Г. Семейная традиция выбора личных имен (по материалам метрических книг Свято-Троицкой церкви Бемышевского завода // Русская речь в Удмуртии: Межвуз. сб. ст. Вып. 2 – Ижевск, 2008.

99. Шилов А.В. К вопросу о влиянии войн начала XIX в. на положение горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории Урала. Ученые записки Пермского гос. ун-та им. А.М. Горького. – Пермь, 1966. № 158.

100. Шумилов Е.Ф. Православный писатель Н.И. Блинов // Духовная традиция в русской литературе: сб. науч. ст., сост. Г.В. Мосалева. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2009.

101. Энциклопедия земли Вятской: В 10 т. Т. 1, кн. 2. Сёла. Деревни. – Киров, 2002.

102. Энциклопедия земли Вятской: В 10 т. Т. 4. История / Сост. В.А. Бердинских – Киров, 1995.

Список источников

103. Брачные обыски. 1888–1901 гг. Кн. 4 – 7 (фонд № 72, опись № 1, кн. 3. ЦГА УР).

104. Духовные росписи за 1798 – 1835 гг. Кн. 25–28 (фонд № 72, опись № 1, кн. 3. ЦГА УР).

105. Загуменнов А.В. Книга памяти: посвящается жителям Кизнерского района Удмуртской Республики, вернувшимся с Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) – Сарапул, 1998.

106. Картотека русских говоров Удмуртии (кабинет русского языка Удмуртского государственного университета).

107. Книги записи оглашений о вступлении в брак прихожан. 1911–1913 гг. (фонд № 72, опись № 1, кн. 3. ЦГА УР).

108. Материалы диалектологических экспедиций филологического факультета Удмуртского государственного университета (1984 г.; рукопись.).

109. Метрические книги Свято-Троицкой церкви Бемышевского завода (с. Кувак) Елабужского уезда Вятской губернии за 1825–1902 гг. (фонд № 72, опись № 1, 66 ед. хран., 1825–1902 гг. ЦГА УР).

110. Протоколы районных партийных собраний. Бемыжский райком ВКП(б). 8 февраля 1935 г. – 29 ноября 1935 г. – Оп. № 1. Фонд № 339, д. № 2 и № 10; 1937 г.? Фонд № 945, д. 22, 23 (1956–1958 гг.); Фонд № 887, с. 64. Партархив Удмуртского ОК ЦДНИ УР.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Бемыжские фамилии (вторая половина XVIII в. - XIX в.) с указанием года первой фиксации

Абрамов (Обрамов, Авраамов) 1781
Агапов (Огапов) 1781
Агафонов 1823
Айдашев 1840
Акимов (Якимов, Екимов) 1866
Александров 1806
Алексеев 1781
Андреев 1797
Андрианов (Андреянов) 1807
Анкудинов (Акиндинов, Анкиндинов) 1817
Антонов (Онтонов) 1806
Арбузов 1850
Артамонов (Ахтамонов) 1799
Артемьев (Артемеев) 1799
Асапов 1864
Ассесоров 1874
Афанасьев (Афонасьев) 1781
Бабаев 1844
Бабьев 1845 (см. Бабаев)
Балакин (Балатин) 1855
Барзымов 1840
Баторин 1875
Башкин 1839
Башкиров 1833
Белов 1840
Бельский 1881
Беляев 1821
Бернатов 1836
Бодрин 1830
Болтин 1880
Бонькин (Бонкин) 1842
Борисов 1851

Ботохин (Батохин) 1842
Бурдин 1893
Бускин (Бусскин) 1836
Бусыгин (Бусагин) 1845
Бычков 1843
Васильев 1774
Вдовин 1840
Векшин 1840
Викулов 1860 (см. Вуколов)
Виноградов 1820
Воеводский (Воевоцкий) 1774
Волков 1844
Володимиров 1799
Вохмин 1869
Вуколов 1815
Гаврилов 1774
Галеев 1836
Герасимов (Гарасимов) 1807
Глухов 1860
Голованов 1840
Горбунов 1851
Горбушкин 1844
Григорьев 1781
Гуськов 1861
Гущин 1839
Данилов 1815
Дементьев 1799
Демин 1837
Димитриев (Дмитриев, Митриев) 1807
Долгов 1857
Дранков 1843
Духтанов 1840
Дымов 1858
Дьяконов 1900
Дьячков 1874
Евдокимов 1781
Евсевиев 1825
Евфродитов 1860

Егоров 1781
Елизаров (Елезаров) 1799
Елышев 1836
Енаторов (Еноторов, Инаторов, Иноторов) 1828
Ефимов (Евфимов, Енфимов) 1799
Захаров 1799
Залогин 1840
Зимин 1839
Иванов 1799
Игнатъев 1807
Исаков (Исааков) 1818
Ильин (Иліін) 1799
Кабанов 1828
Казаков (Козаков) 1836
Калинин 1797
Калинников 1829 (см. Калинин)
Камаев 1842
Камашев 1911 (см. Камаев)
Канигин (Каныгин) 1857
Капачинский 1834
Капустин 1853
Карновский 1878
Карпов 1827
Каузов (Коузов) 1842
Кирилов 1842
Кирьянов 1860
Киселев 1867
Клементъев (Климентъев) 1799
Козырев 1897
Кокушкин (Кукушкин) 1862
Колесников 1839
Константинов 1897
Кормильцев 1869
Корнеев (Корнев) 1888
Корнилов 1797
Корягин 1843
Костин 1820
Костромин 1878

Космин (Козмин) 1824
Кочергин 1878
Коштанов 1863
Кривов 1840
Крохин 1825
Кузнецов 1845
Куимов 1844
Кулаков 1836
Кулюшин (Кулюшкин, Колюшин) 1818
Кулюшкин 1845 (см. Кулюшин)
Курбанов 1850
Куреннов (Куренной, Куренков) 1836
Кусекеев (Кусикеев) 1839
Кушнов 1857
Лавров 1842
Лагунов 1866
Лазарев 1836
Лапин 1833
Ларионов 1815
Лашенков (Лошанков, Лишонков, Лашонков) 1831
Лебедев 1777
Легошин 1866
Леонтьев 1802
Логинов 1839
Лоханин (Лопахин) 1836
Лошкин 1835
Лукин 1898
Львов 1824
Маев 1874 (см. Майников)
Майников 1848
Майнин 1861 (см. Майников)
Майнов 1857 (см. Майников)
Майоров 1853
Макаров 1807
Макарчиков 1840
Малов 1858
Мальковский 1862
Маннанов (см. Монанов)

Маринин 1836
Марков 1894
Маслов 1857
Мастеров 1839
Матвеев 1801
Мачихин (Мачехин) 1893
Мельников 1839
Миронов 1813
Митриев 1815 (см. Дмитриев)
Михайлов 1804
Модин 1826
Монанов (Мононов) 1839
Морданов (Марданов) 1841
Морозов 1855
Мурашов (Мурашев) 1840
Мухачев 1850
Мышкин 1823
Набоков 1825
Небускин 1861
Непогодин 1839
Никаноров 1844
Никитин 1799
Никифоров 1841
Николаев 1815
Огурцов (Агурцов) 1840
Осипов 1799
Осокин 1755
Павлов 1801
Пальчиков 1841
Панов 1821
Панфилов 1840 (см. Парфилов)
Паранин 1890
Пахомов 1815
Парфилов (Перфилов, Панфилов, Порфирьев) 1829
Перфилов 1898 (см. Парфилов)
Порфирьев 1831 (см. Парфилов)
Петров 1781
Пинисов (Пенисов, Панисов) 1845

Платонов 1841
Плотников 1840
Подгорнов 1840
Пономарев 1834
Попов 1853
Потапов 1817
Потехин 1841
Пресняков 1857
Прокопьев (Прокофьев) 1807
Прокофьев 1826 (см. Прокопьев)
Пронин 1855
Пьянков 1857
Разумов 1826
Ракмашов (Рахмашев, Рохмашов) 1840
Робетков 1875
Рогожин 1840
Родионов 1806
Романов 1781
Рыжев 1858
Рыжков 1880
Савельев (Савеліев) 1803
Саввин 1819
Северьянов 1843 (см. Секерьянов)
Секерин (Секирин) 1839
Секерьянов (Сикерьянов, Северьянов) 1828
Селиверстов 1827
Семенов (Семеонов, Семіонов) 1774
Сергеев 1814
Сержантов 1858
Сидоров 1819
Силуянов (Силуанов) 1828
Слободской 1840
Смолин 1797
Соловьев 1897
Сомов 1843
Сорокин 1850
Соснин 1841
Соснов 1858 (см. Соснин)

Спиридонов (Сперидонов) 1815
Степанов (Стефанов) 1781
Сухов 1824
Танаев 1847
Терентьев 1798
Тимофеев 1807
Тимошин 1845
Титов 1774
Тихонов (Тиханов) 1810
Трусов 1845
Тукмачев 1858
Тулаев 1857
Тюнин 1836
Тюничев 1859
Увицкий 1860-е гг.
Усачев 1839
Усов 1859
Устинов 1867
Фадеев 1799
Федоров 1781
Федотов (Феодотов) 1807
Филимонов 1888
Филиппов (Филипов) 1803
Фомин 1824
Фомичев 1859
Хабаров 1841
Чабаев 1853
Червяков 1840
Чернов 1833
Чичканов (Чучканов) 1833
Чувьгин (Чювьгин) 1840
Чуманов 1830
Чуцков 1860
Чучканов 1897 (см. Чичканов)
Чучков (Чуцков) 1850
Шабалин (Шибалин) 1820
Шахтыров (Шахтырев) 1836
Шелованов (Шилованов, Шолованов, Шалованов) 1841

Шикшинский 1850
Шипелев (Шипилов) 1840
Шишкин 1840
Шуманов 1861 (см. Чуманов)
Яковлев 1773

Содержание

<i>Предисловие. «Чтобы память не захлестнуло...»</i>	3
Антропонимический материал в лингвокраеведении.....	5
Вторая половина XVIII в.: первопоселенцы Бемышевского завода и их фамилии.....	12
Фамилии «работных людей» в первые десятилетия XIX века.....	41
1830–1840-е годы: новые тенденции в бемышевском антропонимиконе.....	66
Возрастание числа некалендарных фамилий в 1850-х годах.....	115
Движение населения в пореформенный период и фамилии крестьян-сезонников.....	127
Конец XIX в.: фамилии последних работников завода.....	140
Бемыж в первой половине XX в.: воспоминания жителей.....	148
Пять исторических слоёв бемыжских фамилий.....	161
<i>Библиографический список</i>	178
<i>Список источников</i>	184
<i>Приложение. Бемыжские фамилии (вторая половина XVIII в. – XIX в.) с указанием года первой фиксации</i>).....	187

Научное издание

Шейдаева Светлана Григорьевна

ИСТОРИЯ СЕЛА В ФАМИЛИЯХ ЛЮДЕЙ:

Бемышевский медеплавильный завод

Лингвокраеведческий очерк

Авторская редакция

Технический редактор: к. филол. н., доц. Н.И. Чиркова

Подписано к печати 24.02.12. Формат 60x84 1/16.

Усл. печ. л. 16,2. Уч.-изд. л. 15,8.

Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, д. 1, корп. 4, к. 207
Тел./факс: + 7 (3412) 500-295 E-mail: editorial@udsu.ru